

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Барнаульский государственный педагогический университет»
Лаборатория исторического краеведения

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае

2006 г.

*Археология,
этнография,
устная история*

Выпуск 3

Материалы
III региональной научно-практической конференции
6–8 декабря 2006 г.

Барнаул, 2006

УДК 902+39

ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)

П 491

Редакционная коллегия:

М. А. Демин, д-р ист. наук, профессор;

Т. К. Щеглова, д-р ист. наук, профессор;

А. Н. Телегин, старший преподаватель

П 491 Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 3: Материалы III регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2006 г.– Барнаул, БГПУ, 2007. – 190 с.

ISBN 978-5-88210-373-5

В сборнике публикуются материалы III региональной научно-практической конференции, посвященной полевым исследованиям различных научных, учебных и музейных центров в области археологии, этнографии и устной истории на территории юга Западной Сибири.

Издание рассчитано на историков, археологов, этнографов, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

УДК 902+39

ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)

ISBN 978-5-88210-373-5

© Барнаульский государственный
педагогический университет, 2007

Посвящается памяти
профессора

**Алексея Павловича
УМАНСКОГО**
(1923–2005)

От редакции

В декабре 2004 г. в Барнаульском государственном педагогическом университете была проведена первая региональная научная конференция «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае», посвященная итогам минувшего полевого сезона. Интерес, проявленный к конференции специалистами в области археологии, этнографии и устной истории, а также краеведами, музеиными работниками и учителями, продемонстрировал ее востребованность в научном сообществе и подтвердил уверенность организаторов в необходимости превращения ее в ежегодный форум, обеспечивающий оперативное введение в научный оборот источников, полученных в ходе полевых экспедиционных работ.

Предлагаемый вниманию читателей сборник составлен из материалов, подготовленных к третьей научно-практической конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история)», состоявшейся 7–9 декабря 2006 г. в Барнаульском государственном педагогическом университете. В ее работе приняли участие исследователи из Института археологии и этнографии СО РАН, Института алтайстики им. С. С. Суразакова, Кемеровского государственного университета, Алтайского государственного университета, Алтайского государственного технического университета, Горно-Алтайского государственного университета, Новосибирского государственного педагогического университета, Барнаульского государственного педагогического университета, Бийского педагогического государственного университета, научно-производственного центра «Наследие», Алтайского государственного краеведческого музея, Бийского краеведческого музея, Каменского краеведческого музея.

Конференция была посвящена памяти известного сибирского историка и археолога Алексея Павловича Уманского. Ученый не мыслил свою жизнь без экспедиционных изысканий. В молодости попав на раскопки знаменитого комплекса археологических памятников у села Большая Речка, производившиеся под руководством М. П. Грязнова, он на всю жизнь «заболел» археологией.

Первые самостоятельные раскопки начинающий археолог провел в 1951 г. близ с. Иня в Павловском (ныне – Шелаболихинском) районе Алтайского края, вскрыв четыре кургана сросткинской культуры. Далее последовала более чем тридцатилетняя эпопея открытия и исследования древних памятников края. Среди них – некрополи андроновской культуры (Кытманово, Нижняя Суетка, Степной Чумыш и др.), поздней бронзы (Новоильинка, Ильинка, Плотинная, Новотроицкое), раннеже-

лезного (ур. Раздумье, Камень-2, Масляха, Новотроицкое) и древнетюркского времени (Зайцево, Грязново, Иня и др.). В Государственном Эрмитаже хранятся вещи уникального захоронения эпохи «великого переселения народов» из Тугозвоново, которые были спасены для науки благодаря усилиям А. П. Уманского, а также коллекция (более 110 предметов) ювелирных украшений, найденных им в грунтовых могилах поздней бронзы (Кытманово) и в курганах раннегородского века (ур. Раздумье).

В Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук находятся каменные изделия из Улалинки (в черте г. Горно-Алтайска), которые своей древностью произвели в 1970-е гг. настоящую сенсацию в научном мире. Открыл этот памятник академик А. П. Окладников, а раскапывал в течение двух сезонов его соратник по археологии А. П. Уманский. Между двумя учеными установилось многолетнее сотрудничество, переросшее в крепкую дружбу и взаимную поддержку.

Научные контакты, глубокое уважение и добрые человеческие отношения связывали профессора А. П. Уманского с другими крупнейшими археологами нашей страны: В. А. Могильниковым, Л. Р. Кызласовым, Н. Л. Членовой (Москва), А. П. Деревянко, В. И. Молодиным, Т. Н. Троицкой (Новосибирск), А. И. Мартыновым (Кемерово), В. И. Матющенко (Омск), Л. А. Чиндиной (Томск), Ю. Ф. Кирюшиным (Барнаул), с научными сотрудниками Государственного Эрмитажа, с музеиными работниками и краеведами Алтая. Особенно тесной и плодотворной была совместная деятельность А. П. Уманского и В. А. Могильникова. Результатом их общих усилий стали, в частности, раскопки курганных групп в Масляхе, Камне-на-Оби и Новотроицком, содержащие богатейший материал по выделенной ими каменской культуре эпохи раннего железа лесостепного Приобья.

На склоне лет, оказавшись по состоянию здоровья не в силах принимать участие в полевых исследованиях, А. П. Уманский говорил, что ему часто снятся археологические экспедиции и что, просыпаясь по ночам летом, он с недоумением и горечью обнаруживает, что находится в своей городской квартире, а не на раскопках среди коллег-археологов. Даже в последний день своей жизни учений вычитывал компьютерный набор рукописи, посвященной раскопкам могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинной.

Организация в Барнаульском государственном педагогическом университете конференций по итогам полевых исследований является продолжением традиций, заложенных здесь нашими учителями и старшими коллегами, и одновременно – данью уважения к их подвижничес-

ской деятельности и признанием их вклада в изучение прошлого нашего края.

Редакторы сборника надеются, что вводимые в научный оборот материалы не только будут востребованы профессиональными археологами, этнографами и историками, но и представлят интерес для студентов исторических факультетов вузов, а также всех, кому небезразлична история нашей Родины.

о о о

1 АРХЕОЛОГИЯ

В. И. Соёнов, С. В. Трифанова

Полевые археологические исследования Горно-Алтайского госуниверситета в 2006 г.¹

В полевой сезон 2006 г. сотрудники кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ) производили разведочные и раскопочные работы на территории России (Республика Алтай) и участвовали в разведочных работах на территории Казахстана (Катон-Карагайский округ).

В июле 2006 г. экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством В. И. Соёнова и экспедицией Института гуманитарных исследований при Алтайском государственном университете под руководством В. П. Семибрата осуществлялись совместные аварийные археологические раскопки на памятнике Тыткескень-6 в зоне предполагаемого строительства плотины Алтайской ГЭС на Средней Катуни около с. Еланда Чемальского района.

В июле–сентябре археологическая экспедиция ГАГУ под руководством В. И. Соёнова производила разведочные работы на территории Чемальского, Шебалинского, Онгудайского районов Республики Алтай и раскопочные работы на поселении Чёба, расположеннном в 9,5 км юго-восточнее с. Еланда Чемальского района. Исследования осуществлялись на средства регионального проекта РГНФ «Горный Алтай в период ранней бронзы» (№ 06-01-61110 а/Т) и бюджетные средства Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай (директор – канд. филос. наук В. П. Ойношев).

Поселение Чёба обнаружено в 1989 г. одним из авторов на правобережной катунской террасе на правом берегу безымянного ручья в 2,5 км к СВ от устья р. Чёба. В 2006 г. в юго-западной части памятника был заложен раскоп (квадрат II-1). В ходе исследований выявлены проекалы, выкладки из рваных и окатанных камней. В слоях поселения обнаружено большое количество каменных, керамических и костяных артефактов, имевших распространение по всей площади раскопа.

Каменные предметы представлены обломками топора, кинжала, куранта, а также нуклеусами, наконечниками стрел, проколками, скребками, резцами, пластинками, отщепами, зернотеркой, гальками, предметами мелкой пластики и др.

Керамика многочисленна, но большая ее часть представлена маленькими неорнаментированными фрагментами лепных сосудов серого и черного цвета с толщиной стенок до 1 см. На части фрагментов сосудов

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 06-01-61110 а/Т)

встречается орнамент в виде резных ломаных линий, насечек, вдавлений, «жемчужин», гребенки, пунктирных линий и т. д.

Костяной инвентарь поселения представлен ложками-лошилами, проколками, орудиями из трубчатых костей и ребер животных. Многие костяные орудия пока не удалось уверенно определить: только дальнейший трасологический анализ коллекции позволит идентифицировать их более точно.

Кроме того, в слоях поселения зафиксированы куски необожженного глиняного раствора, медной руды (?), железа. При осмотре территории поселения в юго-восточной части на спуске к реке в отвале норы сурка обнаружен костяной гарпун, неорнаментированные фрагменты керамики красно-коричневого цвета, трубчатая кость и кусочек шлака (?).

Материалы вскрытых слоев поселения Чёба различны по культурно-хронологической принадлежности. Предварительно их можно отнести к археологическим культурам периода бронзы и раннего железа.

В ходе разведочных работ в Чемальском районе на левом берегу бэзымянного ручья напротив поселения Чёба на краю террасы заложен шурф длиной 11 м. В результате шурfovки там обнаружено еще одно древнее поселение – Чёба-2. На территории этого поселения и в окрестностях зафиксированы сильно задернованные курганы.

В Шебалинском районе по долинам рек Отогол, Песчаная, Нижняя Кудаты, Сема, Актел, Шергайл зафиксированы: десять разновременных могильников, включающих объекты от эпохи ранней бронзы и до средневековья; одиночный курган афанасьевской культуры периода ранней бронзы, а также два местонахождения каменного века и одно местонахождение эпохи ранней бронзы.

На территории Онгудайского района зафиксирован могильник эпохи ранней бронзы на речке Верх-Песчаная у перевала Каменное Седло через Семинский хребет, а также обнаружена каменоломня эпохи бронзы на останце около Тенгинского озера.

Экспедиция под руководством профессора Гентского университета Ж. Буржуа (Бельгия) и доцента Горно-Алтайского государственного университета А. В. Эбеля в июле–августе осуществляла обследование участков долины Бухтармы в Катон-Карагайском округе Восточного Казахстана. Работы проводились с целью выявления курганов с мерзлотой по программе ЮНЕСКО «Мерзлотные могилы Алтая». В ходе работ на вышеуказанных участках картографированы более тысячи археологических объектов.

Таким образом, исследования, проведенные в 2006 г. сотрудниками кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского

государственного университета совместно с коллегами из других учреждений, значительно расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая и Восточного Казахстана.

*Ю. Ф. Кирюшин, П. В. Волков, К. Ю. Кирюшин, Ю. В. Кирюшина,
В. П. Семибратов*

Работы по созданию археологического парка «Перекресток миров» в 2006 г.

Принятие администрацией Алтайского края постановления «О развитии туризма и спортивно-оздоровительного отдыха в Алтайском районе» от 15.04.2002 № 199 позволило начать хозяйственное и культурное освоение левобережной территории р. Катунь. До недавнего времени левый берег р. Катунь в ее нижнем течении от Аржан-Су до с. Ая в археологическом отношении оставался практически неизученным. Начавшееся хозяйственное освоение этой территории сделало левый берег Катуни более доступным для посещения и привлекло внимание специалистов археологов. За последние несколько лет на этой территории выявлено 10 новых памятников археологии. Археологические исследования на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» начались в 2002 г. До 2002 г. на территории туристического комплекса был известен только один памятник археологии – «Большая Тавдинская пещера», поставленный на государственную охрану постановлением АКЗС № 169 от 28.12.1994. Главной задачей в 2002–2003 гг. являлось выявление объектов археологического наследия, которые могли быть уничтожены в ходе хозяйственного освоения территории. В июле 2004 г. П. И. Шульгой проводятся раскопки кургана тюркского времени у Тавдинских пещер, в котором был захоронен подросток с жеребенком. После раскопок курган был реконструирован в первоначальном виде.

В мае 2005 г. между руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» и АлтГУ заключен договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса в сферу туризма. В рамках этого договора летом 2005 г. начались работы по созданию археологического парка «Перекресток миров».

В июне 2005 г. в лесу на берегу р. Катунь раскопан курган, относящийся к тюркскому времени. В погребении встречено много предметов сопроводительного инвентаря: наконечники стрел (один со свистулькой), долото, нож, два поясных набора, предметы конского снаряжения (удила и псалии, стремена, подпружная пряжка), встречены остатки погребальной пищи (астрагалы барабана). Особенно интересна находка зернотерки в ногах у погребенного и зерен проса [4].

В июле 2005 г. под руководством В. П. Семибрата начались раскопки в гроте Тавдинском, в ходе которых выявлены слои скифского времени и финального неолита – раннего энеолита [1, с. 255].

Летом 2006 г. археологические исследования на территории турккомплекса «Бирюзовая Катунь» были продолжены. Исследованы несколько поминальных оградок и одиночный курган тюркского времени. Полученные материалы требуют серьезного лабораторного исследования. Наиболее интересные находки сделаны при исследовании поминальной оградки «Бирюзовая Катунь-3», рядом с которой найдено каменное изваяние, на котором изображен человек. Изваяние выполнено на стеле, грани которой обработаны по периметру. Четко очерчены овал лица, глаза, рот, головной убор и левая рука, в которой находится сосуд. До сих пор на территории Алтайского края было найдено только одно каменное изваяние тюркского времени на Гилевском водохранилище. При исследовании одиночного кургана «Бирюзовая Катунь-4» было вскрыто захоронение мужчины с богатым сопроводительным инвентарем (сделанные из железа колчанный пояс, 14 наконечников стрел, нож, шило, тесло; бронзовые серьги и полный комплект поясного набора).

В 2006 г. археологические исследования не ограничивались территорией туристического комплекса. Проводились археологические исследования на р. Усть-Уба. В ходе работ впервые в крае были документально зафиксированы рунические надписи VIII–XII вв. н. э. До этого на территории Алтайского края не было достоверно установлено местонахождение ни одного наскального рисунка и ни одной рунической надписи.

Группа исследователей проводила работы на курганном могильнике «Тавдышка». Таким образом, исследования не ограничиваются территорией турккомплекса «Бирюзовая Катунь».

Все раскопанные курганы и поминальные оградки перенесены на новое место, реконструированы около Большой Тавдинской пещеры и включены в программу посещения туристами. В археологическом парке «Перекресток миров» все выявленные историко-культурные памятники музеефицированы, т. е. превращены в объекты музеиного показа. Летом 2005–2006 гг. организованы экскурсии, включающие в программу посещение Тавдинского грота, курганов и поминальных оградок у подножия Большой Тавдинской пещеры («подлинного» кургана, раскопанного в 2004 г., и объектов, «перенесенных» в 2005–2006 гг.). В данном случае объекты, даже реконструированные на новом месте, связаны с окружающим ландшафтом, являющимся частью историко-культурной среды.

Для детей и взрослых изготовлены копии защитных доспехов тюркского и монгольского времени и национальная одежда теленгитов и те-

леутов, в которых желающие могли сфотографироваться. Организован тир, где отдыхающие могли попрактиковаться в стрельбе из лука.

В июле–сентябре 2005 г. построен павильон около Большой Тавдинской пещеры, в котором летом 2006 г. реконструировано погребение тюркского времени, и начались работы по созданию экспозиции по древней истории и культуре Горного Алтая. О востребованности, растущей популярности и перспективах развития данного проекта говорит статистика: летом 2005 г. на экскурсиях побывало около 4 000 человек, в 2006 г. – около 6000.

В июле 2006 г. под руководством П. В. Волкова на территории археологического парка «Перекресток миров» начались работы по созданию экспериментального полигона «25 шагов в каменный век». За несколько недель на полигоне реконструированы различные типы ловушек, применявшиеся народами Сибири с древнейших времен вплоть до настоящего времени (слопец, медвежья лапа и др.), костров (юрлык, вертикальная и горизонтальная нодья, или нодия, экранный костер), ткацкие станки, сверлильные станки. Начаты работы по реконструкции жилища каменного века. На полигоне начались эксперименты по изготовлению глиняной посуды различных эпох. Работа экспериментального полигона вызвала неподдельный интерес у туристов и туроператоров. У большинства посетителей полигона знания археологии находятся на уровне учебника истории за 5-й класс, многие из них заново открывают для себя мир человека каменного века, и оказывается, что наши предки были людьми умными, сообразительными, способными на острумные изобретения, которые позволяли им вести вполне комфортное существование.

Работы по созданию экспериментального полигона будут продолжены. Возможности для развития экспериментального направления, по сути дела, бесконечны, и если будет хотя бы минимальная поддержка районных, региональных или федеральных органов власти, полигон можно постепенно расширять вплоть до русской деревни. Народы, оставившие объекты археологического наследия на территории «Бирюзовой Катуни», внесли свой вклад в формирование (этногенез) современных народов Российской Федерации. История скифов и тюрок – это не только история народов России, но и часть мировой истории и культуры. Очень часто наши соотечественники по голливудским блокбастерам лучше знают историю Рима, Греции и Египта, чем историю своей страны. В ходе знакомства на экспериментальном полигоне с материальной культурой народов Сибири формируется уважительное отношение к традиционной культуре современных народов Российской Федерации, что явля-

ется главным условием для развития толерантных отношений между представителями различных национальностей.

При разработке проекта археологического парка возникает желание создать оригинальный продукт, отличающийся от других археологических комплексов такого же типа. Кроме того, от правильно выбранной тематики археологического парка зависит его популярность у населения и как следствие – возможность проводить научные исследования.

Как нам кажется, название «Перекресток миров» наиболее соответствует целям проекта. В археологической литературе Алтай рассматривается как регион, лежащий на стыке различных историко-культурных и климатических зон Китая, Монголии, Казахстана, Хакасии, Тувы, Западной Сибири. Долина р. Катунь традиционно считается связующим звеном, своего рода «коридором», по которому осуществлялось продвижение элементов материальной и духовной культуры, а также носителей этих традиций. По результатам работ 2005–2006 гг. можно уверенно говорить, что изученные памятники туркомплекса принадлежат как минимум трем историческим периодам: 1) неолит–энеолит; 2) скифская эпоха; 3) тюркская эпоха. Памятники оставлены населением, отличающимся по антропологическому типу, языку, культуре, уровню развития и т. д. Позиционирование комплекса как «Перекрестка миров», на котором происходили контакты между различными группами населения Центральной Азии от эпохи камня до этнографического времени, не противоречит современным представлениям об этнокультурных контактах на Нижней и Средней Катуни в древности и средневековье и позволяет нам при создании парка привлекать широкий круг аналогий с сопредельных территорий [6, с. 493]. В настоящее время разработан вариант эмблемы археологического парка «Перекресток миров» [3, с. 230]. Центральное место в композиции занимает роговое изделие с антропоморфным изображением, найденное при раскопках Тавдинского грота.

Работы по созданию археологического парка «Перекресток миров» будут корректироваться по итогам каждого полевого сезона. Сейчас можно констатировать, что подобное позиционирование позволит довольно гибко вносить необходимые коррективы в оперативные планы, не изменяя кардинально самой концепции.

В 2005–2006 гг. в работах по созданию археологического парка активное участие принимали студенты АлтГУ (историки, географы, искусствоведы), МОУ «Средняя образовательная школа № 5» г. Бийска, преподаватели и учащиеся городов Барнаула, Бийска, Белокурихи, сел Алтайского, Аи, Нижней Сарасы, Старой Белокурихи – в общей сложности более 300 человек. В настоящее время некоторые из школьников, принимав-

ших участие в раскопках Тавдинского грота, уже поступили на первый курс исторического факультета АлтГУ, другие готовятся к поступлению в вузы края по специальностям «история», «социально-культурный сервис» и «туризм». Ученик МОУ «Средняя образовательная школа № 5» г. Бийска С. Круглов, участвовавший в создании экспериментального полигона, подготовил исследовательскую работу, которая отмечена дипломами I и II степени на краевых конкурсах школьных работ.

Таким образом, в ходе работ по созданию археологического парка проводится профориентационная работа со школьниками Алтайского края. Готовясь к поступлению в вузы, ребята участвуют в различных конкурсах, олимпиадах, конференциях, выступают с докладами о своих работах в археологической экспедиции. Все это способствует развитию их интеллектуального потенциала и формированию активной гражданской позиции. В их лице мы получаем лучших студентов, которые с первого курса начинают специализацию по темам, выбранным еще в школьные годы. Не все дети поступают в вузы и связывают свою жизнь с историей и археологией, но навыки исследовательской работы, научного поиска пригодятся им в жизни; кроме того, с ребятами проводится воспитательная работа, направленная на формирование бережного отношения к историко-культурному наследию народов Российской Федерации.

В 2005–2006 гг. на базе археологического парка «Перекресток миров» проходили практику студенты исторического, географического, биологического факультетов и факультета искусств АлтГУ. Студенты исторического факультета принимали участие в археологических раскопках и в создании экспериментального полигона. Некоторые из них после прохождения практики приняли решение специализироваться на кафедре археологии и этнографии и сейчас работают над написанием курсовых работ, используя материалы, полученные в 2005–2006 гг. Проходящие практику студенты-географы специализируются на кафедре рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга, изучают курс «Историко-археологическое наследие Алтая в сфере туризма» и, получив необходимые теоретические знания, приобретают практические навыки организации экскурсионной деятельности на памятниках археологии. Студенты факультета искусств проходят теоретические и практические занятия по археологическому рисунку. Летом практические навыки отрабатываются путем создания полевых чертежей, изображения находок и создания графических реконструкций. Личные впечатления позволяют добиться более глубокого погружения в материал, столь необходимого художнику. Полученные знания студенты используют при на-

писании курсовых работ. Студенты и преподаватели факультета искусств активно участвуют в разработке и оформлении экспозиции в павильоне по древней истории и культуре Горного Алтая.

Специализируясь в области декоративно-прикладного искусства, студенты-искусствоведы (М. А. Малкина, А. А. Красноплахина) реконструировали национальный женский костюм южной группы алтайцев-телеңгитов (шуба, шапка, чегедек). Работая над воссозданием точной копии костюма, студенты в плотную соприкасаются с традиционной культурой, что воспитывает у них толерантность к различным народам, проживающим на территории Алтая.

В рамках открытия на факультете искусств новой специальности «Художественное проектирование костюма» планируется продолжить практические занятия со студентами по реконструкции традиционных костюмов (телеутов, казахов, русских) на базе археологического парка «Перекресток миров» с целью создания этнографического отдела. Кроме того, студенты активно занимаются разработкой сувенирной продукции, созданной по «археологическим» мотивам. Это аксессуары к традиционному костюму в виде поясов и сумок, выполненных в фольклорном стиле, с учетом национальных форм и традиционной орнаментации. Разработка сувенирной продукции в этническом стиле позволяет транслировать элементы традиционной культуры в современное общество.

Таким образом, в АлтГУ активно ведется подготовка специалистов, ориентированных на развитие научного туризма на Алтае. Этот сегмент рынка туристических услуг до сих пор недостаточно используется в регионе. В основном туроператоры и туристические фирмы эксплуатируют природные и рекреационные ресурсы Алтайского края. В процессе создания археологического парка «Перекресток миров» наметилась тенденция к сотрудничеству между бизнесом и научным сообществом. Мы надеемся, что оно будет развиваться и результатом этого станет создание высококультурного, качественного и, самое главное, востребованного туристического продукта. В современных условиях это наиболее доступная и простая форма активного современного использования археологического наследия: не учеными с узко корпоративными интересами, а обществом – и наиболее эффективная форма влияния на культуру и основы исторических знаний.

Ситуация с организацией археологического парка «Перекресток миров» уникальна тем, что при его создании не задействованы средства ни федерального, ни краевого бюджета. Нам не известны precedents в России, когда подобные работы осуществлялись на средства частных инвесторов.

В заключение хотелось бы отметить, что проведение всех работ по созданию археологического парка было бы невозможно без активного содействия, моральной и материальной поддержки директора туркомплекса «Бирюзовая Катунь» Е. И. Вострикова.

Литература

1. Волков П. В., Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Семибраторов В. П. Трасологическое исследование перламутровых «бусин» из материалов Тавдинского грота // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. I. С. 253–255.
2. Кирюшин К. Ю. Работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса «Бирюзовая Катунь» в сферу туризма // Состояние, проблемы и перспективы развития туризма на Алтае. Экологическая безопасность как фактор инвестиционной привлекательности территории: Материалы регион. науч.-практ. конф. Барнаул: АзБука, 2005. С. 29–32.
3. Кирюшин К. Ю., Кирюшина Ю. В. Работы АлтГУ по созданию археологического парка «Перекресток миров» на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» (проблема позиционирования) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы всерос. науч.-практ. конф. Вып. XV. Барнаул: Азбука, 2006. С. 229–234.
4. Кирюшин К. Ю., Силантьева М. М., Семибраторов В. П., Терёхина Т. А. Палеоботанические данные по материалам исследований кургана Бирюзовая Катунь-1 // Там же. С. 211–217.
5. Кирюшин Ю. Ф., Волков П. В., Кирюшин К. Ю., Семибраторов В. П. Роговые изделия Тавдинского грота // Там же. С. 217–222.
6. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Кирюшина Ю. В., Семибраторов В. П. История создания и перспективы развития археологического парка «Перекресток миров» // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Т. II. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 492–494.
7. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Семибраторов В. П. Исследования Тавдинского грота в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. I. Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 333–339.
8. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурев А. Л., Степанова Н. Ф. Археология нижнетынкескенской пещеры 1 (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. 150 с.

Ю. И. Гельмель, А. Л. Кунгурев

Палеолитическое местонахождение на Бурлинском озере (Кулунда)

На территории Кулундинской низменности памятников палеолитического времени известно крайне мало, а имеющиеся содержат артефакты, полученные из сборов и выделяющиеся из основного комплекса неолитического времени или патинизацией поверхности, или наличием нехарактерных для голоценового времени типов изделий [3; 4]. Поэтому

му важным и интересным открытием является фиксация на восточной окраине Бурлинского озера местонахождения артефактов яркого палеолитического облика (рис. 1).

Бурлинское озеро расположено в Славгородском районе Алтайского края. Озеро бессточное, горько-соленое, хлоридное. Абсолютная высотная отметка уровня – 85,5 м, площадь зеркала – 31,3 км², средняя глубина – 1,6 м, максимальная – 2,5 м. Площадь бассейна – 1 720 км². Рельеф слаборасчлененный, долинно-балочно-овражный, углы поверхности – менее 0,17°. Озерная котловина неровно-округлой формы, глубиной до 20 м. Берега обрывистые, изрезаны оврагами и образуют абразионные уступы. На дне отмелей образуется слой глауберовой соли (мирабилит $\text{Na}_2\text{SO}_4 \cdot 10 \text{ H}_2\text{O}$). Кулундинская впадина в тектоническом отношении – отрицательная морфологическая структура, соответствующая блоку палеозойской Славгородской глыбы (погружение от 500 до 1 200 м). Поверхностная рыхлая толща, в которую вложена чаша озера, образована следующими геолого-генетическими комплексами отложений: верхнемиоценовые-среднеплиоценовые озерно-болотные отложения (павлодарская свита); средневерхнеплиоценовые аллювиальные отложения (Кулундинская свита); средневерхнеплиоценовые озерно-болотные и аллювиальные отложения (касмалинская свита) и среднепозднеплейстоценовые озерно-болотные отложения (карасукская свита). Указанные комплексы образуют достаточно мозаичную картину и наложены на глины таволжской свиты, залегающие на глубинах от 2 до 20 м. Стык верхнечетвертичных супесей, песков кулундинской свиты и глин павлодарской свиты соответствует уровню зеркала озера, и при волнно-прибойной деятельности комплексы смешиваются и проецируются на современную эрозионную поверхность под береговыми абразионными уступами. Именно в подобных условиях и была собрана коллекция каменных изделий Бурлинского местонахождения, расположенного южнее пос. Бурсоль (восточная кромка озера), насчитывающая около сотни артефактов (рис. 1, 1). Зона озера входила в площадь разлива флювиогляциальных вод времени средне- и позднеплейстоценовых оледенений [1; 2].

Судя по геологическим и палеогеографическим данным, наличие палеолитических комплексов вокруг озер представляется вполне возможным именно в период их существования как пресных водоемов, концентрировавших воду таявших ледников Алтая. Единственным препятствием для освоения палеолитическим человеком региона является отсутствие сырья, пригодного для расщепления. Найденные прошлых лет и материалы 2006 г. документируют использование восточноказахстанского

кварцитника. В бурлинском местонахождении все артефакты изготовлены из однородного серого сырья и покрыты белой плотной патиной толщиной до 1,5 мм. Представлены преимущественно сколы, что позволяет предположить наличие в местах выходов сырья (предположительно Павлодарское Прииртышье) каменоломен, где осуществлялись добыча и первичное обогащение этой породы. Все артефакты имеют очень крупные размеры и признаки достаточно архаичной стратегии утилизации – леваллуазское и мустьевское радиальное расщепление (рис. 1, 2; 2). Подобных изделий на других известных памятниках юго-западных районов Алтайского края не известно.

Неолитические индустрии региона демонстрируют развитую микропластинчатую технику расщепления, основанную на использовании разнообразных призматических и торцовых нуклеусов. Самый мелкий отщеп или скол Бурлинского местонахождения многократно превышает по размерам крупные артефакты из неолитических памятников. Все сколы имеют остатки фасетированных, двугранных или гладких ударных площадок, расположенных под острым углом к дорсальной поверхности, и делятся на пластинчатые и отщеповые. Пластинчатые сколы имеют продольное огранение дорсала и фасетки поперечных сколов подправки фронта, рельефный вентрал с выраженным ударным бугорком, занимающим до трети поверхности расщепления. Непластинчатые снятия овальной и асимметрично-треугольной формы характеризуются рельефными и глубокими фасетками на дорсале и огромным ударным бугорком, который иногда формирует весь вентрал. Все сколы имеют дорсальную и центральную вторичную обработку, не модифициирующую плоскости и кромки исходной заготовки. Использовались преимущественно крупная чередующаяся глубокая ретушь и мелкая обивка. Рабочие края имеют выраженный зубчатый и зубчато-выемчатый абрис (рис. 1, 2; 2, 3, 5).

Выразительных орудийных форм в коллекции представлено немногого. Прежде всего следует отметить обломок плоско-выпуклого бифаса (рис. 2, 1), скребло с овальным рабочим краем, заходящим на боковую кромку заготовки, и острием, организованным рабочим краем и серией сколов (рис. 2, 2), и двусторонне обработанное скребловидное орудие на массивном овальном сколе (рис. 2, 5).

Общий облик каменных изделий Бурлинского местонахождения, специфика первичного расщепления и вторичной обработки, имеющиеся архаичные орудийные формы позволяют предварительно отнести комплекс к палеолитическому времени. Какие-либо конкретные выводы о датировке материалов пока делать рано, однако можно предположить

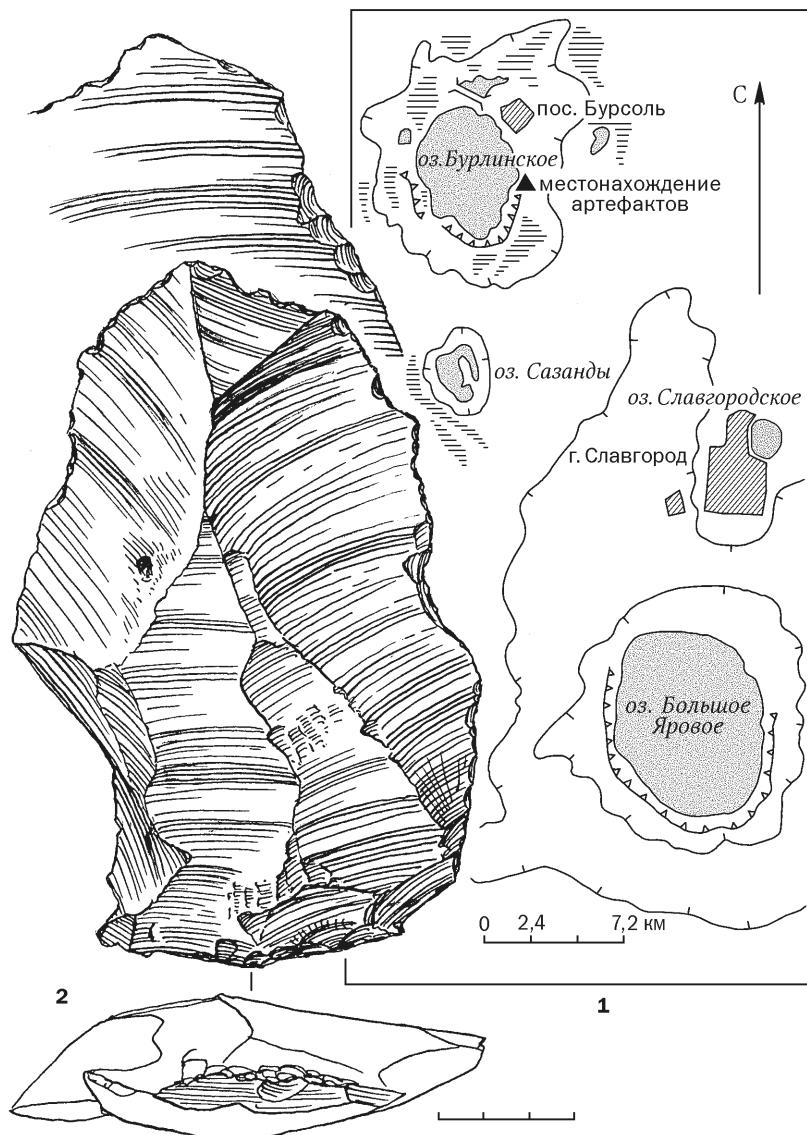

Рис. 1. Расположение Бурлинского местонахождения (1).
Крупный скол с обработкой (2)

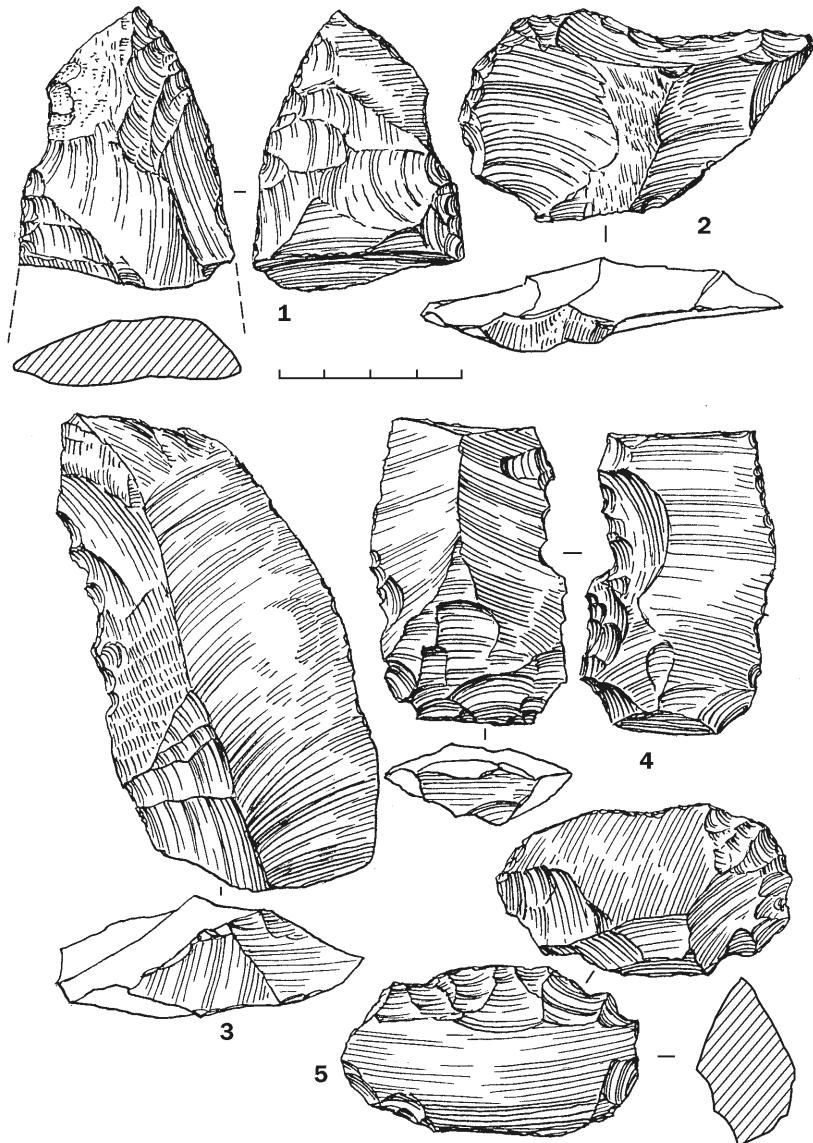

Рис. 2. Каменные изделия из Бурлинского местонахождения

позднемустьерский – ранневерхнепалеолитический возраст памятника. Дальнейшие исследования позволят конкретизировать эту предварительную датировку, тем более, что сильное переотложение, а тем более транспортировка материала из других мест совершенно исключены.

Литература

1. Алтайский край: Атлас. Т. 1. М.–Барнаул: Глав. упр. геодезии и картографии при Совмине СССР, 1978. 222 с.
2. Географические и инженерно-геологические условия Степного Алтая. Новосибирск: Недра, 1988. 96 с.
3. Кунгурев А. Л., Удодов В. С. Находки каменного века в Кулунде // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. Вып. 1. С. 31–33.
4. Кунгурев А. Л., Удодов В. С. Микролитические памятники Кулунды // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. С. 4–9.

*Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгурев, В. П. Семибратов, К. Ю. Кирюшин,
А. В. Шмидт*

Раскопки 2006 г. неолитического комплекса поселения Тыткескень-6¹

В связи с возрождением проекта строительства Алтайской ГЭС археологами Алтайского государственного университета были возобновлены аварийные исследования поселения Тыткескень-6.

Памятник расположен в устьевой зоне одноименной реки, левого притока р. Катуни, в 0,1 км выше места их слияния. Поселение занимает участок второй надпойменной террасы Катуни высотой 15–20 м. Основание террасы сложено валунно-галечным конгломератом, перекрытым эоловыми песками и несколькими гумусовыми горизонтами общей мощностью от 0,1 до 3,0 м. Памятник открыт в ходе раскопок южной группы курганов могильника Тыткескень-6. Южный край поселения вдоль левого берега реки разбит старым Чуйским трактом. Северный участок памятника частично разрушен курганами скифского, гунно-сарматского и тюрского времени, большинство из которых было раскопано в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В этот же период в раскопе, площадью около 200 м² на поселении были получены материалы РЖВ, бронзового века, энеолита и раннего неолита [4].

В 2006 г. на поселении были продолжены аварийные археологические раскопки, в ходе которых серией раскопов, вписанных в единую систему, была вскрыта оставшаяся часть поселения (около 1500 м²). Вокруг раскопов была выполнена серия шурfov, которые дали единичные

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а.

находки или оказались вообще без таковых, подтвердив то, что изучение поселенческого комплекса Тыткескень-б было полностью закончено. Вместе с материалами эпохи энеолита, бронзы, РЖВ и средневековья был получен представительный комплекс, относящийся к эпохи неолита. Его предварительному анализу и посвящена данная публикация.

Неолитический горизонт прослежен на всей площади раскопа. В южной части он залегает на глубине 0,3–0,7 м, упираясь своей подошвой в галечную аллювиальную толщу. Эоловые песчаные отложения в южной части раскопа отсутствуют вовсе либо представлены тонкой прослойкой до 0,1 м. Мощность неолитического горизонта здесь составила 0,2–0,3 м. К северу поверхность террасы плавно повышается, перепад высот на краях раскопа составляет 3 с лишним метра. Неолитический горизонт в северной части раскопа погружается на глубину 0,8–1,1 м от современной поверхности, налегая на значительную толщу эоловых супесчаных отложений. Несколько уменьшается к северу мощность культурного горизонта, составляя 0,1–0,25 м.

Планиграфия памятника такова, что остатков конструкций, которые можно было бы интерпретировать как следы жилищ, в неолитическом горизонте не зафиксировано. Однако некоторые скопления каменных артефактов можно интерпретировать как площадки-мастерские, на которых происходило изготовление орудий. Здесь обнаружено много (до нескольких сотен на 1 м²) готовых изделий, заготовок и отходов каменной индустрии. Обращает на себя внимание и большое количество ям различной хозяйственной направленности.

Исходя из анализа находок, каменную индустрию слоя можно назвать микролитической. Она носит преимущественно призматический характер и ориентирована на получение ровных двух-трехгранных пластин (рис. 1, 4, 14, 16; 2, 8, 13), основная масса которых, по всей видимости, использовалась для производства вкладышей составных орудий. Типология нуклеусов отличается разнообразием, однако большинство изделий, зафиксированных на поселении, одноплощадочные с концентрическим фронтом скальвания (рис. 1, 1, 2, 5). В редких случаях древние мастера оставляли на ядрище узкий контрфронт (рис. 2, 6). Пластины преимущественно мелких размеров, ширина многих из них составляет всего 2–3 мм. Такую же величину имеют негативы снятых на сработанных нуклеусах, что подчеркивает микролитичность техники расщепления.

Обращает на себя внимание большой процент обработки пластин при достаточно разнообразном характере их вторичного оформления. В материалах горизонта широко представлены технические сколы (рис. 1,

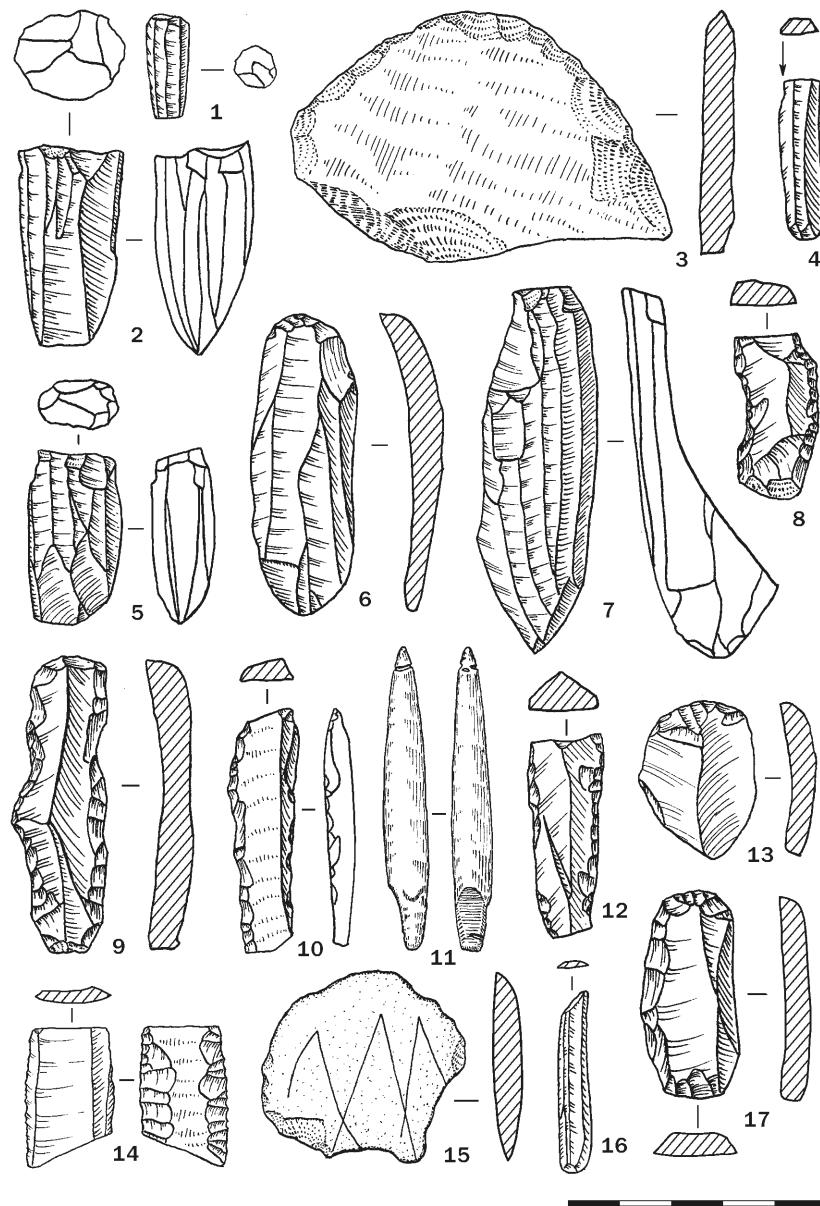

Рис. 1. Материалы неолитической эпохи поселения Тыткескен-6

7, 9, 10, 12; 2, 5, 9, 11), часть из которых использовалась в качестве заготовок для орудий. В слое зафиксирована большая серия концевых скребков (рис. 1, 6, 13, 17) и скобелей (рис. 1, 8), выполненных на крупных пластинах и пластинчатых отщепах. У некоторых при оформлении рабочей грани использованы принципы призматического расщепления. Отщепы шли в основном на производство скребков (рис. 2, 4, 7, 12), скобелей и резцов (рис. 2, 10). В материалах горизонта обнаружено несколько орнаментиров, изготовленных из сланцевых плиток. Изделия хорошо зашлифованы, некоторые из них имеет зубчатую грань (рис. 2, 3). Помимо орнаментиров, из сланцевых плиток изготавливали «дисковидные» скребла различных типов (рис. 1, 3). Зафиксировано широкое использование галечных форм, прежде всего крупных галек, в качестве наковален и ретушеров-отбойников. Интереснейшим открытием является обнаружение в слое нескольких орнаментированных галек. Все они небольших размеров (4–5 см в диаметре), уплощенных очертаний, с заполированной поверхностью. Рисунок состоит из линий, образующих взаимно проникающие треугольники (рис. 1, 15). Интересной находкой является стерженек крупного составного рыболовного крючка. Изделие хорошо зашлифовано и имеет выемку в нижней части, предназначенную для крепления жальца (рис. 1, 11). Похожее изделие уже было обнаружено на данном поселении в 1991 г. [4].

Судя по обнаруженным в горизонте фрагментам керамики, неолитическая посуда представлена горшками с высокой горловиной с плавным переходом от шейки к плечикам. Срез венчиков прямой либо слегка приостренный. Толщина стенок 5–6 мм. Большая часть фрагментов керамики не орнаментирована. В ряде случаев по краю сосудов фиксируются защицы пальцами и насечки по срезу венчика (рис. 2, 1, 2), в ряде случаев под горловиной нанесен ряд вертикально поставленных оттисков гладкого штампа (рис. 2, 2). Причем необходимо отметить, что оттиски гладкого штампа, так же как и защицы пальцами и насечки по срезу венчика, скорее всего, связаны с техникой формовки сосудов.

Для анализа техники расщепления и характеристики состава орудийного набора слоя потребуется тщательная камеральная обработка полученных материалов. Предварительно можно отметить, что большинство категорий каменного инвентаря находят аналогии в коллекциях от раннего до финального неолита поселения Тыткескень-2, расположенного напротив Тыткескень-6, на противоположной стороне речки [2]. То же касается и керамического комплекса. Неорнаментированная посуда, представленная горшками с высокой горловиной с плавным переходом от шейки к плечикам, встречена во всех неолитических гори-

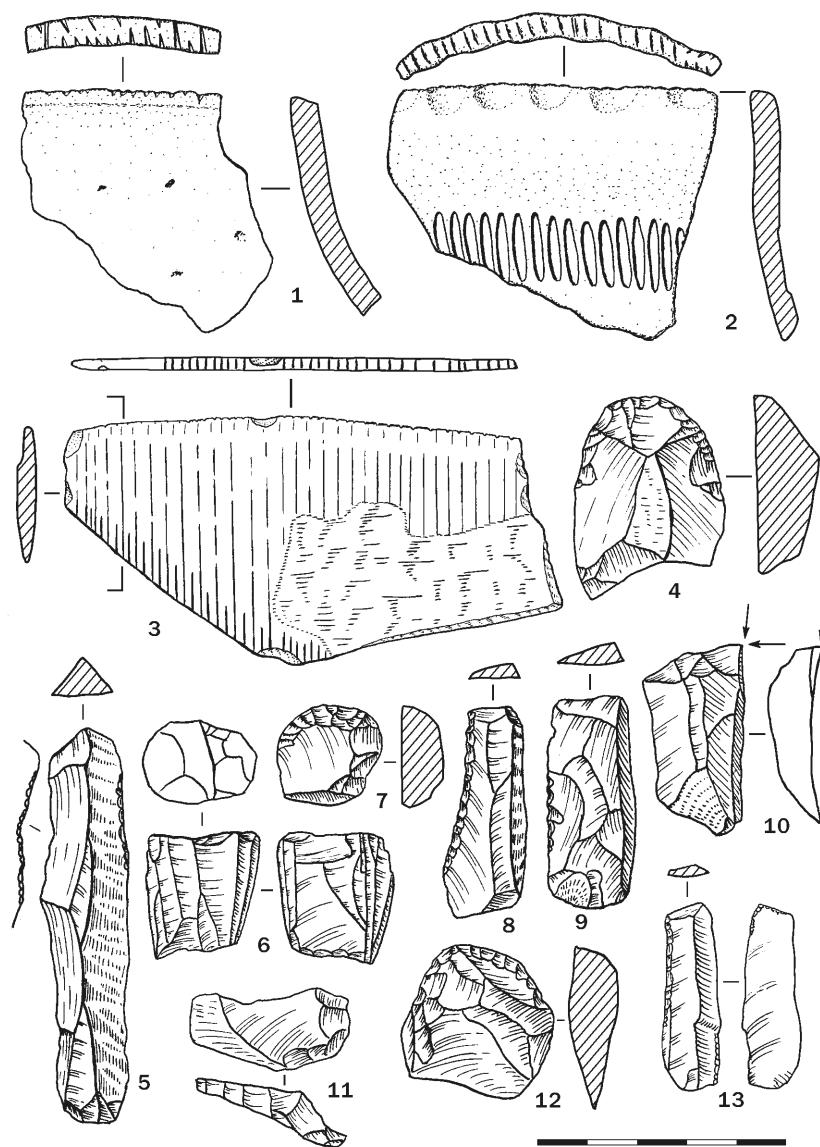

Рис. 2. Материалы неолитической эпохи поселения Тыткескень-6.

зонтах поселения Тыткескень-2 – от раннего неолита (конец VII – начало VI тыс. до н. э.) до финального неолита (последняя треть IV тыс. до н. э.).

Отмечая большое количество тождественных элементов в индустриях комплексов Тыткескеня-2 и Тыткескеня-6, следует отметить определенные различия, касающиеся планиграфии комплексов. В неолитических слоях поселения Тыткескеня-2 фиксируются остатки либо долговременных жилищ (4-й горизонт), либо легких наземных (горизонты 7, 6 и 4-А). Основная масса находок сосредоточена вокруг очагов и прокалов, число которых достигает иногда нескольких десятков. На поселении Тыткескеня-6 очаги и прокалы не зафиксированы, зато в большом количестве встречены хозяйственные ямы, которые на поселении Тыткескеня-2 встречены в небольшом количестве в 4-м горизонте и горизонте 4-А. Планиграфические особенности комплекса, так же как и каменный и керамический материал, требуют дальнейшего серьезного анализа с целью уточнения хозяйственной специфики и хронологии памятника Тыткескеня-6 в ряду неолитических комплексов Горного Алтая.

Литература

1. Глушков И. Г., Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Специфика формовочных операций в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескеня-2 // Древности Алтая. № 12. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. С. 3–6.
2. Кирюшин К. Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескеня-2. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 24 с.
3. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Неолит Горного Алтая // История Республики Алтай. Т. 1. Древность и средневековье. Горно-Алтайск, 2002. С. 85–97.
4. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурев А. Л. Многослойное поселение Тыткескеня-6 на Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–123.

Ю. Ф. Кирюшин, Г. Е. Иванов, А. Б. Шамшин, Д. В. Папин, А. С. Федорук, А. А. Редников

Некоторые итоги исследования поселения Калиновка-2¹

Одним из ярких и наиболее исследованных памятников эпохи бронзы Восточной Кулунды является поселение Калиновка-2. В настоящее время это единственный памятник, где удалось четко проследить планиграфические особенности разных этапов его существования, т. е. фактически выделить три разновременных поселка: позднефедоровско-черкаскульский, саргаринский и донгальский. К тому же это единственное по-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ № 06-01-00378а и № 07-01-00527а.

селение в регионе, содержащее черкаскульские и донгальские материалы, в том числе и в жилищах.

Поселение находится в 5–6 км к северо-востоку от с. Черная Курья, на участке между опушкой ленточного Касмалинского бора и большим болотом Чугуново, отделяющем в этом месте бор от степи. Памятник расположен на мысу, возвышающемся над болотом на 2–3 м и с трех сторон им же окруженному, с четвертой стороны он ограничен сосновым лесом.

Поселение открыто Г. Е. Ивановым в 1983 г. и исследовалось им же в 1987–1988 гг. [1, с. 73], а в 2004–2006 гг. раскапывалось авторами настоящей статьи [3–5]. На поселении, где площадь распространения находок составляет 10–13 тыс. м², вскрыто на сегодня 2056 м². Получено большое количество находок из камня, бронзы, глины, кости.

На памятнике выявлено несколько периодов обитания, начиная от эпохи ранней бронзы и заканчивая средневековьем. Однако самые многочисленные материалы представлены переходным временем от развитой к поздней бронзе и позднебронзовым периодом.

Ранний этап заселения памятника соотносится с периодом ранней бронзы. Так, найденное здесь костяное навершие посоха является пока единственной в своем роде находкой в этом регионе (рис. 1, 4). Аналогами данной вещи можно считать находки из могильника Сопка-2 в Барабинской лесостепи [7, рис. 27] и навершие из Причумышья [6, с. 116, рис. 3]. Важно, что навершие посоха было найдено вместе с несколькими фрагментами раннебронзовой керамики (рис. 1, 1, 2, 5, 6) под стерильной прослойкой, что дало повод говорить о возможном разрушенном могильнике этого периода. Культурная принадлежность данного комплекса остается пока неясной в связи с очень малым количеством материала. Очевидна лишь его датировка эпохой ранней бронзы. Однако не исключено, что отдельные фрагменты керамики могут быть связаны с крохалевской культурной традицией.

Следующий период представлен переходным временем от развитой к поздней бронзе и начальным этапом последней. В основном это керамика черкаскульско-позднефедоровской группы. Данные материалы преобладают на участке раскопа, прилегающем к болоту. На вскрытой в 2006 г. площади изучена также часть жилища и производственная площадка с расположенным на ней длинным коридорообразным сооружением. На ней присутствовал большой запас глиняного теста, смешанный с крупнозернистым песком: по-видимому, тесто использовалось для формовки сосудов. Рядом обнаружено скопление колотых костей животных длиной 5–8 см, насчитывающее более 1000 экземпляров. Толщина

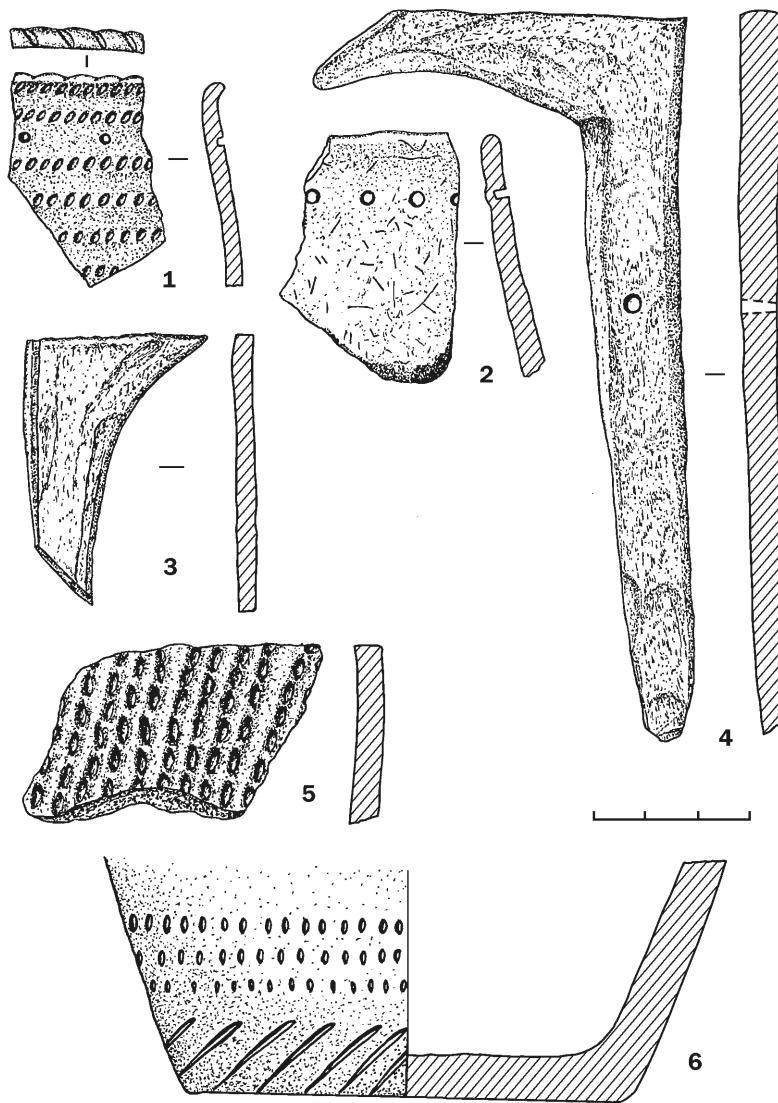

Рис. 1. Материалы эпохи ранней бронзы с поселения Калиновка-2

скопления составила 45 см, диаметр – 156 см. Вероятное предназначение костей – топливо для обжига керамики. В этом скоплении обнаружены фрагменты позднефедоровской керамики (рис. 2, 7, 8; 3), которая

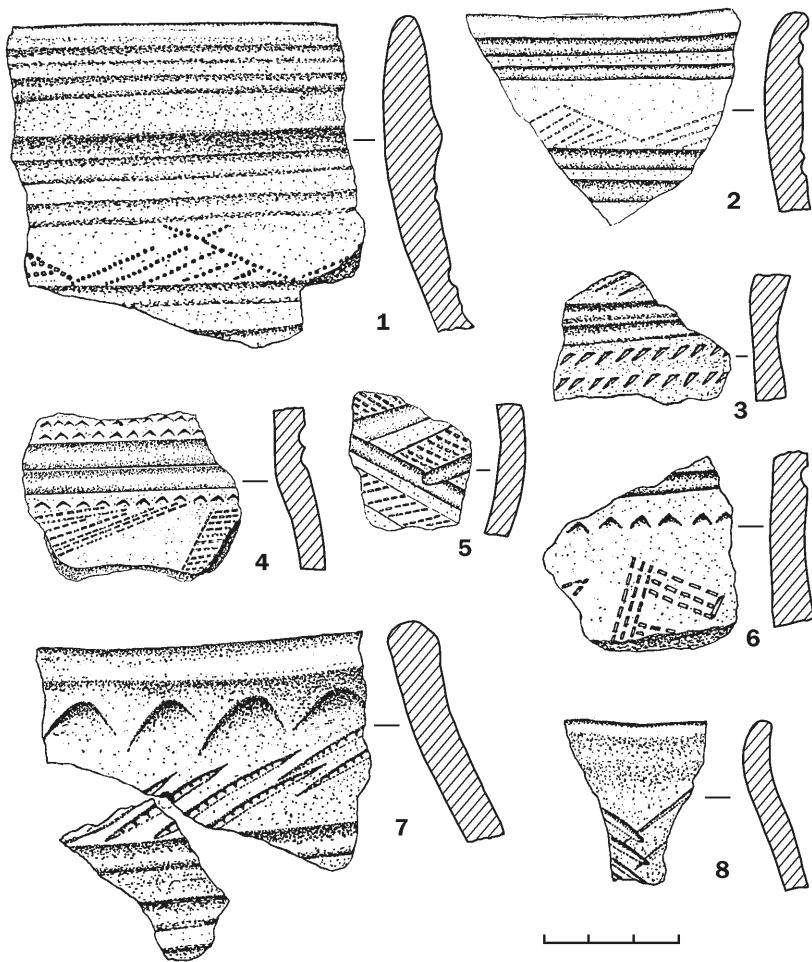

Рис. 2. Черкаскульская (1–6) и позднефедоровская (7, 8) керамика с поселения Калиновка-2

практически монопольно встречается как во фрагментах, так и в скоплениях по всему раскопу 2006 г. [3, с. 351–352].

Черкаскульская керамика представлена сосудами баночных и горшечно-баночных форм, орнаментированных в верхней половине, а иногда и полностью. Основные элементы орнамента — елочка, выполненная гребенчатым или гладким штампом, ряды горизонтальных узких же-

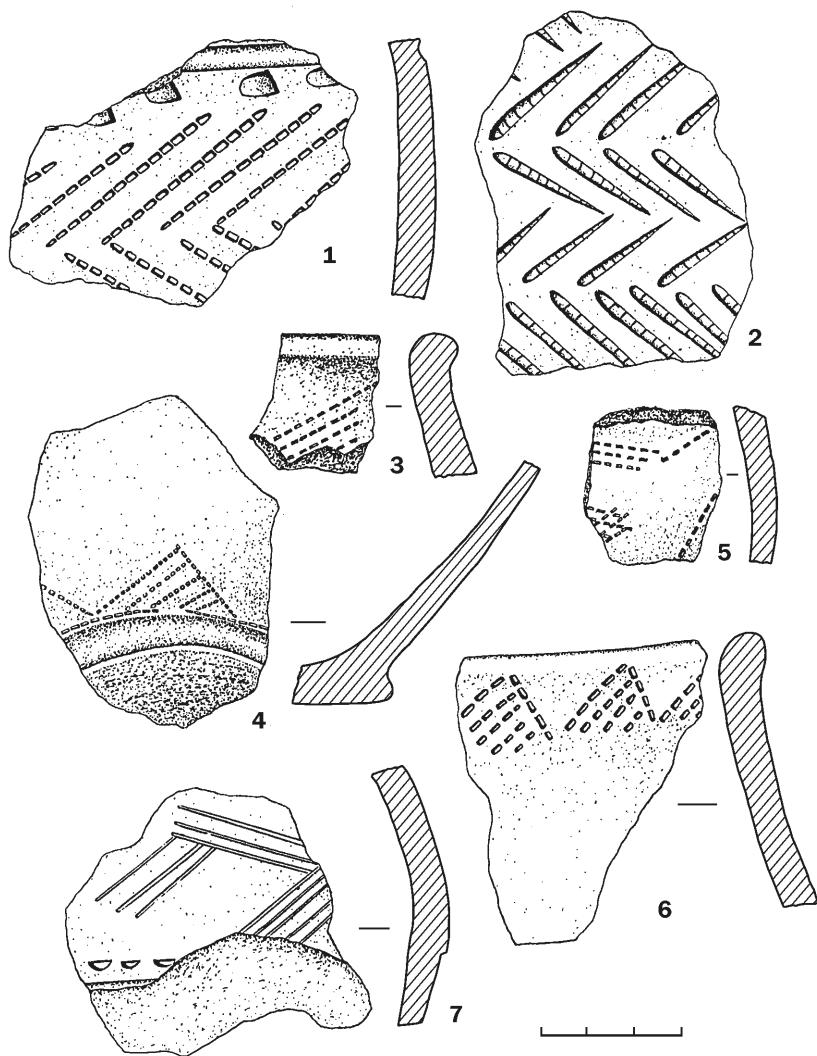

Рис. 3. Позднефедоровская керамика с поселения Калиновка-2

лобков, семечковидные, подтреугольные и каплевидные вдавления под венчиком. Иногда орнаментирован и венчик (рис. 2, 1–6).

Было сделано предположение, что черкаскульская и позднефедоровская керамика разделяются планиграфически, концентрируясь возле

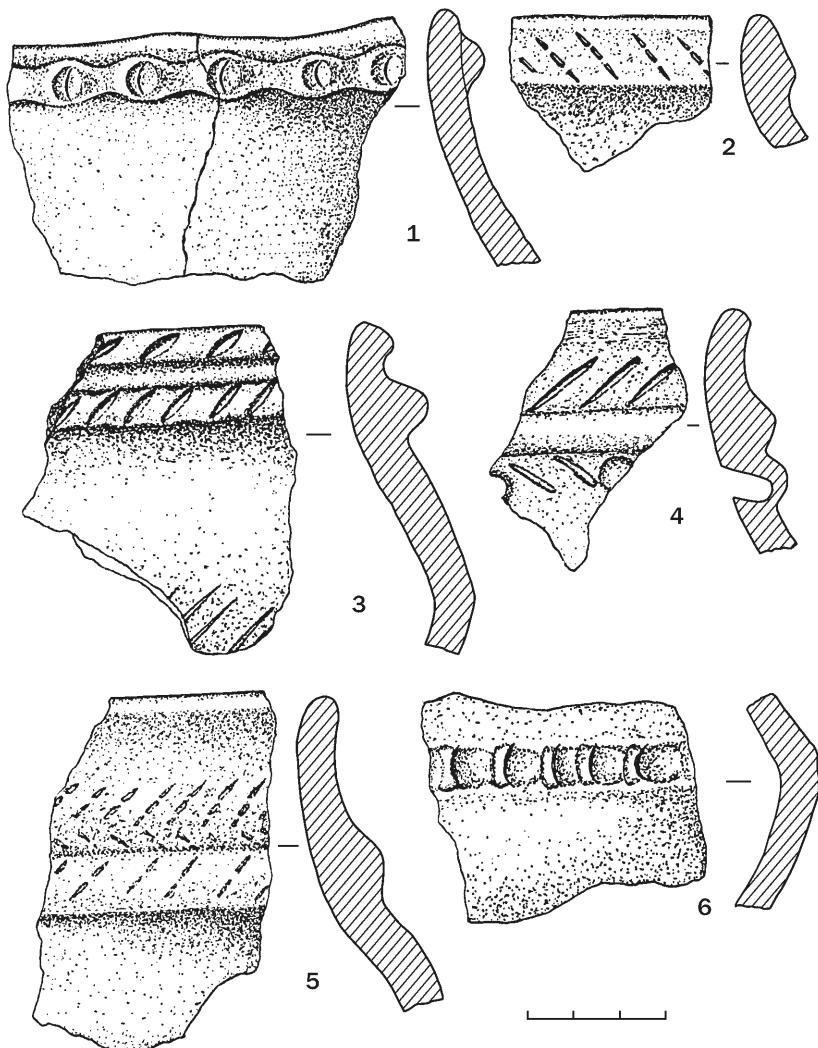

Рис. 4. Керамика донгальского типа с поселения Калиновка-2

различных жилищных котлованов. Так, например, черкаскульская керамика преобладает в жилище № 2, которое исследовано полностью [2, с. 146–151]. Другие же четыре жилища, обнаруженные на памятнике, пока исследованы не полностью.

Эпоха классической поздней бронзы представлена саргариинско-алексеевской керамикой и посудой донгальского типа (рис. 4) – завершающего периода эпохи бронзы, которая преобладает в жилище № 4. Следует отметить отсутствие на данном памятнике бегазы-даньбыаевской и станковой керамики.

Что же касается других находок, то за годы исследований на поселении были найдены: двулезвийный кинжал, колесико-подвеска, долота, небольшая кирка, шилья, иглы с ушком, абразивы, мотыга, обломок рогового молота, прядлица, каменные терочники и песты, свидетельствующие о существовании на поселении бронзолитейного производства [1, рис. 30–32].

В ходе раскопок поселения Калиновка-2 были сделаны выводы о том, что донгальские материалы преобладают в верхней части раскопа около леса, саргариинско-алексеевские – в средней, а в нижней, прибрежной части раскопа доминируют черкаскульско-позднефедоровские материалы. Было определено четкое планиграфическое расположение поселков в пределах эпохи поздней бронзы.

На данном этапе исследования актуальна проблема разработки раннебронзовых материалов, ведь на территории Кулунды пока нет стационарно исследуемого памятника этого периода. Встает вопрос и о подтверждении или опровержении предположения о расположении здесь могильника в эпоху ранней бронзы.

Остается также проблема формирования и развития черкаскульско-позднефедоровского керамического комплекса поселения. Конечно, и дальнейшая разработка позднебронзовых материалов может решить много вопросов, в частности, это, возможно, позволит выяснить роль населения Кулунды эпохи поздней бронзы в формировании культур раннескифского круга.

Литература

1. Иванов Г. Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул: Изд-во ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. 160 с.
2. Иванов Г. Е. Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000б. Вып. XI. С. 146–149.
3. Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Шамшин А. Б., Папин Д. В., Редников А. А., Федорук А. С. Продолжение исследований на поселении Калиновка II // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 350–352.
4. Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Шамшин А. Б., Папин Д. В., Федорук А. С. Предварительные итоги исследования поселения Калиновка-2 // Проблемы археологии, этнографии

- фии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I. С. 269–273.
5. Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Шамшин А. Б., Папин Д. В., Федорук А. С. Исследования в Восточной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. I. С. 329–332.
6. Кунгурев А. Л., Горбунов В. В. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 111–126.
7. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

С. С. Запрудский

Накосные украшения федоровской культуры (по материалам могильника Чекановский Лог-10)

Грунтовый могильник Чекановский Лог-10 открыт в 1997 г. во время археологической разведки, проводимой отрядами Гилевской археологической экспедиции, возглавляемой М. А. Деминым, на правом берегу Гилевского водохранилища, в Третьяковском районе Алтайского края, в 1,5 км к юго-востоку от села Корболиха. Раскопки проводились в сезонах 1999–2006 гг. под руководством М. А. Демина и С. М. Ситникова. К настоящему времени обследовано 114 погребений, из них 111 принадлежат к андроновской (федоровской) культуре. Ювелирные изделия были обнаружены в 23 погребениях [3, с. 121; 13, с. 249]. Часть материала по данному могильнику опубликована [3, с. 121; 4, с. 68–72; 5, с. 108; 13, с. 249]. Украшения, относящиеся к накосным, обнаружены в 6 погребениях.

Тип 1. Бронзовые листовидные подвески (всего 14 экземпляров). Они сделаны из тонкой раскованной пластины, на одном из концов которой имеется одно отверстие для пришивания. Семь из них украшены пуансонным орнаментом. К сожалению, из-за сильной коррозии металла орнаментальный мотив четко прослеживается лишь на трех изделиях. Одна подвеска украшена по бокам пуансонным орнаментом, по середине в длину проходит линия, выполненная той же техникой. Аналогичные изделия с подобной орнаментацией обнаружены на территории Алтайского края в погребении № 1 могильника Кытманово. Две другие подвески украшены по бокам пуансонным орнаментом, а по длине зигзагом. Возможно, и на других подвесках был орнамент, но, вероятно, уничтожен коррозией.

Ареал данных изделий (украшенных пуансонным орнаментом) ограничен территорией расселения федоровских племен. На территории Казахстана они известны по материалам могильников Зевакино, Бегазы [1, с. 59], Акмола [6, табл. III-2-4], Боровое [14, с. 231]. На территории Сибири они обнаружены в погребениях могильников Кытманово [18], Фирсо-

во-14 [15, с. 254, рис. 1, 1, 2; 16, рис. 1, 15, 16], Чекановский Лог-10 [5, с. 108], Абрамово-4 [12, рис. 54, 23], Еловка-2 [10, с. 88, рис. 9, 50–52]. В Хакаско-Минусинской котловине аналогичное изделие найдено в погребении № 3 могильника Андроново [17, с. 157]. Один случай зафиксирован вне федоровских комплексов в могильнике Тасты-Бутак [1, с. 59].

Тип 2. Бронзовые выпукло-вогнутые бляшки (3 экземпляра). Данные изделия по типологии Н. А. Аванесовой относятся к щейным и нагрудным украшениям [1, с. 62]. По материалам погребений могильника Еловка II они являются украшениями не только груди и шеи, но и головы [11, с. 20, 33, 35, 40, 54]. Оформление этими изделиями ластишицы известно только по материалам могильника Чекановский Лог-10. Реконструкция накосника, куда они входили, нами опубликована [5, с. 108–109, рис. 1]. Данные изделия довольно широко представлены в памятниках федоровской культуры. Они обнаружены в Восточном Казахстане – Зевакино [2, с. 75, рис. 2, 18]; в Северном Казахстане – Боровое [14, табл. IV-10, 11] и Акмола [6, табл. III-11-13]; в Минусинской котловине в могильнике Каменка-2 [9, с. 189, табл. LIV-9]. В Западной Сибири они известны из погребений могильника Еловка-2 [11, с. 20, 33, 35, 40, 54].

Тип 3. Обоймочка, бронзовая, из выпукло-вогнутой пластины, утолщенной в центре и сужающейся к загнутым концам. Это довольно редкая вещь известна только в материалах могильников Фирсово XIV [15, рис. 1, 13] и Еловка-2 [10, с. 95, рис. 9, 53]. Они использовались в качестве детали накосника [15, с. 254, рис. 1, 13]. 10 бронзовых обойм, обнаруженных в погребении № 4 могильника Рублево-8 на запястьях обеих рук, являлись составным браслетом [7, рис. 6-5-12; 8, с. 37].

Тип 4. Раковины (12 экземпляров). Эти украшения обнаружены в двух погребениях. В могиле № 87 они находились совместно с другими украшениями в неподревоженном состоянии, что позволило реконструировать головной убор [5, с. 108, рис. 1]. Данные изделия известны по материалам могильников Фирсово-14 [15, с. 253], Кытманово [18], Нижняя Суетка [20, с. 93, рис. 4, 10], Боровое [14, с. 231].

Всего нами выделено четыре типа украшений, относящихся к накосным. Дальнейшее изучение могильника, возможно, даст новый материал, относящийся к данной группе украшений.

Литература

1. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.
2. Арсланова Ф. Х. Погребение эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 73–78.

3. Демин М. А., Ситников С. М. Новые материалы андроновской культуры с верховьев р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 121–125.
4. Демин М. А., Ситников С. М. К вопросу о времени и причинах «ограбления» андроновских захоронений (по материалам грунтового могильника Чекановский Лог-10) // Западная и южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 68–72.
5. Запрудский С. С. Реконструкция и семантика андроновского головного убора (по материалам могильника Чекановский Лог X) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. РАЭСК-XLVI. Красноярск, 2006. Т. 1. С. 108–109.
6. Кадыраев М. К. Акмола – памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 91–106.
7. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Позднякова О. А., Шамшин А. Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Ариадная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 62–85.
8. Кирюшин Ю. Ф., Позднякова О. А., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 33–44.
9. Максименков А. Г. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 190 с.
10. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Томск, 1973. Ч. III. Вып. II. 117 с.
11. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
12. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 119 с.
13. Овечкин А. С. Украшения андроновской культуры могильника Чекановский Лог-10 // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. РАЭСК-XLI. Барнаул, 2001. С. 249–251.
14. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1958. Т. V. 156 с.
15. Позднякова О. А. Накосные украшения из андроновских могильников лесостепного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 251–254.
16. Позднякова О. А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово-XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 103–112.
17. Тугаринов А. Я. Андроновские могилы // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. I (V). С. 153–158.
18. Уманский А. П. Отчет об аварийных работах Верх-чумышской археологической экспедиции БГПИ (черновой вариант). Арх. ЛИК БГПУ 1963.
19. Уманский А. П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 96–100.
20. Уманский А. П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 83–99.

В. К. Мерц, Е. С. Казизов, И. В. Мерц

Новые исследования могильника Кенжеколь-1 в Павлодарском Прииртышье

Исследования памятников эпохи бронзы Павлодарского Прииртышья показывают, что в андроновскую эпоху активно осваивались не только берега Иртыша, но и пойменные участки. За последнее время здесь был выявлен целый ряд погребальных комплексов и поселений, материалы которых еще не введены в научный оборот. Среди них наиболее интересным является грунтовый могильник Кенжеколь-1, расположенный в одноименном селе, на южной окраине г. Павлодара (Павлодарский район, Павлодарская область, Республика Казахстан) [3, с. 302–305].

Памятник был обнаружен еще в 1970-х гг. при строительстве автодороги, в результате которого был сильно разрушен. Тогда местными жителями и краеведами проводился лишь сбор подъемного материала, переданного затем в фонды областного историко-краеведческого музея. В последующее время на памятнике никаких археологических работ не проводилось. С 2002 г. могильник изучается Павлодарской археологической экспедицией. В 2004 г. совместно с Тюменским государственным нефтегазовым университетом под руководством А. А. Ткачева на нем были проведены археологические работы [3, с. 302–305]. В 2005 г. данный земельный участок, без согласования с госорганами охраны памятников, был отведен под частную застройку, которая в скором времени началась, несмотря на предупреждение владельца о наличии на участке археологического объекта. Возникновение угрозы полного уничтожения памятника заставило в 2005–2006 гг. активизировать работу по его изучению и проведению охранных раскопок экспедицией ПГУ.

В результате проведенных работ на памятнике вскрыто 1090 м² его площади, где выявлено 34 грунтовых ям, из которых 9 содержали останки детей, 21 – останки взрослых и 4 были без человеческих останков.

На территории могильника планиграфически выделяются две локальные группы погребений, вытянутых вдоль надпойменной террасы по линии СЗ–ЮВ. Системы в расположении могил внутри групп не наблюдается.

Основная часть детских погребений лишь слегка углублена в материковый грунт или впущена в слой желто-серого песка – древнюю погребенную почву. Детские костяки лежали в «позе эмбриона» на левом (м. 34, 42) или правом (м. 25, 28) боку. В остальных случаях положение костяков установить не удалось. Судя по сохранившимся останкам, в большинстве случаев они укладывались головой на восток (м. 14, 20, 33, 42) с небольшими отклонениями на СВ–ЮЗ (м. 25, 28), ЮВ–СЗ (м. 19), С–Ю?

(м. 40). Всех погребенных сопровождали сосуды баночкой формы, помеченные у головы.

В пределах раскопа также было выявлено 21 взрослое погребение, совершенное по обряду ингумации и, реже, кремации. Могильные ямы, как правило, имели подпрямоугольную форму, ориентированную на СВ–ЮЗ, З–В и С–Ю (м. 31?). По краям ям фиксировались остатки обкладок в виде светло-фиолетового тленя. Положение тел погребенных устанавливается как скорченное на правом или, реже, левом боку (м. 23, 30, 37). Большинство могил содержало одиночные погребения. Исключение составляли могилы 18 и 32, где отмечена двойная кремация; могилы 15 и 29 оказались ограбленными, но в заполнении, помимо костей и керамики, присутствовали кальцинированные косточки, что не исключает биритуального характера захоронения. На некоторых костяках и под ними прослеживался фиолетово-бурый тлен (вероятно, остатки одежды или подстилки – м. 26, 28). Умерших сопровождали 1–3 сосуда.

Помимо типичных погребений, на могильнике исследовано два типа ям. Первый тип – округлые (ямы 1, 3, 4), диаметром 0,6–0,8 м и глубиной до 1,6 м от дневной поверхности. Второй тип (яма 2 и м. 39) – подпрямоугольные, ориентированные по линии СВ–ЮЗ. В стратиграфическом профиле ямы (м. 39) наблюдалась небольшая насыпь, в заполнении находился фрагмент керамики.

К сожалению, большая часть погребений, за исключением детских и могил с кремацией, оказалась ограбленной еще в древности. Но, несмотря на это, был получен большой ювелирный и керамический комплекс. Особого внимания заслуживает могила 24, представлявшая собой прямоугольную яму с закругленными углами, размерами 2,2 × 1,75 м, глубиной 1,3 м от дневной поверхности, ориентированную на СВ–ЮЗ. При выборке ее заполнения вдоль всего края, кроме южной части восточной стенки, фиксировалась приступка высотой 0,32 м (от дна могилы) и шириной от 0,01 до 0,35 м. Таким образом, погребальная камера приобретала форму остроугольной трапеции размерами 1,93 × 1,35 м. По краям приступки прослеживались остатки светло-фиолетовой обкладки мощностью от 0,01 до 0,19 м. На дне могилы, у южной стенки, находился сильно скорченный скелет взрослого человека, уложенный на правый бок с подогнутыми ногами. Кости рук, согнутых в локтях, находились под туловищем, череп повернут лицевой частью вниз. На черепе и под ним, в районе ушных раковин, повторяя их контуры, находилось по пять желобчатых подвесок в полтора оборота, замыкающихся в верхней части набора конусообразной подвеской. Снизу от них отходили обоймы с 4 полуширшными выпуклостями в два ряда и 4 трубчатые про-

низки, на концах которых находились лапчатые привески с полушарнными выпуклостями. Рядом располагались трубчатые серьги, орнаментированные несколькими рядами насечек и перекрещающимися линиями. Все детали набора сделаны из бронзы и покрыты сверху золотой фольгой. На запястьях обеих рук находились по два браслета разного типа. Первый тип представлял собой наборное изделие из пастовых бус и трубчатых пронизок, расположенных в виде браслетки, второй – бронзовый браслет федоровского типа с высокими спиралевидными навершиями на концах, оформленными в виде плотной конической головки, насчитывающей 10 витков. На фаланге указательного пальца правой руки был обнаружен бронзовый перстень со спиралевидными окончаниями. На костях обеих ног у в районе щиколоток находились бронзовые бусы в виде браслетки. У юго-восточной стороны могилы стояли два плавнопрофилированных сосуда горшечной формы (рис. 1, 1, 2).

Инвентарь, представленный в могилах, находит широкие аналогии в синхронных памятниках Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана [2, с. 103–112; 1, с. 33–44]. В андроновском керамическом комплексе могильника Кенжеколь-1 выделяются сосуды баночкой, баночно-горшечной и горшечной формы. В свою очередь, для горшечных и баночно-горшечных сосудов характерны наличие зональности в нанесении орнамента, разделение орнаментальных зон каннелюрами, нарядная орнаментация, выполненная мелкогребенчатым и гладким штампом в сочетании с вдавлениями. Среди элементов орнаментации встречаются «косые» треугольники (рис. 1, 1, 2, 4, 5, 8, 9), горизонтальные зигзаги (рис. 1, 3, 6, 7), меандры (рис. 1, 1, 2, 7, 8), фляшки (рис. 1, 1, 5), качалка (рис. 1, 6, 8).

В особую группу выделяется позднебронзовый комплекс, представленный тремя плавнопрофилированными сосудами горшечной формы с сильно раздутым туловом и отогнутым венчиком (рис. 1, 19). Орнаментальная композиция на шейке и верхней части туловов представлена двумя рядами равнобедренных треугольников, направленных вершинами вниз, нанесенных ямочными вдавлениями.

Собранный вещевой инвентарь свидетельствует об использовании могильника на протяжении нескольких периодов эпохи бронзы. Первый период – наиболее ранний, датируется доандроновским (раннеандроновским) временем [3, с. 305]. Второй период – андроновский, представлен основной массой находок, на материалах которых прослеживаются становление и дальнейшая трансформация форм сосудов и орнаментальных мотивов андроновских керамических комплексов, говорящих о локальных особенностях местного прииртышского населения.

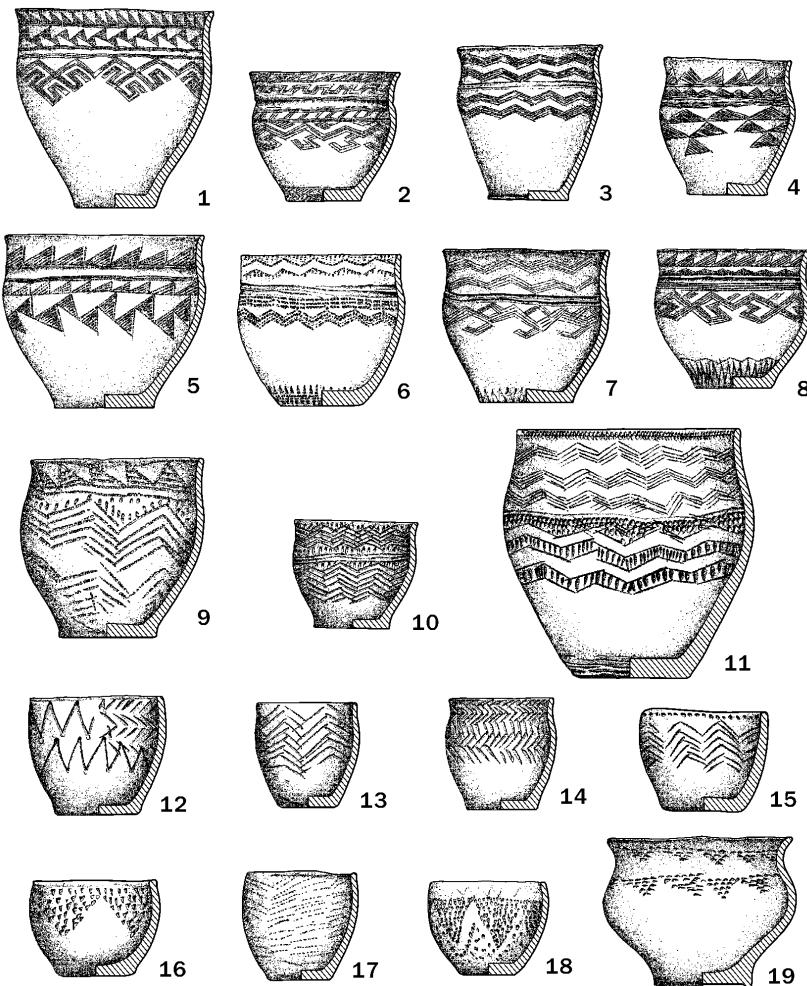

Рис. 1. Керамический комплекс могильника Кенжеколь: 1 – мог. 24, с. 1; 2 – мог. 24, с. 2; 3 – мог. 16, с. 1; 4 – мог. 28; 5 – мог. 27, с. 1; 6 – мог. 27, с. 2; 7 – мог. 16, с. 2; 8 – мог. 18, с. 1; 9 – мог. 15, с. 4; 10 – мог. 17; 11 – мог. 32, с. 1; 12 – мог. 34; 13 – мог. 25; 14 – мог. 42; 15 – мог. 40; 16 – мог. 33; 17 – мог. 30; 18 – мог. 31, с. 1; 19 – мог. 36, с. 1

И третий период, несмотря на незначительность материала (мог. 36), отражает длительную эволюцию перехода андроновских древностей от развитой к заключительной фазе бронзового века (XII–VIII вв. до н. э.).

Таким образом, грунтовый могильник Кенжеколь-1 является значимым памятником, на материалах которого прослеживаются процессы развития племен андроновской общности Обь-Иртышского междуречья, являвшегося контактной зоной взаимовлияния различных культур и образования на их основе новых локальных вариантов. В связи с этим важное значение приобретает дальнейшее исследование памятников Павлодарского Прииртышья, где эти процессы отражены очень ярко.

Литература

1. Кирюшин Ю. Ф., Позднякова О. А., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 33–44.
2. Позднякова О. А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 103–112.
3. Ткачев А. А., Мерц В. К., Ткачева Н. А. Раскопки могильника Кенжеколь I в Павлодарском Прииртышье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень, 2005. С. 302–305.

А. С. Федорук

Исследования в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края в 2006 г.¹

В полевой сезон 2006 г. Кулундинским археологическим отрядом АлтГУ были продолжены работы по мониторингу современного состояния памятников эпохи поздней бронзы – раннего железного века. В этом году исследования производились на территории Баевского, Михайловского и Усть-Пристанского районов Алтайского края.

Поселение **Жарково-1** находится в Баевском районе, в 2 км к северо-востоку от с. Покровка, к востоку от бывшей деревни Жарково, между остатками жарковского бора и левобережной старицей р. Кулунда. Обнаружено Н. Д. Брусником в 1986 г. [3]. В 1987 г. А. Б. Шамшиным на памятнике заложен разведочный шурф площадью 8 м². Впоследствии работы на поселении были продолжены А. Б. Шамшиным и С. Л. Изоткиным. На сегодняшний день вскрытая площадь составляет более 80 м². В результате раскопок получена представительная серия керамики эпохи поздней бронзы, а также изделия из бронзы, кости, камня и глины [3, с. 49; 5]. В настоящее время на площади памятника визуально фиксируются четыре жилищные западины площадью от 110 до 126 м². Две из

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 06-01-00378а

них имеют округлую форму, две – подовальную. Поверхность памятника сейчас дернулся, новых разрушений, за исключением нор грызунов, не обнаружено. Из выбросов из нор нами собрана незначительная коллекция материалов, представленная фрагментами костей животных, камней, а также рядом фрагментов глиняных сосудов. Керамика типична для саргаринско-алексеевских поселений Алтая (рис. 1, 7–13).

Поселение **Жарково-3** находится в Баевском районе в 2,5 км к северо-востоку от с. Покровка, на второй надпойменной террасе р. Кулунда. Обнаружено КАО АлтГУ в 2004 г., а в 2006 г. нами здесь был заложен разведочный шурф размерами 2 × 6 м. Полученные материалы были датированы автором андроновским временем [1, с. 115; 2].

Поверхность территории памятника до недавнего времени разрушалась ветром, однако в настоящее время начался процесс дернования.

С целью выяснения границ поселения к западу от визуально фиксируемых западин на краю надпойменной террасы нами был заложен второй разведочный шурф размерами 1 × 1 м. Он подтвердил наличие культурного слоя, сформированного золистой супесью рыжеватого оттенка. Однако его мощность меньше, чем в шурфе 2005 г. Вероятно, в данном месте располагается зольник. Основную массу находок составляют сильно утилизированные кости животных и камни со следами термических сколов. Кроме того, на памятнике обнаружен ряд фрагментов саргаринско-алексеевских, донгальских и ирменоидных сосудов.

Поселение **Рублево-5**. Открыто А. Б. Шамшиным в 1989 г. Памятник находится в 29 км востоку-юго-востоку от пос. Малиновое Озеро, в 48 км к юго-востоку от с. Михайловское, в основном бору, на западном краю одной из многочисленных еланей («елань» – оステненный участок леса). В 800 м к северо-северо-востоку от объекта находятся бахчи, в 1,3 км – остатки загонов для КРС и домик, называемый местным населением «113-й кордон». На расстоянии около 550 м к северо-востоку от поселения расположен квартальный столб Михайловского лесничества с номерами кварталов 75, 79, 113, 117. На территории памятника визуально фиксируются следы 10 жилищных западин, расположенных на вытянутой с севера на юг гравии, видимо, древнего берега озера Рублево. В настоящее время поверхность поселения задернована, практически не разрушается, поскольку елань используется местным населением под сенокосные угодья. Состояние памятника – среднеаварийное. Шурф, заложенный с целью выявления границ поселения, на юго-западной окраине памятника, около согры, поросшей осинником, показал, что мощность культурного слоя, сформированного темной супесью в этом месте составляет 1 м. Обнаруженные немногочисленные фрагменты керамики не орнаменти-

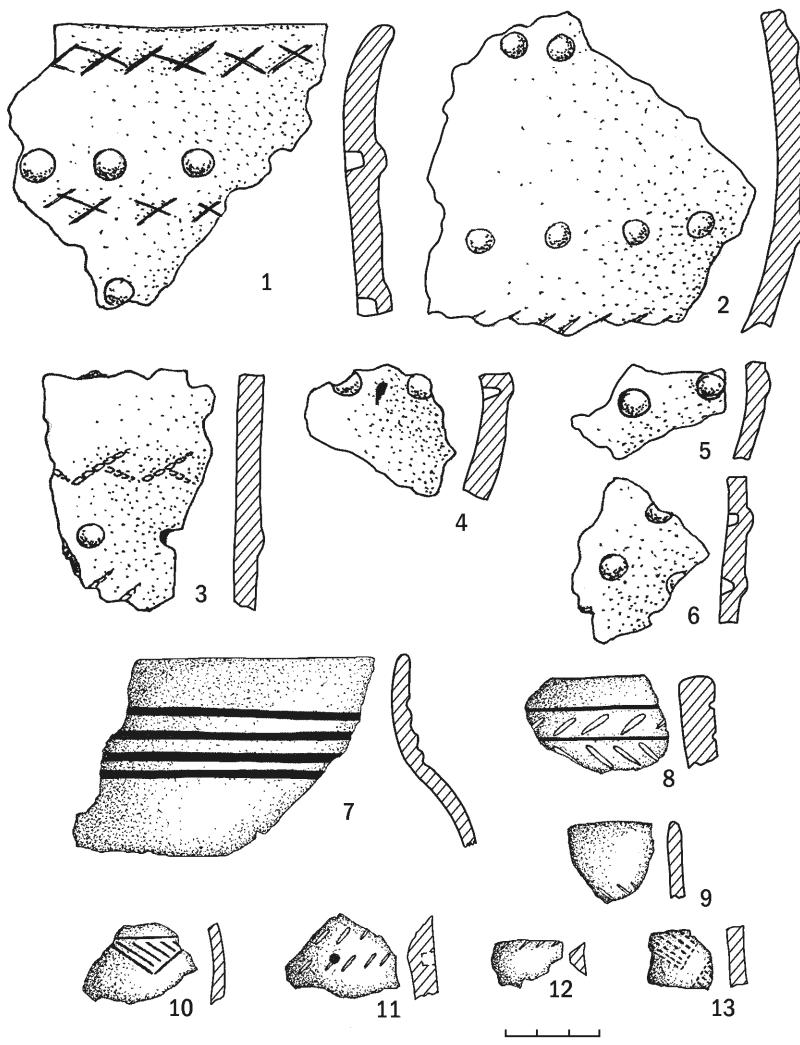

Рис. 1. Керамика с поселений Толоконное-1 (1–6), Жарково-1 (7–13)

рованы, однако по своему облику сопоставимы с посудой раннего железного века.

Поселение **Толоконное-1** находится в пойме р. Оби и р. Чарыш, вблизи впадения последнего в р. Обь, в 7,1 км к юго-востоку от кладбища с. Усть-Чарыш Усть-Пристанского района, на дюнной гряде, расположенной

ной вдоль системы пойменных озер Толоконное и Гороховое. Памятник обнаружен Я. В. Фроловым и Д. В. Папиным в 1995 г. [4]. Исследователи отмечали, что культурный слой поселения интенсивно разрушается ветровой, и водной эрозией. Сборы подъемного материала, проведенные ими, позволили датировать памятник эпохой финальной бронзы.

При обследовании выяснилось, что раздув, расположенный на поселении и захватывающий часть зольника и жилища, в настоящее время начинает дерноваться. Раскоп размерами 4 × 4 м, заложенный нами в раздуве, позволил получить коллекцию керамики позднеирменского облика (рис. 1, 1–6), а также установить, что мощность оставшегося культурного слоя составляет около 0,3 м, слой перевеян. Таким образом, исследования этого года на поселении Толоконное-1 позволили выяснить, что на памятнике происходят процессы, способствующие сохранению культурного слоя и предохраняющие его от окончательного разрушения.

Однако на этой же гряде дюн на двух других огромных по площади раздувах (Толоконное-2, Толоконное-3) нами было собрано большое количество фрагментов керамики, камней, культурную принадлежность которых определить невозможно вследствие сильной фрагментированности и плохой сохранности.

Таким образом, исследования, проведенные нами на ряде памятников Баевского, Михайловского и Усть-Пристанского районов, позволили выяснить современное состояние ранее известных памятников. Можно предположить, что сегодня пик активности ветровой эрозии миновал, и начинаются процессы дернования раздувов, что способствует сохранению культурного слоя.

Литература

1. Федорук А. С., Шамшин А. Б., Иванов Г. Е., Цивцина О. А., Райткян С. С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). 2004 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.
2. Федорук А. С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2005 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006.
3. Шамшин А. Б., Брусилик Н. Д. Новые материалы эпохи поздней бронзы из Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 49–51.
4. Фролов Я. В., Папин Д. В. Поселение Толоконное 1 – новый памятник эпохи финальной бронзы в Барнаульско-Бийском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 88–91.
5. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. С. 102–103.

Ю. И. Гельмель

Новые материалы из Славгородского района

Древнее прошлое ряда районов Кулундинской степи (Славгородский, Немецкий национальный, Табунский, Кулундинский и др.) по-прежнему остается изученным весьма слабо. Археологическими разведками XX в. [1, 2] выявлено несколько десятков памятников, тяготеющих к крупным озерам провинции (Кулундинское, Большое и Малое Яровое). Почти все они – курганные группы и отдельные курганы, не подвергавшиеся научным раскопкам. Из Немецкого национального района (с. Николаевка) известны материалы грунтового (?) погребения кыргызского времени [4, с. 129–131].

В последние годы внимание исследователей привлекли сами озера: их береговые линии и террасы стали изучаться на предмет обнаружения археологических материалов. В результате впервые в этой части Алтая были получены поселенческие материалы, датируемые периодами от палеолита до средневековья. Справедливости ради следует сказать, что следы древней жизни на озерах были обнаружены местными школьниками еще в 1970-е гг. Так, на одной из фотографий, хранящейся в фондах славгородского краеведческого музея, изображены кости и крупный каменный наконечник стрелы с коротким черешком. Судя по подписи, находки были сделаны во время похода на озеро Большое Яровое. К сожалению, вещи не попали в руки специалистов и к настоящему времени утрачены.

Начало работе по обследованию озер в Славгородском районе было положено в 2004 г. комплексной экспедицией омского Центра гуманистических, социально-экономических и политических исследований-II (ГЭПИЦентр-II) под руководством В. В. Дрягина. На берегах озера Большое Яровое исследователями были обнаружены 6 новых памятников археологии, 3 из которых содержали поселенческие материалы.

Летом 2006 г. в ходе разведки, проведенной школьниками археологического объединения ЦДЮТ г. Славгорода под руководством автора, памятники озера Большое Яровое были обследованы вновь.

Теплый ключ. Местонахождение на западном берегу, у места впадения в озеро Б. Яровое пресного ручья Теплый ключ. Экспедиция ГЭПИЦентра-II обнаружила здесь каменный скребок и керамику без орнамента [3, с. 11]. Наши находки также оказались немногочисленными: на правом (южном) берегу ручья были подняты рассеянные на большой площади несколько мелких фрагментов керамики с гребенчатым орнаментом, три отщепа, скребок и обломок еще одного мелкого каменного орудия (рис. 1, 5).

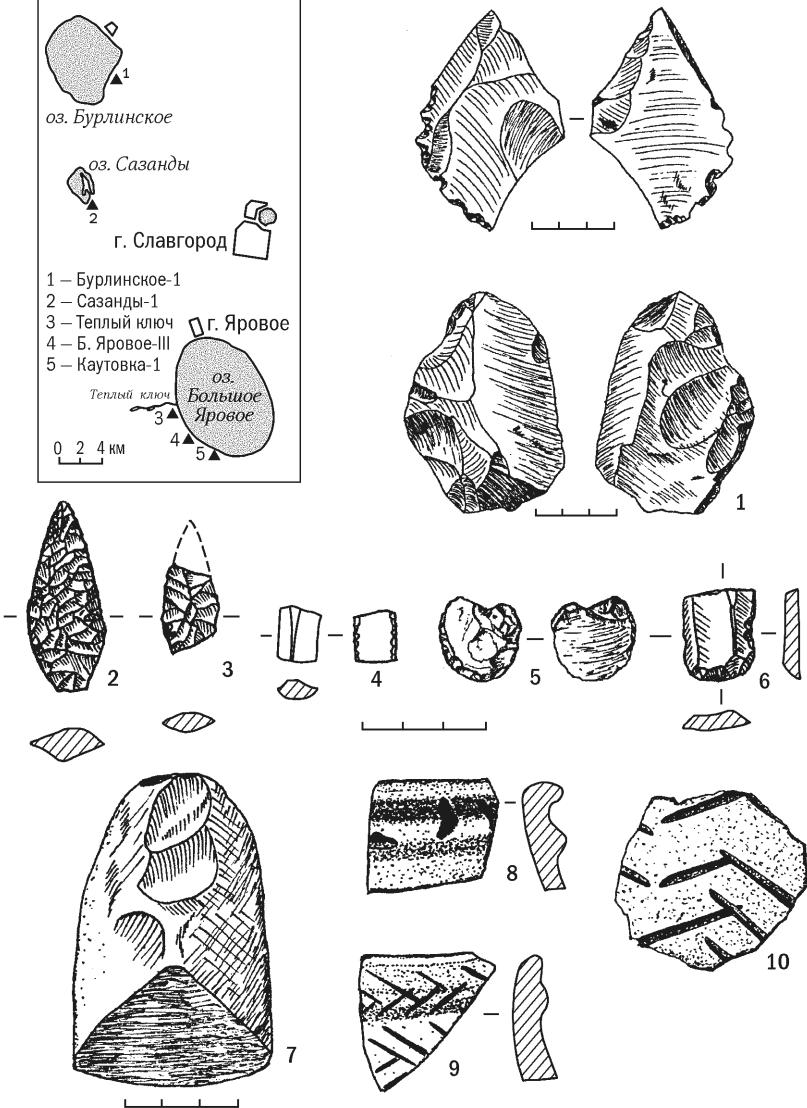
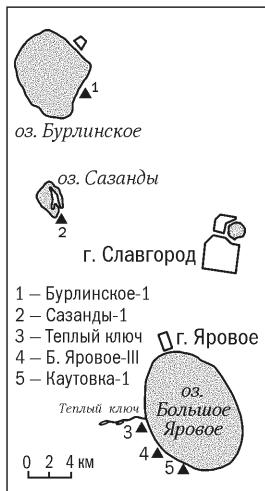

Рис. 1. Найдки: 1 – Бурлинское-I; 2–4 – Б. Яровое-3; 5 – Теплый Ключ, 6–9 – Сазанды-I; 10 – Каутовка-I

Большое Яровое-3. Местонахождение в районе оврага в юго-западной части озера Б. Яровое. В публикации омских исследователей памятник обозначен как «Большое Яровое-2», но это название уже было присвоено в 1991 г. одному из курганных могильников. Предлагаемое нами название продолжает имеющуюся нумерацию. Археологи ГЭПИЦентра-II обнаружили здесь «следы 3 стоянок, вероятнее всего, относящиеся к каменному веку. Здесь были обнаружены каменные ножи, скребки и топор-тесло, каменное рубило» [3, с. 11, фото 4–7]. Летом 2006 г. в этом месте, на отмели у воды, были обнаружены несколько отщепов, ножевидная пластинка с ретушью, скребок, каменный листовидный наконечник стрелы и обломок еще одного наконечника (рис. 1, 2–4).

Каутовка-1. Поселение на южном берегу озера Б. Яровое в районе бывшего села Каутовка. Экспедицией 2004 г. здесь обнаружены отщеп (или скребок?) и фрагменты керамики, украшенные гребенчатой горизонтальной елочкой. В 2006 г. жителем г. Яровое А. Герасимовым нам был передан развал стенки сосуда, найденный им прошедшей весной в одном из оврагов в вышеуказанном месте. Сосуд украшен елочкой, выполненной гладким штампом, и является типичным для памятников андроновской культуры (рис. 1, 10). Этим же временем датировали поселение Каутовка-1 и омские ученые [3, с. 13]. В ходе разведки 2006 г. обнаружить следы поселения здесь не удалось.

При обследования курганных могильников в районе озера Б. Яровое было также отмечено, что 2 из 10 известных подверглись разграблению в течение последних двух лет (Екатериновка-1 и Каутовка-4).

В ходе разведки летом 2006 г. было проведено также обследование части береговой линии двух озер Славгородского района: Сазанды и Бурлинского. На южном берегу оз. Сазанды, примерно в километре к западу от кладбища заброшенного села Батаевка, был собран немногочисленный подъемный материал, состоящий из обломков неорнаментированной керамики, отщепов и скребка из светло-серого песчаника (рис. 1, 6). Здесь же, а также несколько северо-восточнее, на острове, во время охоты житель г. Яровое А. Герасимов подобрал несколько фрагментов керамики, обломок кольца массивной бронзовой средневековой серьги, шлифованный каменный топор-тесло (рис. 1, 7–9) и обломок нижнего камня зернотерки, толщиной до 7 см. Материалы свидетельствуют о заселении берегов озера начиная с эпохи неолита и жизни здесь людей в последующие периоды, вплоть до средневековья.

На восточном берегу оз. Бурлинское, в небольшом размыве у края берегового обрыва, обнаружено более 200 артефактов из светло-серого патинированного песчаника. Собрано несколько десятков орудий и до-

вольно крупные отщепы, которые по особенностям техники изготовления могут быть отнесены к верхнему палеолиту, возможно к началу этого периода (рис. 1, 1).

Таким образом, интересные разнообразные археологические материалы, полученные при обследовании соленых озер Кулундинской степи, свидетельствуют о перспективности этого направления работы и указывают на необходимость ее продолжения.

Литература

1. Гельмель Ю. И. К археологической карте Кулундинской степи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 88–89.
2. Гельмель Ю. И. Археологическая разведка в Славгородском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2003. С. 48–52.
3. Мельников Б. В., Яшин В. Б. Древности и предания озера Ярового. Яровое, 2004.
4. Уманский А. П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991. С. 128–137.

Я. В. Фролов, С. М. Ситников

Новые случайные находки изделий эпохи металла из Бурлинского района Алтайского края¹

Осенью 2003 г. жителем с. Устьянка Бурлинского района Алтайского края Н. Суздалевым одному из авторов были переданы два каменных наконечника стрел (рис. 1, 1, 3), обломок каменного ножа (рис. 1, 2) и бронзовая бабочковидная бляха (рис. 1, 4–6). По словам находчика, эти вещи были обнаружены им в разные годы на берегах озер Кабанье, Песчаное и Хомутное. Наконечники стрел и нож, вероятнее всего, относятся к эпохе раннего металла.

Наибольший интерес представляет бабочковидная бляха (рис. 1, 4–6). Она имеет щиток в виде лопастей с прямым краем, в центре которых имеются полулунные прорези. В середине щитка расположена полушарная выпуклость со спиралевидным орнаментом в центре. На лопастях щитка бляхи присутствуют противопоставленные друг другу изображения голов ушастого грифона с длинной шеей. Грифон имеет массивный клюв, круглый выпуклый глаз и округлое ухо. На обратной стороне располагается петля в виде небольшой дужки округлого сечения.

Случайные находки бабочковидных блях в Кулунде довольно редки. Это одна из самых западных зон распространения подобных изделий.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проекты № 06-01-60108 а/т и № 06-01-00510а.

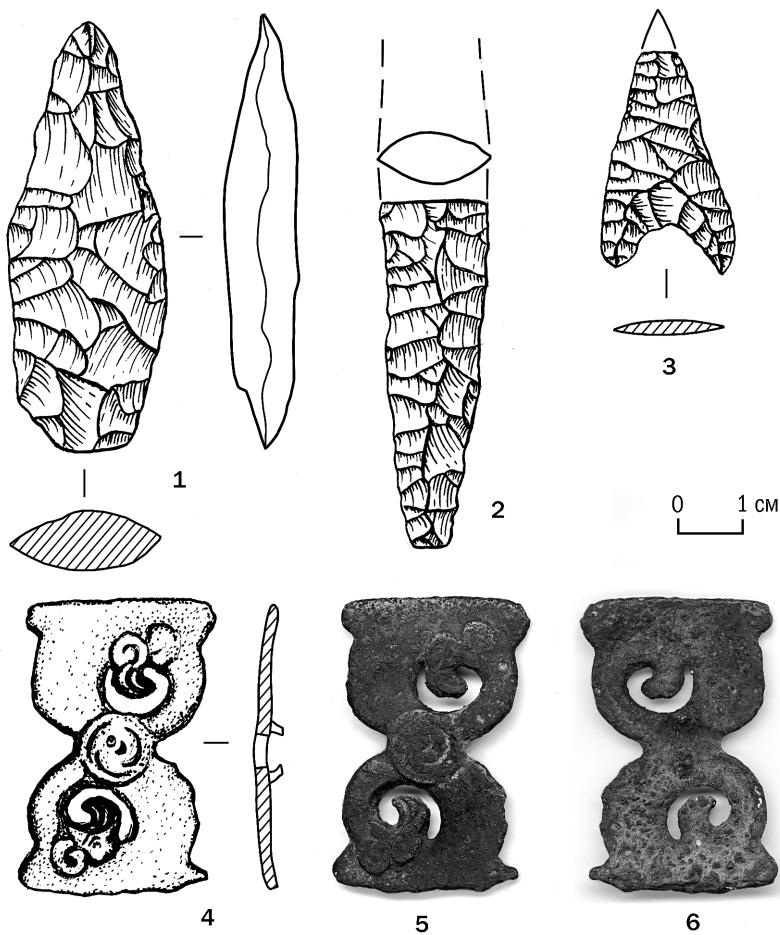

Рис. 1. Случайные находки из Бурлинского района Алтайского края: 1, 3 – наконечники стрел; 2 – обломок ножа; 4–6 – бабочковидная бляха; 1–3 – камень; 4 – бронза

Наиболее близкая находка сходного по типу предмета происходит из комплекса бронзовых вещей с поселения Островное-3 в Мамонтовском районе [1, рис. 1, 24]. Севернее бляхи подобной формы, изготовленные из рога, происходят из Барабы – могильника саргатской культуры Марково-1. Лопасти похожей конфигурации имеются у железных бабочковидных блях из могильника каменской культуры Новый Шарап-1 в Новосибирском Приобье [8, табл. XIX-14-17]. Наибольшее количество бабоч-

ковидных блях на Алтае найдено на территории Барнаульского Приобья, большинство из них происходит со староалейских памятников [9, с. 164, рис. 4, 5; 11]. Часто встречаются подобные изделия в материалах шеломокской (кижировской) культуры [4, рис. 22, 5, 28, 3–10]. Но, в отличие от бляхи из Бурлинского района, на всех староалейских и шеломокских (кижировских) изделиях лопасти щитков имеют фигурные края [10, рис. 1; 12, рис. 1, 6, 8, 10–12; 18; 4, рис. 22, 5; 28, 3–10], а бляхи с прямым краем лопастей происходят из комплексов быстрянской культуры – могильника Аэродромного, могильника Березовка-1 [3, рис. 2, 3, 4; 5, с. 86, рис. 6, 7, 9]. Пока не ясно, имеют ли отмеченные особенности распространения блях с разной формой края лопастей явные хронологические или культурные различия.

Число найденных бабочковидных блях в лесостепном Алтае еще неизначительно. Но можно отметить, что в основе различий в форме лопастей бабочковидных блях лежит разная иконография изображений грифонов, стилизация которых приводит к разному оформлению изделий. Здесь можно выстроить типологические ряды изображений, начинаяющиеся наиболее реалистичными мотивами и продолжающиеся изображениями со все большей степенью стилизации. Так, в первом случае можно выстроить цепочку, в основе которой лежат изображения головы и крыла грифона из Центральной Азии – Ордоса и соседних регионов [13]. Затем в типологический ряд удачно вписывается бляха из Бурлинского района, на которой крыло над головой грифона уже превращается в прямую планку. Ряд продолжают бляхи с прямым краем щитка, где какие-либо изображения уже отсутствуют: Островное-3, Аэродромный и т. д. [2, рис. 1, 24; 3, рис. 2, 3, 4].

Такой же ряд изображений можно выстроить и для другого варианта бабочковидных блях: от реалистичных изображений, представленных на бляхах из староалейских памятников, до стилизованных с этих же могильников. Наглядно это можно увидеть на поясных накладках из могильника Фирсово-14 [10, рис. 1; 12, рис. 1, 6, 8, 10–12, 18].

Бабочковидные бляхи, происходящие с территории Алтая, датируются в пределах VI–V вв. до н. э. [9, с. 164, рис. 4, 5]. На сопредельных территориях: в Туве, Минусинской котловине, Центральной Азии – они датируются несколько шире – VI–IV вв. до н. э. [6, с. 179–182, рис. 2, 1–3, 10, 13, 18, 19, 23, 24]. Видимо, в этих же пределах следует датировать и бурлинскую бляху.

Литература

1. Иванов Г. Е. Бронзовые изделия с поселения Островное-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 175–179.

2. Иванов Г. Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Мамонтово—Барнаул, 2000. 160 с.
3. Кунгурев А. Л., Кунгурева Н. Ю. Раскопки могильника Аэрордомный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
4. Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск, 1977. 142 с.
5. Полторацкая В. Н. Могильник Березовка I // АСГЭ. Вып. III. Л., 1961. С. 74–88.
6. Семенов Вл. А. Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н. э. в Туве // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 179–182.
7. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 214 с.
8. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
9. Фролов Я. В. Ритуальные «клады-приношения» у детских погребений староалейской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 163–166.
10. Фролов Я. В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н. э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211–219.
11. Фролов Я. В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 149–155.
12. Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219–226.
13. Banker E. C. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes: from the Artur M. Sackler collections. Seattle and London, 1997.

А. Н. Телегин

Новые некрополи в окрестностях курганной группы Объездное-1

В течение 7 полевых сезонов 2000–2006 гг. Степной отряд Археологической экспедиции БГПУ (руководитель – автор) осуществлял стационарные работы в окрестностях с. Родино Шипуновского района Алтайского края. В качестве основного объекта исследований все эти годы выступала курганская группа Объездное-1, расположенная в 5 км к северо-западу от бывшей деревни Объездное (ныне стан полеводческой бригады № 4 СПК им. Гринько) [1–4].

Вторым, не менее важным направлением работы отряда являлось обследование прилежащей к некрополю территории на предмет наличия в этом районе иных археологических объектов. Настоящая публикация посвящена некоторым результатам этих работ.

Курганы Объездное-1 находятся на самой вершине водораздела, который, подобно горному хребту, отделяет оз. Зеркальное от системы мел-

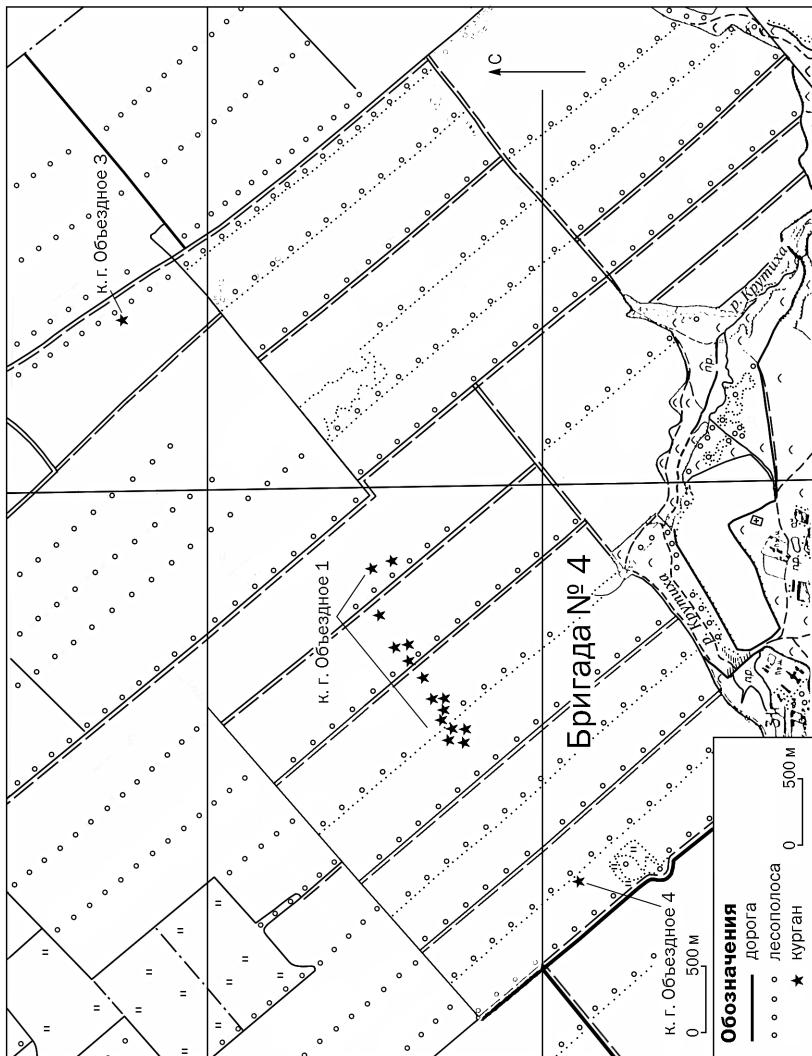

Рис. 1. Курганные группы Объездное-1, 3, 4

ких речек — левых притоков р. Алей. Месторасположение памятника вполне традиционно для древних некрополей Приобья, население которого на протяжении веков предпочитало хоронить усопших на возвышенных участках местности. Исходя из этого, в качестве приоритетных

Рис. 2. Курганская группа Объездное-3. Вид с юго-запада

районов поиска новых курганных погребений мы определили участки вершины водораздела, расположенные к северо-востоку и юго-западу от курганной группы Объездное-1. Избранная тактика поиска увенчалась успехом – в окрестностях к. г. Объездное-1 были обнаружены два некрополя. Один из них находится в 2 764 м к северо-востоку от к. г. Объездное-1, второй – в 1 420 м к юго-западу от нее (рис. 1).

Рис. 3. Курганская группа Объездное-4. Вид с северо-запада

Первый объект, получивший наименование Объездное-3, являет собой одиничный курган. Размеры его насыпи довольно внушительны: диаметр составляет 30–35 м, высота — около 1,8 м. Курган опахан (но не распахан) со всех сторон. Поверхность насыпи хорошо задернована (рис. 2).

Второй некрополь, получивший наименование Объездное-4, также является одиничным курганом. Насыпь его интенсивно распахивается. На момент обследования диаметр насыпи составил 20–25 м, высота — около 0,4 м (рис. 3).

Литература

1. Телегин А. Н., Боровков А. С. Некоторые итоги раскопок курганной группы скифо-сакского времени на Приобском плато // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XII регион. археолого-этнограф. студенч. конф. Омск, 16–19 апр. 2002 г.). Омск, 2002. С. 362–364.
2. Телегин А. Н., Бородовский А. П. Резные роговые украшения седла скифского времени и Приобского плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). Т. XI, ч. I. Новосибирск, 2005. С. 470–475.
3. Телегин А. Н. Некоторые итоги раскопок курганной группы Объездное-1 в 2004 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г.: Материалы регион. науч.-практ. конф. 9–11 дек. 2004 г. Барнаул, 2005. С. 104–108.
4. Телегин А. Н. Шестой год раскопок курганной группы Объездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2005 г.: Археология, этнография, устная история. Вып 2: Материалы II регион. науч.-практ. конф. 1–2 дек. 2005 г. Барнаул, 2006. С. 77–80.

Р. В. Белоусов, И. Е. Кадничанский

Археологическая разведка в окрестностях г. Камня-на-Оби осенью 2006 г.

Осенью 2006 г. начала реализовываться разработанная Каменским археологическим отрядом экспедиции БГПУ программа по выявлению новых и мониторингу состояния ранее известных археологических объектов в г. Камне-на-Оби и его окрестностях. В рамках этой программы наци был произведен мониторинг состояния курганных могильника Татарские могилки, начался сбор сведений о местонахождении курганной группы Каменьторг и курганных могильника Камень-2. Кроме этого, осмотрены скальные выходы в черте города, на которых выявлены выбитые изображения.

Актуальность данной работы не вызывает сомнений. Во-первых, несмотря на достаточную изученность окрестностей г. Камня и Каменского района, где начиная с 1926 г. проводились широкомасштабные разведки и раскопки, площадь города не становилась объектом специального ис-

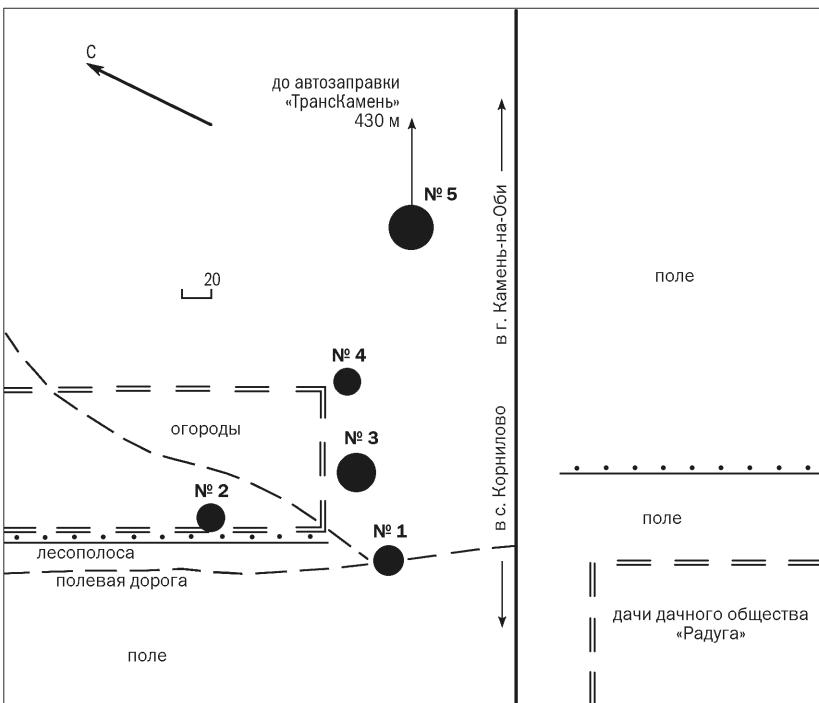

Рис. 1. План курганной группы Татарские могилки

следования. В то же время наличие в черте города различных природных ландшафтов: мелких речек и озер, болот, скал, лесных массивов, степных и лесостепных участков, поймы р. Оби – позволяет предположить широкое освоение человеком этой территории в древности. Во-вторых, в черте города развернулись крупные хозяйствственные работы: сооружение второго железнодорожного моста через р. Обь, реконструкция магистрального водопровода и т. д., значительно видоизменяющие облик города, и, возможно, разрушающие его историческое наследие. В-третьих, площадь города постоянно расширяется в результате активного жилищного строительства. Значительные территории застроены в западной части города, на возвышенностях, перспективных с археологической точки зрения в плане нахождения на них курганных могильников.

В октябре 2006 г. отрядом была осмотрена курганная группа, известная в литературе как Татарские могилки [1, с. 5–6]. При обследовании площади памятника нами установлено, что южная его часть сохранилась. Визуально прослеживаются насыпи пяти курганов. Их диаметр и

Рис. 2. Выходы камня в г. Камне-на-Оби

высота различны: курган № 1 – высота 0,3 м, диаметр 20 м, курган № 2 – высота 0,2 м, диаметр 20 м, курган № 3 – высота около 1 м, диаметр 35 м, курган № 4 – высота 0,6 м, диаметр 20 м, курган № 5 – высота 0,4 м, диаметр 38 м. Северный курган № 5 находится в 430 м южнее автозаправки «Транскамень» (рис. 1).

Курганская группа расположена на господствующей в окрестностях г. Камня возвышенности, с которой просматривается вся пойма Оби на левом и правом берегах. Курганы № 1–3 разрушаются в результате современной хозяйственной деятельности: через курган № 1 проходит полевая дорога, курганы № 2 и № 3 опахиваются.

Рис. 3. Фигура в форме эллипса.
Наскальное изображение

Рис. 4. Наскальное изображение на приобских скалах в г. Камне-на-Оби

ская и культурная интерпретация некоторых не столь очевидна. Мы имеем в виду изображения круга с вписаным в него крестом (рис. 3) и группы эллипсовидных фигур, композиционно составляющих цепочку (рис. 4). Причем в некоторых фигурах дополнительно были выбиты изображения.

В целом необходимо подчеркнуть: авторы не утверждают, что эти изображения являются древними, но сам факт их наличия требует более пристального внимания к приобским скалам города.

Литература

1. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 132 с.

К. Ю. Кирюшин, В. В. Горбунов, О. В. Даньшин

Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края)

До недавнего времени левый берег р. Катунь в ее нижнем течении от Аржан-Су до с. Ая в археологическом отношении оставался практически неизученным. В мае 2005 г. между руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» и АлтГУ был заключен договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса в сферу туризма. В рамках этого договора летом 2005 г. начались работы по созданию археологического парка «Перекресток миров» [3; 4].

Летом 2006 г. археологические исследования не ограничились территорией туристического комплекса. Они распространились также на бассейн р. Усть-Уба, которая протекает в узком каньоне и практически не имеет разработанной долины. Пойма реки за редким исключением не превышает нескольких десятков метров и ограничена с обеих сторон отвесными скалами. Ущелье труднопроходимо, завалено упавшими деревьями, густой кустарник и травянистая растительность превышают рост человека. Несмотря на все эти обстоятельства, район р. Усть-Уба пользуется повышенным вниманием у современных охотников. Местные жители называют это урочище «Теплый ключ». Дело в том, что температура воды в верховьях этой небольшой реки примерно на 5–6° выше, чем в других реках Алтайского района. Разница температур хорошо фиксируется в месте слияния р. Усть-Уба с безымянным ручьем (географические координаты: N 51° 45.858 E 085° 37.356). В результате этого, по словам местных жителей, в долине осенью дольше сохраняется зеленая трава, зимой вода в реке не замерзает. Все эти обстоятельства привлекают копытных животных. Для местных жителей это излюбленное место охоты. По информации одного из них (А. Н. Политова), в месте впадения ключа в р. Усть-Уба на отвесной скале представлены рисунки животных и антропоморфные персонажи [1, с. 40].

Для проверки этой информации двое из авторов статьи вместе со студентом Бийского государственного педагогического университета В. Чертовым совершили поход от туркомплекса «Бирюзовая Катунь» до р. Усть-Уба. Отряд двигался от искусственного водоема на автомобиле через перевал к запруде на р. Тавдушка, дальше шли пешком через перевал до р. Усть-Уба. К сожалению, до места, где, по словам А. Н. Политова, находятся наскальные рисунки, отряд не дошел чуть меньше километра, но в 1,4 км выше слияния р. Усть-Уба с безымянным ручьем была обнаружена руническая надпись (географические координаты: N 51°

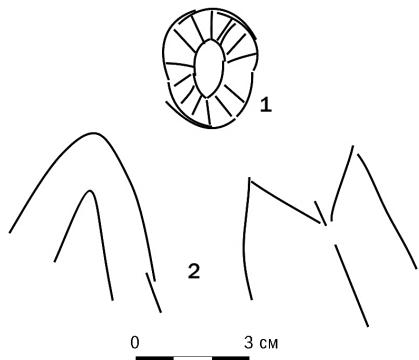

Рис. 1. Наскальные знаки с р. Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края). 1 – «солярный» символ; 2 – руническая надпись

45.228 E 085° 36.342). Она расположена на правом берегу р. Усть-Уба, на скальной поверхности высотой около 2,5 м, имеющей небольшой угол нависания (10–15°), который защищает надпись от дождя. Камень – известняк, но окремненный, плотный, не имеющий трещин и следов разрушения. Надпись состоит из двух горизонтально расположенных знаков (рис. 1, 2). Их линии прорезаны достаточно глубоко, скорее всего, острым металлическим инструментом, четко выделяются на камне, но имеют слаженные борта, что свидетельствует о длительном периоде медленного разрушения под воздействием природных факторов. Частично знаки перекрыты лишайником, и не исключено, что его осторожная расчистка позволит выявить новые обозначения. Первый (правый) знак соответствует мягкой букве «р» (рус.), «г» (лат.) орхоно-енисейского алфавита [5, с. 10]. Его размеры: высота до 4,8 см, ширина до 4,5 см. Он мог иметь самостоятельное значение и переводиться как слово «эр», «ег» – муж, мужчина [2, с. 175]. Второй (левый) знак обозначает твердую букву «т» (рус.), «т» (лат.) и характерен для енисейского варианта рунического письма [5, с. 10]. Его размеры: высота до 4,7 см, ширина до 4 см. В самостоятельном значении он соответствует слову «ат», «ат» – имя, титул [2, с. 64]. Сочетание обоих знаков может указывать и на одно слово «эрат», «егат» – мужи, воины [2, с. 176]. По аналогии с более полными руническими текстами Горного Алтая можно предположить и то, что надпись передает словосочетание «эр аты», «ег ат» – его мужское (геройское) имя или его мужа-воина имя [5, с. 50–51]. Датировка усть-убинской надписи определяется по характерному написанию буквы «т», «т» в виде двойного острого угла, или «домика», которое встречается в енисейских надписях и не известно по орхонским текстам [5, с. 52]. Енисейское письмо вполне определенно связывается с кыргызами, чье господство установилось в горной части Алтая после 840 г. и длилось по XI в. включительно. Именно в этот промежуток времени население Алтая могло перенять у кыргызов особенности написания некоторых рунических знаков, которые стабильно встречаются среди наскальных надписей.

Немного выше рунической надписи нанесено резное изображение напоминающее «солярный» символ (рис. 1, 1), возможно, это тамга. По технике исполнения и степени патинизации она сходна со знаками надписи. Размеры изображения – 3,3 2,7 см.

Ниже рунической надписи имеется процарапанный знак в виде буквы «у», но его линии неглубокие, свежие, отличаются от остальных и техникой исполнения, и более ярким характерным цветом. Это единственный знак, не покрытый лишайником. Безусловно, он нанесен современными посетителями.

Таким образом, в результате проведенного обследования по р. Усть-Уба впервые на территории Алтайского края была документально зафиксирована наскальная руническая надпись, которая на сегодняшний день является самым северным объектом в корпусе горно-алтайских рунических памятников.

Литература

1. Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археология и туризм Горного Алтая (Археология, мифология, краеведение Нижней Катунь). Вып. 2. Методическое пособие для экскурсоводов и туристов. Новосибирск: ООО «Сибирь–Алтай», 2005. 60 с.
2. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
3. Кирюшин К. Ю., Кирюшина Ю. В. Работы АлтГУ по созданию археологического парка «Перекресток миров» на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» (проблема позиционирования) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вып. XV. Барнаул: Азбука, 2006. С. 229–234.
4. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Кирюшина Ю. В., Семибраторов В. П. История создания и перспективы развития археологического парка «Перекресток миров» // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 492–494.
5. Кызласов И. Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая: Учебное пособие. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2002. 164 с.

А. П. Бородовский, Т. В. Шаламай

Обследование предустьевой долины реки Чичкешин

Петроглифы – один из самых распространенных памятников древнего искусства на территории Горного Алтая. Изучение наскальных рисунков здесь ведется на протяжении трех столетий [2, с. 33]. Как бы ни была изучена эта территория, вопрос находок новых петроглифических памятников по-прежнему актуален. Наряду с обнаружением новых памятников важной задачей является мониторинг состояния уже известных. Петроглифы могут подвергаться влиянию как природного, так и антропогенного фактора.

Археологические исследования данной местности проводились и прежде. В 1989 г. Е. П. Маточкиным в начале предустьевой долины р. Чичкешин, правого притока среднего течения р. Катунь, в горной теснине по левому берегу Чичкешина была зафиксирована группа петроглифов [4]. При обследовании устья р. Чичкешин В. Д. Кубаревым в 1998 г. был обнаружен портативный могильный «алтарь» [3]. В феврале 2003 г. и августе 2006 г. эта писаница была осмотрена и часть петроглифов скопирована А. П. Бородовским [2]. Памятнику было присвоено название Чичкешин-1.

В августе 2006 г. была проведена разведка на участке от устья до начала предустьевой долины р. Чичкешин (алт. «тесное, узкое место»). Целью работ было уточнение северной кромки центрально-азиатского петроглифического искусства и проведение мониторинга состояния памятника Чичкешин-1. В задачи входило также выявление основных композиций и копирование отдельных сюжетных сцен писаницы. Выполнение копирования петроглифов являлось частью учебной программы прохождения археологической практики для студентов I курса ИИГСО НГПУ [1, с. 5–7].

Петроглифы находятся на левом берегу р. Чичкешин. Рисунки расположены на отвесных плоскостях склона Ю–ЮЗ ориентации, на высоте от 0,4–0,5 м до 1,6–1,7 м от рыхлых отложений под писаницей, представленных коричневым суглинком со щебнем. Низкое расположение петроглифов относительно скального склона позволяет предположить наличие здесь культурного слоя, как на Кучерлинской писанице. Скальная поверхность сильно загрязнена граффити, выполненными во 2-й половине XX в. масляными красками. Рисунки, не перекрытые более поздними наслоениями, расположены двумя композициями. На первой композиции изображены марал и несколько горных козлов. Вторая композиция расположена на 6,7 м к северо-востоку от первой и представлена не только изображениями животных, но и антропоморфной фигурой со сложным головным убором или прической. Эту фигуру Е. П. Маточкин интерпретирует как изображение шамана [4]. Под ней расположена фигура рогатого животного, напоминающего марала. Рядом с этой композицией находится часть аморфных изображений животных и несколько поврежденных участков скалы. Все петроглифы выполнены выбивкой. Правый край этой композиции пострадал от масляной краски и от более поздних выбивок-«поправок», которые перекрыли либо уничтожили часть древних изображений. В самом низу этой композиции расположены миниатюрные прорезные изображения козлов-теке. Размеры изображений – от 7 до 33 см. Они близки к миниатюрным изобра-

жениям Колбакташа. Всего удалось выявить около двух десятков животных. Однако изображений на Чичкешинской писанице значительно больше.

Судя по изображеному животному сюжету и стилю изображения, писаница относится к эпохе палеометалла и датируется начиная с I тыс. до н. э. Для выявления всех петроглифов необходима предварительная расчистка скальной поверхности от более поздних наслоений, выполненных краской, и от обызвесткования скальной поверхности. Данные петроглифы входят в северную зону центрально-азиатских петроглифов (Чемал, Мынота, Барагаш, Теплый Ключ) и относятся к северной зоне петрографического искусства Центральной Азии [5, с. 12–18].

Выше по течению на правом берегу р. Чичкешин на расстоянии 275 м от Чичкешинской писаницы в феврале 2003 г. зафиксирована курганская группа Чичкешин-2 [2]. В 2006 г. произведена съемка плана этого объекта. Курганы расположены на конусе выноса между двумя скальными склонами. Высота над уровнем моря – 730 м. Площадка вытянута по линии север–юг с небольшим отклонением к западу. Курганы сгруппированы в две цепочки, идущие по сторонам лога. Диаметр курганов – от 4 до 7 м, высота – 0,3–0,4 м, задернованность средняя. На краях насыпей курганов прослеживаются крупные грубообломочные камни и гачечник. Датировка и культурная принадлежность курганной группы неизвестна.

К юго-востоку от памятника Чичкешин-2 находится пещера Чичкешин-3, расположенная на высоте 10–15 м относительно курганов. Пещера представляет собой неглубокий свод 1,5–2 м, высотой около 1,5 м. Рыхлые отложения в пещере представлены щебнем и коричневым суглинком с примесью гравия. Пещера не имеет боковых галерей. Свод имеет частичную закопченность вследствие использования пещеры человеком. Археологических находок не обнаружено. Удачное расположение грота не исключает его функционирования как жилого или хозяйственного объекта.

В целом во время разведки 2006 г. был проведен мониторинг состояния писаницы Чичкешин-1. Это позволило уточнить сюжетные композиции писаницы, определить план работ по очищению скальной поверхности и перспективность дальнейших исследований памятника. Кроме того, была осуществлена фиксация археологических объектов, находящихся в предустьевой долине р. Чичкешин. Полученная информация в дальнейшем будет использована для составления археологической карты урочища Чичкешин в рамках сводной картографии археологического наследия Чемальского района Республики Алтай.

Литература

1. Бородовский А. П. Учебно-образовательные возможности археологической практики студентов исторического факультета: Бюл. Вып. I. Новосибирск, 2002. С. 5–8.
2. Бородовский А. П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2003. С. 33–42.
3. Кубарев В. Д. Портативный «алтарь» из Чичкеши // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 55–58.
4. Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. С. 45–63.
5. Назарова С. Археологические исследования на р. Семе // Материалы юношеского полевого археологического семинара. Вып. III. Новосибирск, 2005. С. 9–19.

Т. А. Вдовина

Обследование остатков ирригационных систем Горного Алтая в 2006 г.

В полевой сезон 2006 г. нами было произведено исследование остатков ирригационных сооружений в Чемальском и Онгудайском районе Республики Алтай.

Чемальский район. В 2004 г. нами обследовались локальные участки правого берега р. Катунь в пределах Чемальского района. Остатки оросительных систем были осмотрены в предустьеовой зоне р. Чеба, правого притока Катуни, и в урочище Тогусхан. Тогда был произведен осмотр сохранившихся участков оросительных систем, составлены глазомерные планы расположения каналов, произведена фотофиксация общего вида и основных функциональных деталей систем [1, с. 174–178].

В ходе исследований 2004 г. на оросительной системе Чеба были намечены «ключевые» участки магистральных каналов, требующие дополнительного исследования для выяснения конструктивных особенностей и, возможно, времени постройки системы. Общая характеристика оросительной системы Чеба следующая: два магистральных канала отводились от р. Чеба в 450 м от ее впадения в Катунь и следовали вдоль ее правого и левого берегов, транспортируя воду на надпойменные катунские террасы. Водозаборного сооружения обнаружено не было. Магистральный канал правого берега р. Чеба был проложен по линии восток–запад, левобережный – по линии север–юг. Распределительная часть ирригационной системы была уничтожена распашкой. На отдельных участках русла каналов не прослеживаются совсем. Средние размеры магистральных каналов: ширина 0,5–1,0 м, глубина 0,2–0,4 м от уровня верхней кромки бортов. Нами был отмечен участок правобережного магистрального канала, где ось канала пересекает скальный выступ. Данный участок был предварительно подготовлен для прохождения канала: скаль-

ный выступ подрублен, следующий за выступом небольшой обрыв дополнительно укреплен каменно-земляной насыпью и приспособлен под русло канала.

В 2006 г. этот отрезок магистрального канала был дополнительно исследован. Нами был заложен раскоп рядом со скальной полкой на искусственной каменно-земляной насыпи. Требовалось обнажить борта и ложе канала, зачистить поперечный разрез русла для фиксации его заполнения. До раскопочных работ ложе канала и склон каменно-земляной насыпи был очищен от травянистой растительности. Шурф размером 1,3 × 1,0 м длинной осью сориентирован по линии восток–запад. С восточной стороны площадь раскопа ограничена естественным выходом скальной породы, к которому вплотную примыкает ложе канала, с запада – 1,5-метровый крутой скат искусственной каменно-земляной насыпи и выложенный рваным камнем внешний борт канала. На глубине 6 см от дневной поверхности обнаружены остатки деревянной конструкции – желоба. На данном участке желоб был проложен по линии север–юг. Несмотря на плохую сохранность древесины, была отчетливо видна корытообразная форма желоба. Ширина его от борта к борту – 45 см, глубина от наиболее выступающих кромок бортов – 10 см. Поперечный разрез магистрального канала выявил разнообразную структуру его заполнения. Приводим описание разреза: 1) плотная прослойка корневой системы растений – 2–3 см; 2) темный гумус с примесью песка (слой идет до верхней кромки бортов желоба) – 4–6 см; 3) линза светлого крупнозернистого песка (в желобе) – 8 см; 4) крупнозернистый песок с примесью серого гумуса (за внешними бортами желоба в пределах ложа магистрального канала) – 7–9 см; 5) остатки деревянного желоба – 2–7 см; 6) выход коренной скальной породы (материк). На дне желоба зафиксирована тонкая прослойка темного наилка. По краям русла магистрального канала, у скального выхода и выложенного камнем борта – подсыпка из гумусированного песка с примесью мелкого щебня. Фрагменты деревянного желоба были нами взяты в качестве образца для радиоуглеродного датирования.

На правом берегу левого притока Катуни р. Ороктой нами была обследована заброшенная и частично разрушенная ирригационная система. Водоисточником для нее служила р. Ороктой. Водозаборного сооружения обнаружить не удалось. Начало магистрального канала фиксируется в пределах с. Ороктой, далее канал следует 4,5 км по правобережью р. Ороктой с запада на восток, плавно поднимаясь на склон горы. Задачей этого канала являлась транспортировка воды на высокую террасу левого берега Катуни. Распределительная часть оросительной сети не выяв-

лена. Холостая часть магистрального канала сильно повреждена при постройке современной оросительной системы, которая была спроектирована по уже существующему ложу древнего канала. Нами был обследован участок выхода канала на террасу. Здесь магистральный канал поворачивает на юг и меандрирует, следя вдоль подошвы горы. При прокладке современной трубопроводной оросительной системы значительная часть магистрального канала была уничтожена бульдозером. Сохранившиеся участки русла канала сильно задернованы, борта и ложе местами поросли кустарником. Средние размеры русла: ширина от борта к борту – 1,5–2,0 м, глубина – 0,3–0,5 м от уровня верхней кромки бортов.

На сохранившемся участке «меандров» нами был зачищен срез бульдозера, поперечно пересекающий канал. Раскоп был оформлен в виде траншеи, ориентированной по линии СЗ–ЮВ, длина – 2,5 м; ширина – 0,5 м; глубина – до 1,2 м от уровня дневной поверхности. Зачистка попречного разреза русла канала и бортов обнажила многослойную структуру заполнения ложа канала. Приводим описание разреза: 1) дерновый слой – 5 см; 2) серый песок с незначительной примесью гумуса – 15–25 см; 3) неравномерная прослойка рыхлого коричневого гумуса с большой примесью органических остатков (корней): в юго-западной части траншеи – до 12 см, в северо-восточной постепенно сужается до 0,5 см; 4) серый песок с примесью гумуса – 5–15 см, слой залегает неравномерно, в северо-восточной части в него внедряется небольшая прослойка гумусированной почвы; 5) плотный черный гумус, залегает в виде линзы, наибольшая толщина – 15 см; 6) линза светло-серого рыхлого крупнозернистого песка без примесей – 10 см; 7) гумусированный песок с включениями участков чистого песка – 25 см; 8) прослойка светло-серого рыхлого крупнозернистого песка без примесей – 2–3 см; 9) остатки деревянной конструкции (желоба?) – 2–4 см; 10) гумусированный песок – 10–15 см; 11) плотный светло-серый песок (материк). Слои северо-западной части траншеи сильно деформированы бульдозером. Юго-восточная часть сохранилась хорошо, четко фиксируется структура борта канала, ясно виден выкид и светло-серый песчаный материк. Фрагменты деревянной конструкции из ложа канала взяты для радиоуглеродного датирования.

Онгудайский район. В 2006 г. в Онгудайском районе в окрестностях села Теньга нами проводились исследования остатков магистрального оросительного канала. Объект расположен в долине р. Теньга на ее левом берегу, справа от автомобильной дороги Теньга–Озерное, в 3 км к северо-западу от с. Теньга. Магистральный канал берет начало от левого притока р. Теньга – р. Булундык. Следуя по линии север–юг вдоль по-

дошли горного склона, канал транспортировал воду на ровные участки долины. По сообщению местных информаторов, этот канал был построен в начале XX в. по приказу Аргымая Кульджина для орошения полей тенгинской долины.

Русло канала обильно заросло травянистой растительностью, борта четко профилированы. Средние размеры русла: ширина от борта к борту – 2–2,5 м, глубина – 0,3–0,4 м от уровня верхней кромки бортов. Нами был осмотрен участок, где часть канала разрушена широкой бульдозерной траншеей. Срез бульдозера поперечно пересекает канал. На этом участке нами была заложена траншея по линии СВ–ЮЗ, охватывающая русло канала и его борта. Размеры траншееи: длина – 4 м, ширина – 0,7 м, глубина – 0,8 м. Структура заполнения магистрального канала следующая: 1) дерновый слой – 7 см; 2) гумус – 30 см; 3) линза серого песка с небольшой гумусной примесью – 7 см; 4) сильно заиленный темный гумус – 10 см (донные отложения русла); 5) светло-желтый суглиноок с примесью мелкого щебня (материк). Внешний (западный) борт канала дополнительно укреплялся землей или дерном во время постройки. В структуре внешнего борта четко фиксируется выкид. Нами были отобраны образцы погребенной почвы для проведения радиоуглеродного анализа.

Остатки ирригационных сооружений Горного Алтая – слабоизученная категория памятников культурно-исторического наследия. Существует ряд проблем, связанных с датированием и методикой работы на древних гидротехнических объектах. Необходимость археологического изучения данной категории памятников несомненна, так как интенсивная хозяйственная и строительная деятельность, создает угрозу полного исчезновения древних ирригационных сооружений.

Литература

1. Вдовина Т. А. Оросительные системы Чемальского района // Изучение историко-культурного наследия народов Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 174–178.

P. B. Белоусов, Ю. Н. Кулагина

Из археологических собраний Каменского краеведческого музея

Каменский краеведческий музей, основанный в 1919 г., имеет в своих фондах достаточно представительную археологическую коллекцию, происходящую в большинстве своем из археологических памятников Каменского Приобья. Значительная часть материалов обработана и опубликована. Среди публикаций необходимо выделить работу коллектива авторов 1990 г. – «Памятники истории и культуры северо-западно-

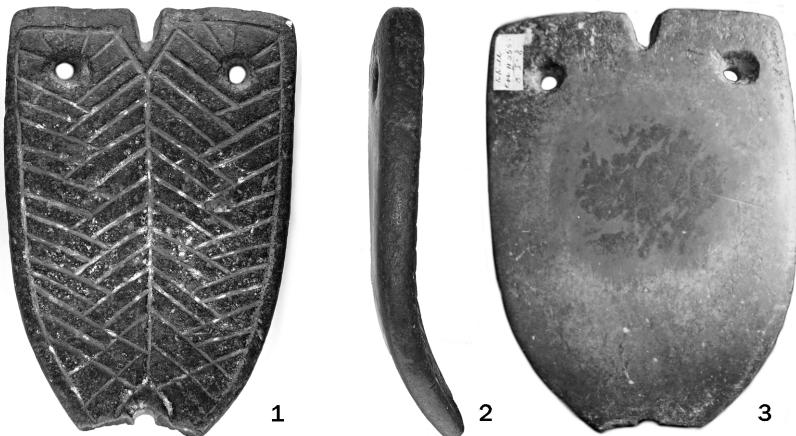

Рис. 1. Каменный предмет из собрания Каменского краеведческого музея: 1 – лицевая сторона; 2 – профиль; 3 – оборотная сторона

го Алтая» – представляющую собой наиболее полную сводку археологических материалов, хранящихся в музее [9]. В то же время ряд интересных предметов, содержащихся в музее, остается неизвестным научной общественности. В 2006 г. при работе в архивном отделе администрации г. Камня-на-Оби нами был обнаружен материал, позволяющий приступить к публикации одного из таких предметов.

Предмет, хранящийся под инвентарным номером КП 2 3555 В 1–8, представляет собой каменное изделие неизвестного назначения. По форме он напоминает окончание лыжи. Ширина предмета – 15 см, длина – 20,5 см, толщина – 2 см, вес – 1 510 г. Лицевая сторона изделия уирована геометрическим орнаментом (рис. 1), низ заполирован (рис. 2). Изделие имеет три сквозных отверстия, причем одно из отверстий, расположенное на окончании предмета, обломано. Отверстия органично вписаны в общую систему орнамента и являются его составной частью. На нижней стороне имеется круглое пятно прокала темного цвета. На широком конце имеются округлые борозды, свидетельствующие, по нашему мнению, о том, что рассматриваемый предмет был составной частью более крупного изделия. Назначение предмета и его датировка затруднены неясностью условий его попадания в музей.

В легенде о его приобретении, зафиксированной в инвентарной книге, имеется следующая запись: «...происходит из археологических раскопок курганов 1936 г., произведенных в 5 км от г. Камня с левой стороны Корниловского тракта». Сложность состоит в том, что данная инвентар-

ная книга не является исходным документом, а составлена в 1970-х гг. Таким образом, для решения вопроса о происхождении изделия необходимо было проанализировать историю функционирования музея в период с 1919 по 1959 гг. и попытаться выяснить, когда и при каких обстоятельствах предмет мог попасть в музей.

Необходимо отметить, что история создания и работы Каменского краеведческого музея изучена мало. Однако в Каменском городском архиве (архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби) содержится обширный фактический материал, позволяющий достаточно подробно осветить функционирование музея и краеведческие изыскания, проводимые им. На основе архивных материалов краеведческие изыскания ККМ в период с 1919 по 1959 гг. можно разделить на четыре периода.

Первый период: 1919–1926 гг. – создание музея, накопление материалов, краеведческие изыскания М. А. Круковского. Организация исследовательских экспедиций в Горный Алтай, в устье Оби и Туркестан [1, л. 21; 2, л. 17–34].

Второй период: 1926–1935 гг. – активные исследовательские мероприятия в Каменском районе и на сопредельных территориях Новосибирской области. Разведочные археологические работы П. И. Юхневича в Каменском, Ордынском и Сузунском районах [3, л. 13–13 об., 40; 4, л. 43, 53].

Третий период: 1935–1936 гг. – археологические раскопки Якубского на левобережье р. Оби. Разведочные изыскания на левобережье Оби в районе с. Гонохово, Верхнетелеутском, Корнилове, правобережье в районе Сузуна, Кирзы, Малышево, Духовой [5, л. 61, 63 об.].

Четвертый период: 1947–1959 гг. – воссоздание музея. Особенностью данного периода является участие музейных работников в исследовании Каменского Приобья, в экспедиционных работах профессиональных археологов (участие сотрудников музея в археологических раскопках А. П. Уманского на Раздумье).

Исходя из этого, можно дать следующие гипотезы приобретения рассматриваемого предмета музеем.

Гипотеза 1. Не местное, не сибирское происхождение предмета. В 1942 г. в г. Камень эвакуировался Воронежский сельскохозяйственный институт (академия) [9]. Он занимал здание, ранее принадлежавшее музею, и находился в нем до 1945 г. Возможно, изделие было привезено кем-то из эвакуированных сотрудников научных учреждений Воронежа. В таком случае предмет может принадлежать к кругу восточноевропейских древностей бронзовой эпохи.

Гипотеза 2. Местное происхождение. Необходимо подчеркнуть, что в случае местного происхождения предмета он мог попасть в фонды му-

зея только до 1947 г., так как более поздние легенды поступления предметов в музей составлены достаточно подробно.

Принимая местную гипотезу происхождения предмета и используя данные архива, можно выделить следующие версии его приобретения.

Версия а. Предмет приобретен в результате экспедиционных исследований Круковского в 1919–1926 гг. Тогда география его обнаружения опять расширяется — это могут быть, наряду с Каменским Приобьем, нижняя и средняя Обь и Горный Алтай.

Версия б. Предмет приобретен в результате экспедиционных исследований П. И. Юхневича в 1926–1935 гг. В этом случае география нахождения предмета очерчивается Каменским Приобьем, т. е. Крутихинским, Каменским, Тюменцевским районами Алтайского края и сопредельными районами Новосибирской области: Сузунским, Ордынским и т. д.

Версия в. Предмет приобретен в результате археологических работ Якубского в 1935–1936 гг. или продолжения начатых им раскопок кем-то из сотрудников музея в 1936–1937 гг.

Версия д. Предмет происходит из случайных находок и передан местными жителями. Судя по имеющейся на сегодняшний день фактической базе, на наш взгляд, наиболее правдоподобна *версия в*, связанная с работами Якубского. Во-первых, именно этот исследователь произвел первые раскопки в Каменском Приобье, что согласуется с легендой в музее о том, что предмет происходит из раскопок курганов. Во-вторых, если бы предмет был приобретен ранее 1935 г., сведения об этом, в силу уникальности предмета, обязательно содержались бы в отчетах Круковского и особенно Юхневича, который проводил инвентаризацию музея и отправлял довольно подробные отчеты в «Общество изучения Сибири производительных сил» и лично Н. К. Ауэрбаху [6, л. 6, 13; 4, л. 28, 92–93; 7, л. 106]. Кроме этого, Юхневич выступал на сессиях этого общества, где характеризовал как свои работы, так и работы предшественника [3, л. 13 об.; 4, л. 53], и если бы рассматриваемый предмет находился в музее, об этом стало бы известно научной общественности в 1920–1930-е гг.

В-третьих, исследованные Якубским объекты, а именно курганные могильники, расположены рядом с Корниловским трактом, к которому дана привязка и в музейной легенде.

Таким образом, предварительно можно предположить, что каменный предмет, напоминающий лыжу, происходит из раскопок курганных могильников 1936 г. в окрестностях г. Камня, проведенных кем-то из сотрудников музея после ухода из него Якубского.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что этот вывод носит лишь предварительный характер, и окончательное решение вопроса о месте проис-

хождения изделия, а также его предназначении зависит от его дальнейшего всестороннего изучения.

Источники и литература

1. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1.Л. 21.
2. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби Ф. 294. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–34.
3. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби Ф. 294. Оп. 1. Д. 13. Л. 13–13об., 40
4. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби. Ф. 294. Оп. 1. Д. 14. Л. 28, 43, 53, 92–93
5. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби. Ф. 294. Оп.1. Д. 15. Л. 61, 63 об.
6. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби Ф. 294. Оп.1. Д. 19. Л. 6, 13.
7. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби Ф. 294. Оп.1. Д. 134. Л. 106.
8. Каменский краеведческий музей. Общий фонд № 9392/4462. Л. 1
9. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 132 с.

А. П. Бородовский, С. В. Горохов

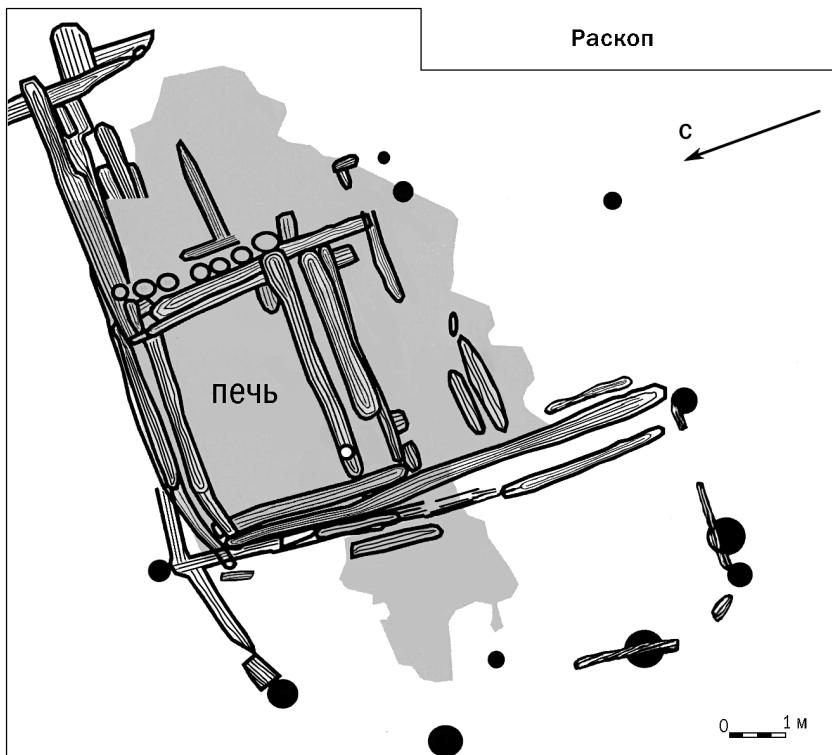
Реконструкция печи приказной избы Умревинского острога¹

В ходе полевых исследований в 2003–2006 гг. одного из первых русских административных сооружений – Умревинского острога – были изучены руины приказной избы [1, с. 258–265; 2, с. 414–416]. До раскопок этот объект был представлен округлой возвышенностью (10–12 м) высотой до 0,7 м, расположенной в центральной части острога. В результате археологических исследований была выявлена общая планиграфия строения, а также установлено, что развал кирпича в центре конструкции является остатками разрушения русской печи. Найдены 21 сибирской монеты (1748–1797 гг.) позволяют определить период существования этого сооружения первой четвертью – концом XVIII в.

Изба представляла собой четырехугольник 10×7 м, длинная ось которого ориентирована по линии запад–восток. Помещение состояло из двух клетей. Восточная клеть была подквадратной в плане (7,4×7,6 м). Здесь в северо-западном углу располагалась русская печь.

Глиняно-кирпичная конструкция печи находилась на опорном срубе (опечек) в 5 венцов (3,4×3 м). Сам сруб стоял на слое глиняной подсыпки, служившей изоляцией от грунта. Вдоль восточной части опорного сруба, примыкая к нему с внешней стороны, находился ряд из 7 деревянных столбов-свай (диаметр около 0,2 м, высота около 0,5 м), углубленных в грунт. По всей видимости, именно на этот участок приходилась наибольшая нагрузка, которую могли создавать лишь два конструктивных элемента русской печи: труба и колено печной трубы (боров). На

¹ Работа выполнена по проекту № НШ-6568.2006.6.

Обозначения

	элементы деревянной конструкции		столб
	столбы-медведки		развал кирпичной конструкции
	сваи конструкции опечка		

Рис. 1. Схема расположения остатков сруба избы приказчика и кирпичной конструкции печи Умревинского острога

расположение в восточной части печи трубы указывает находка железного шабера в развале кирпичной конструкции к востоку от опорного печеного сруба. Возможно, его нахождение там связано с завалом в эту сторону части трубы. Такое расположение трубы и ее заслонки (шабера) свидетельствует о том, что устье печи было обращено на восток, так как оно располагается непосредственно под трубой. О величине дымового канала можно судить по размерам шабера ($0,22 \times 0,15$ м). Наибольшее

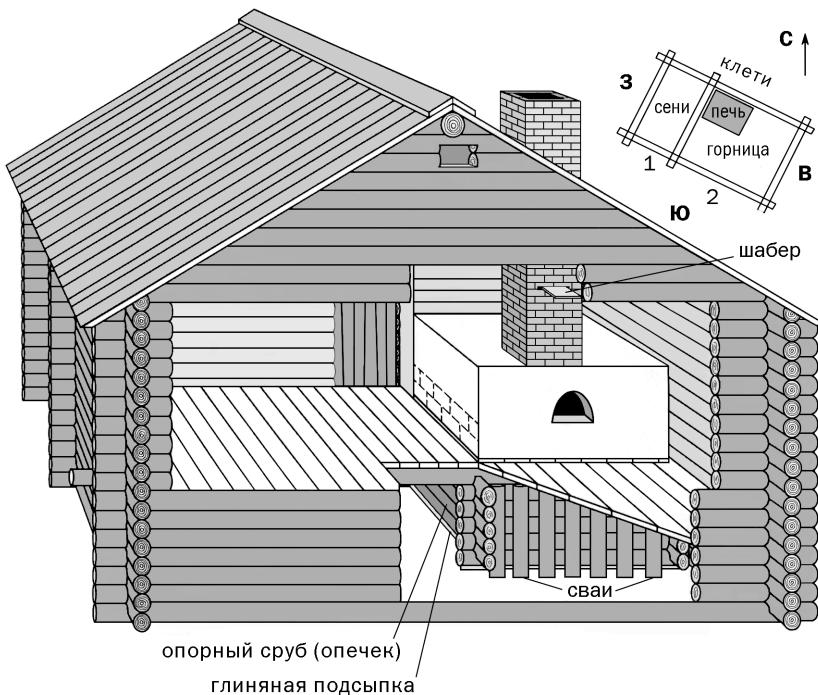

Рис. 2. Реконструкция печи и избы приказчика Умревинского острога

скопление строительного мусора зафиксировано в районе южной части опорного сруба печи. Здесь его мощность достигает 0,65 м. Строительный мусор представлен в основном глиной, которая является остатками сырцовых кирпичей, а также обмазкой печи. Остатки сырцовых кирпичей наиболее хорошо сохранились в основании развала кирпичной конструкции. На уровне глиняного основания печи над опорным срубом прослеживались фрагменты плах, уложенных вдоль длинной оси жилого сооружения.

Скопление обожженных кирпичей у юго-восточного края опорного сруба, скорее всего, является частью разрушившейся печной трубы. Эти кирпичи имеют следы побелки. Коллекция кирпичей, полученная в ходе раскопок, позволила восстановить технологию их производства [3, с. 299–300]. При подготовке теста, возможно, использовалась органическая добавка – яичный желток, так как зафиксированы фрагменты скорлупы в теле кирпича. Глиняная масса укладывалась в форму, изготовленную, по всей видимости, из дерева. Форма наполнялась минимум в два

приема. Об этом свидетельствует характер разрушения кирпичей – разлом проходит по месту стыковки отдельностей глиняной массы. Перед обжигом некоторые кирпичи подвергались маркировке подушечками пальцев или начертанием цифр («20»). Размеры обожженного кирпича составляли 0,25 0,12 0,06 м. Судя по следам на поверхности кирпичей, в процессе сушки по ним перемещались мелкие животные. Так, например, на одном из кирпичей зафиксирован отпечаток лапы котенка. Это может свидетельствовать о том, что производство кирпича носило кустарный характер и располагалось вблизи жилых построек.

Остатки печи сосредоточены в основном в восточном помещении избы и занимают более половины его площади (рис. 1). Это обусловлено двумя факторами: во-первых, для завала в восточную и южную стороны не было препятствий в виде стен, которые вплотную к печи находились с западной и северной стороны; во-вторых, несмотря на укрепление опорного сруба с восточной стороны столбами-сваями, нагрузка на этот участок была столь велика, что концы столбов-свай были деформированы к северу. Это означает крен конструкции печи в северном и восточном направлении, а затем и ее завал в эту сторону в процессе разрушения.

В западном помещении избы находится сравнительно незначительный объем кирпичей и глины. По всей видимости, остатки конструкции печи попали сюда через дверной проем.

На основе этих данных возможна реконструкция печи Умревинского острога (рис. 2). Отопительная конструкция с высокой кирпичной трубой находилась у северной стены избы. Устье печи было ориентировано на восток, противоположно входу в помещение. С восточной стороны в печной трубе располагался железный шабер. Корпус печи был сооружен из глинобитных кирпичей и глины. Он располагался на опорном срубе (опечке) бровень с подклетом жилой конструкции. Под участком расположения массивной печной трубы в срубе избы было проложено поперечное бревно. Под печью это бревно подпирало 7 свай. Общая планировка печи в приказной избе Умревинского острога близка к планировке жилых сооружений северо-русского типа.

Учитывая время возникновения и существования (с начала и до конца XVIII в.) Умревинского острога, русскую печь в избе приказчика можно рассматривать как одно из первых отопительных сооружений такого типа на территории севера Верхнего Приобья.

Литература

1. Бородовский А. П. Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. С. 258–265.

2. Бородовский А. П. Исследования приказной избы Умревинского острога //Археологические открытия 2004 г. М., 2005. С. 414–416.
3. Бреховских А. Н. Кирпичи Умревинского острога // Истоки, формирование и развитие евразийской культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: Материалы I (XLV) Рос. с международ. участием археол. и этногр. конф. студ. и молодых ученых (РАЭСК-XLV): Иркутск, 12–16 апр. 2005 г. Иркутск, 2005. С. 299–300.

Л. П. Замятин

Учебная экспериментальная археологическая экспедиция¹

Прохождение студентами летней педагогической практики является частью учебного процесса [3, с. 5]. Помимо вожатской деятельности в детских оздоровительных лагерях, существует устойчивая традиция проведения практики на базе многочисленных археологических коллективов города Новосибирска (Бородовская Е. Л, 2002). Часть студентов, выпускников второго курса ИИГСО НГПУ, проходила практику в объединении «ИКАР» (руководители Е. Л. Бородовская, А. П. Бородовский) Дома детского творчества имени В. Дубинина. Для того чтобы иметь такую возможность, студентам нужно было вначале набрать детей из школ для обучения основам археологии, затем проводить с ними занятия в рамках процесса обучения. В учебной экспедиции студенты были у школьников инструкторами-вожатыми.

Лагерь учебной экспериментальной экспедиции 2006 г. был расположен на расстоянии 100 км от Новосибирска, в районе деревни Быстровка Искитимского района Новосибирской области. Здесь находится известный некрополь скифского времени, открытый в 1953 г. М. П. Грязновым [5, с. 22–24] и исследованный археологами Т. Н. Троицкой, Т. В. Мжельской, И. А. Дураковым и А. П. Бородовским [7, с. 59–60]. С 1970-х гг. это место стало традиционным для проведения археологических практик студентов НГПУ.

Учебная экспедиция проходила в течение 8 дней – 15–22 июня. Она имела самостоятельное значение и одновременно являлась одним из этапов подготовки к следующей экспедиции в Горный Алтай. На таких археолого-педагогических «сборах» формируется организационная группа из студентов и школьников для дальнейшей работы, проверяются умения и навыки работы в поле и решается, кто способен продолжать работу на другом археологическом объекте.

Учебная экспедиция в Быстровке имела несколько задач:

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, старший научный сотрудник. доц. А. Л. Бородовский.

1. Доисследование курганов скифского времени
2. Эксперименты. Постановка традиционного переносного жилища сибирских аборигенов, западно-сибирское литье, изготовление фигурок духов-оберегов, прядение на горизонтальном станке, метание копья, изготовление керамических фишек, пряслиц, покраска тканей.
3. Аварийная зачистка берега Обского водохранилища. Закладка контрольной подчистки на поселении начала XX в. Сергеевка-1.
4. Уточнение топографии Быстровского некрополя.
5. Мониторинг поселения Быстровка-4.

В первый день состоялся заезд небольшой группы, которая занималась разбивкой лагеря. Уже вечером провели первый эксперимент: постановку жилища сибирских аборигенов – чадыра. Это долгосрочный эксперимент, позволяющий воспроизвести опыт сибирского домостроительства. Во второй день в лагерь приехали все остальные участники: дети и остальная часть вожатых. После приезда ребятам давалось некоторое время на постановку палаток, осмотр территории, и ближе к вечеру начались эксперименты. Первым из них стало изготовление керамических фишек. Позже из фишечки делается керамическое пряслице. Вечером проводились игры на знакомство, взаимодействие, снятие психологических барьеров.

С третьего дня начались дежурства по кухне школьников вместе со студентами. Дежурили вчетвером: двое инструкторов и двое воспитанников ИКАРа. Начались работы на раскопах предшествующих лет памятников Быстровка-1, 3. Проводилась зачистка поисковых траншей на кургане № 3 и доисследование рва на кургане № 218. После обеда учащиеся осваивали покраску тканей растительными красителями.

На 4-й день изготавливали деревянные фигурки духов-оберегов, традиционные для культовой скульптуры Южной Сибири. Вечером была проведена социометрия – обязательное задание для вожатых всех лагерей, фиксирующее психологическую атмосферу в коллективе, выявляющее «лидеров» и «аутсайдеров». Это, кроме того, было неотъемлемой частью прохождения педагогической практики.

На 5-й день началась аварийная зачистка берега Обского водохранилища. Школьники разбивали траншею в межжилищном пространстве поселения начала XX в. Сергеевка-1, которая должна стать новым репером для фиксации разрушения береговой кромки Обского водохранилища в его средней части. Предыдущая траншея, заложенная в 2004 г., показала обрушение террасы на 40 см за два года. Девочки занимались литьем из свинца в деревянные и корыевые формы по технологии угорских народов Западной Сибири [4, с. 22–25]. Затем были проведены рас-

копки экспериментальной коптильни рыбы. Этот долгосрочный эксперимент начался в 1996 г. Коптильня смоделирована по результатам раскопок В. И. Молодина на поселении эпохи поздней бронзы Усть-Алеус-1 [6]. Это еще один пример долгосрочных экспериментов. В 2004 г. были исследованы очаги летнего археологического лагеря 1996–1998 гг. [9, с. 56–58].

На 6-й день экспедиции состоялся выезд на поселение ирменской культуры Быстровка-4, памятник эпохи поздней бронзы, открытый в начале 1970-х гг. Э. А. Севастьяновой [8, с. 39]. Силами воспитанников ИКА-Ра был проведен археологический мониторинг этого объекта. Студенты обследовали затопленную пристань, находящуюся недалеко от берега. После обеда продолжились работы на Сергеевке-1. С девочками был проведен эксперимент по примитивному ткачеству на горизонтальном станке.

На 7-й день все работы были завершены. Было организовано посвящение школьников. В качестве «сертификатов археолога» были выданы неорнаментированные фрагменты керамики с памятника Петушкиха-1, не предназначенные для хранения в археологических коллекциях (которые школьники сами шифровали в начале своего обучения). Вечером юные исследователи древностей посвятили своих вожатых в педагоги. После этого все собрались и обсудили прошедшую экспедицию.

Восьмой день был заключительным. До отъезда студенты провели вторую социометрию для сопоставления с первой и анализа проведенной педагогической работы. В полдень лагерь покинули дети и часть студентов. После отъезда основной части экспедиции оставшаяся группа приступила к сворачиванию лагеря, приведению в порядок места его расположения и сборам для выезда в район Нижней Катуни.

В течение всего времени студенты не забывали о своих вожатских функциях и организовывали для воспитанников разные игры. Они продемонстрировали большую часть педагогических и психологических умений, которые им прививали во время обучения. Опираясь на результаты социометрии, инструкторы избирали определенную стратегию общения с различными группами и выделявшимися в них лидерами. Самые разнообразные испытания для творческих людей были пройдены с большим удовольствием. Вечерами устраивались «огоньки», на которых под гитарную музыку, со вставками-соло на алтайском народном инструменте варгане, обсуждались результаты прошедшего дня.

Несмотря на короткий срок экспедиции, она смогла достичь существенных результатов. Была создана основа экспериментальной коллекции по приятию и ткачеству, дополнена коллекция реплик по культово-

му литью Западной Сибири – теперь она насчитывает более 110 предметов. Раскопки коптильни рыбы позволили получить данные об особенностях археологизации этого типа хозяйственных сооружений. Был заложен новый репер для фиксации разрушения берега Обского водохранилища, уточнена топография Быстровского некрополя. В ходе мониторинга было зафиксировано исчезновение одного из базовых памятников эпохи поздней бронзы ирменского типа Быстровка-4 [2, с. 427–428]. Помимо этого, был сформирован коллектив, продолживший свою работу на некрополе скифского времени Нижней Катуни.

Результаты июньской экспедиции доложены на ежегодной конференции воспитанников археологических кружков, проводимой объединением «ИКАР» на протяжении последних 16 лет.

Литература

1. Археологические коллективы системы дополнительного образования г. Новосибирска на рубеже тысячелетий (история, теория, практика): Сб. материалов / Под ред. Е. Л. Бородовской. Новосибирск: ДДиЮТ им. В. Дубинина, 2002. 120 с.
2. Бородовский А. П. Казацкая Ю. В. Процесс разрушения археологических памятников побережья Новосибирского Водохранилища (на примере ирменского поселения Быстровка-4) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: Тез. докл. Иркутск, 2005.
3. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета НППУ. Вып. 5 // Сост. Бородовский А. П. Новосибирск, 2005.
4. Бюллетень студенческой полевой археологической практики. Вып. 6 // Сост. А. П. Бородовский. Новосибирск, 2006.
5. Грязнов М. П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Иркутск, 1960.
6. Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.
7. Охрана археологического наследия Новосибирской области: Метод. указания. Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культур. наследия, 2004. 194 с.
8. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980.
9. Хорошев Р. Изучение очагов летнего археологического лагеря 1996–1998 гг. В Быстровке // Материалы юношеских полевых семинаров (2001–2004 гг.): Сб. тез. и докл. Вып. 3. Новосибирск: ДДиЮТ им. В. Дубинина, 2005.

В. Б. Бородаев

Воскресенский Чупоршневский рудник — один из первых источников алтайского серебра¹

16 февраля 1726 г. в ответ на просьбу уральского заводчика Акинфия Никитича Демидова, представившего образцы алтайских руд, государственная Берг-коллегия выдала берг-привилегию — разрешение «ему, Демидову, те медные руды добывать и копать, как надлежит по горному обыкновению, и удобной к тому медной завод и всякое заводское строение строить, где он пристойное место сыщет по своему разсмотрению» [1, л. 10–10 об. (копия конца XVIII в.)]. Через пять дней, 21 февраля 1726 г., пробирный мастер Иван Шлаттер из свинца, который содержался в одном из демидовских рудных образцов, выделил серебро [1, л. 3 об.].

Итак, к началу освоения А. Н. Демидовым рудных богатств Западной Сибири и Берг-коллегия, и уральский заводчик знали о наличии серебра в алтайских недрах. Это ставило перед Демидовым ясную задачу: одновременно с организацией медеплавильного производства искать месторождения серебряных руд.

Усилия уральского предпринимателя получили поддержку столичных властей. В документах второй половины 1720–1730-х гг. сохранились отрывочные сведения о демидовских поисках серебряной руды на Алтае и о помощи ему в этом со стороны государства [4, с. 80–93]. Возможность обнаружения серебра в колыванских рудах в 1730-е гг. не была секретом. Проблемы заключались в том, что, во-первых, никто из демидовских рудознатцев никогда не имел дела с драгоценной рудой. Из-за отсутствия опыта за серебряные часто принимались другие руды, внешне отличавшиеся от медных. Вторая сложность состояла в том, что на Алтае серебро являлось одним из попутных компонентов полиметаллических руд, сложных по составу. Для извлечения драгоценного металла из такого сырья требовались специальные печи и особые методы плавки. Разгадать этот секрет алтайских руд удалось далеко не сразу. В конечном итоге нужны были не новые месторождения, а новые технологии, которых до начала 1740-х гг. не было. Их принесли на Колывано-Воскресенские заводы опытные саксонские мастера, нанятые А. Н. Демидовым в 1743 г.

В результате из обычной алтайской черной (неочищенной) меди по специальной технологии было выделено серебро, начата его промышленная плавка. В конце 1743 или в начале 1744 г. Акинфий Демидов по меньшей мере дважды, в Москве и Петербурге, подносил императрице

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-60103а/Т.

Елизавете Петровне «натурою» свое первое колыванское серебро [4, с. 110–111, 328–331].

В Российском государственном историческом архиве сохранилось подлинное письмо уральского заводчика неназванному дворцовому вельможе, в котором историки традиционно видят управляющего императорским Кабинетом барона Ивана Антоновича Черкасова [3, с. 330; 5, с. 88]. Документ датирован февралем 1744 г. В конце его имеется фраза: «При оном же Вашему высокопревосходительству для любопытства объявляю те руды, из которых выплавлено поднесенное ея императорскому величеству мною, нижайшим, серебро». На обороте листа помещена пояснительная приписка: «Оные руды найдены Сибирской губернии в Кузнецком уезде близ самой границы зенгорского владельца Галдан Чирина, где построен мой медноплавильной Колывановоскресенский завод, между медными нижеобъявленными рудниками, а именно: при Воскресенском Чупоршневском, при Пихтовском Гольцовском, при новосыкканном Чакирском» [2, л. 5–5 об. (подлинник)].

Таким образом, первое алтайское серебро Акинфия Демидова было извлечено из полиметаллических руд трех «свинечных» месторождений. Открывает этот список Воскресенский Чупоршневский рудник – вероятно, основной источник драгоценного металла в начальный период серебряных плавок. В 1744 г., когда стало разрабатываться Змеевское месторождение, объемы горных работ на Воскресенском Чупоршневском руднике снижаются.

Располагался Чупоршневский «свинечный» рудник на Воскресенской сопке, в 8 верстах от Колывано-Воскресенского завода [4, с. 343]. Месторождение медных руд было обнаружено там в 1727–1728 гг., вероятно, еще до закладки Никифором Клеопиным Воскресенского вододействующего завода на р. Белой. На карте 1735 г. среди медных рудников, обозначенных на «Воскресенских горах», уже упомянут и свинцовый [4, с. 317–318]. Название его в пояснение карты не попало, но вряд ли мы ошибемся, считая этот рудник Чупоршневским, поскольку других свинцовых месторождений на Воскресенской сопке в то время открыто не было.

По архивным и литературным источникам известно, что рудник с некоторым перерывом действовал до 1762 г., затем был заброшен; вновь разрабатывался в 1826–1830 гг., позднее разведывался, но неудачно. Содержание металла в рудах составляло: серебра – от 0,032% до 0,312%; свинца – от 0,625% до 15%; меди – 10%. Работы велись в окисленной зоне, наиболее богатые руды добывались в начале разработки. За 1747–1762 гг. было выплавлено 148,6 кг серебра, 19 258 кг свинца и

Рис. 1. Современный вид горных выработок XVIII в. на Воскресенской сопке.
Березы растут на отвалах около шахт.

28 545 кг меди; в 1826–1830 гг. – 11,7 кг серебра, 743 кг свинца, 543 кг меди [6, с. 53–54].

В сентябре 2006 г. Алтайским краевым Российско-Немецким Домом была организована историко-краеведческая экспедиция подростково-молодежного клуба «ИМКА-Винета» (руководитель Марина Аркадьевна Баканова) по маршруту путешествия Петра Симона Палласа. Во время этой поездки нами были рекогносцировочно обследованы остатки комплекса русских рудников XVIII в. на Воскресенской сопке, которые посетил и описал в 1771 г. академик Паллас. Участников экспедиции познакомил с этими объектами житель с. Казанцево, учитель истории Сергей Николаевич Егиоя.

Воскресенская сопка расположена к северу от шоссе Курья–Колывань и отделена от него Воскресенским ручьем, который впадает слева в речку Белую, правый приток р. Локтевки. Расстояние от с. Казанцево – около 4 км, от пос. Колывнь – 8,5 км.

На западном и восточном склонах сопки прослеживаются хорошо сохранившиеся остатки шахт – заросшие отвалы и колодцы стволов. Руд-

ные жилы проходили по прочной породе (роговику), поэтому шахтные стволы не осыпались, они достигают в глубину десяти и более метров (при первоначальной глубине до 50 м), ниже закупорены осыпавшимися отвалами; в одном случае на дне колодца зафиксирован перелетавший снежник. На стенках выработок видны пятна окисленной медной руды, мелкие образцы малахита и азурита легко найти на отвалах.

В хозяйственном отношении Воскресенская сопка сейчас практически не используется. Нетронутая природа и насыщенность историческими памятниками XVIII в., которые за прошедшие столетия интегрировались в естественную среду, позволяют рассматривать комплекс Воскресенских рудников как редкий природный памятник исторического ландшафта и ставить вопрос о присвоении ему такого юридического статуса. В то же время хорошая сохранность и богатая история Воскресенских рудников требуют внесения их в государственный реестр памятников культурного наследия. Близость к автотрассе, ведущей в Кольвань, может сделать этот комплекс интересным туристско-экскурсионным объектом.

Рекогносцировочное обследование Воскресенской сопки показало, что следы поиска и добычи руд в XVIII–XIX вв. хорошо прослеживаются на местности, но дифференцировать их, точно определить названия рудников и шахт, достоверно выделить остатки именно демидовского Воскресенского Чупоршневского рудника – задача будущего. Для ее решения необходимо привлечение архивных материалов середины XVIII в., прежде всего картографических источников.

Источники и литература

1. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 131.
2. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 1.
3. 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904. СПб., 1911.
4. Бородаев В. Б. Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска / В. Б. Бородаев, А. В. Концев // Серебряный венец России: очерки истории Змеиногорска. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2003.
5. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников, и из других сведений Г. С[пасским]. СПб., 1833. Док. IV. «Письмо действительного статского советника А. Н. Демидова к кабинет-министру тайному советнику барону И. А. Черкасову».
6. Митропольский Б. А. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира / Б. А. Митропольский, М. К. Паренаго. Новосибирск, 1931. С. 53–54.

2

ЭТНОГРАФИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

А. Арчибасова

Крестьянское жилище: строительство и внутреннее убранство» (по материалам Краснощековского района)

В зависимости от материального положения семьи крестьяне строили дома различных типов. Однокамерные дома, или «избенки», как их называют жители с. Краснощеково, были у самых бедных семей. Основной тип жилища – «пятистенник». Это дом, состоящий из двух помещений – горница и избы, с пристроенными сенями. Зажиточные крестьяне строили трехкамерные дома «связи» (горница, сени, изба) и четырехкамерные «крестовики» (горница, изба, сени, кладовая). В с. Усть-Пустынка нами записаны воспоминания о двухэтажных домах. Нижний этаж такого дома углубляли в землю. Двухэтажные дома были жилищем наиболее состоятельных жителей, занимавшихся, кроме хозяйства, еще и торговлей или ремеслом.

Очень важно было правильно подобрать древесину для строительства. Основным строительным материалом считалась лиственница («листяк») – влагоустойчивая, крепкая и упругая древесина, не поддающаяся гниению. Иногда из лиственницы делали весь дом, а иногда только нижние венцы сруба. Верхние венцы зачастую состояли из пихты или «елки», являющихся лучшим кровельным материалом. Заготовка проводилась зимой, так как в это время года не ведутся сельскохозяйственные работы и, кроме того, останавливается движение древесных соков. Дерево должно было быть гладким, ровным и обязательно сухим. Очищенные от коры и сучьев бревна складывали в лесу или в селе. Срок заготовки часто затягивался на 2–3 года, потому что древесина должна была быть хорошо просушена.

Строительство дома было ответственным делом для каждой семьи. Особое внимание уделяли выбору места. Ставили сруб на сухом месте или поближе к речке, к лесу. Существовало множество примет. В холодное время, например, ставили на ночь ведро с водой: если не замерзнет – место теплое; стелили шкуру: если она не отсырела – дом будет всегда сухим. Но бывало, что выбирали место без особых примет, строили «где придется».

При строительстве дома крестьяне иногда обходились собственными силами. Но часто созывались «помочи» или нанимались плотники – местные и из соседних селений. Хозяева кормили и поили работников три раза в день, тогда они трудились на славу. Перед строительством выбранное место расчищали и делали фундамент из камней, песка и глины. Потом его выравнивали и клади лес. В с. Чинета дом ставили на чурки или прямо на землю, а иногда копали яму по периметру. Когда стави-

ли сруб, между бревен прокладывали сухой мох для утепления дома. Некоторые дома строили на «подклети». Летом там удерживалась прохлада и «было удобно хранить продукты». Рубили «в лапу» — без использования гвоздей, и «в обло» — это рубка с остатком, с выступающими торцами бревен. Зажиточные крестьяне крыли свои дома тесом или железом, а те, кто победней, крыли соломой. Окна и двери делали небольшими, так как из них «уходило тепло из дома». Окна старались украсить наличниками. В остальном украшать дом снаружи «было не принято».

Внутренняя отделка не отличалась особым разнообразием. Бревна слегка подтесывались. Стены обязательно обмазывали глиной и белили. Пол, потолок и полати в бедных семьях не красили, зажиточные же крестьяне красили, а иногда даже украшали росписью. Специально для этого нанимали красильщиков. Наносили узор в виде цветов, птиц, зверей.

Важнейшим элементом жилища крестьян всегда была печь. Для ее постройки нанимали печника. Ставили ее на деревянном «опечке» в углу. Опечек представлял собой деревянную платформу на столбах, его боковую и переднюю стенки обшивали досками, концы которых врубались в стену. Бывали глинобитные («битые») и кирпичные печи. Возводили их с дымоходом («белые печи»). Располагалась печь в горнице по левую сторону от входа, устрем к свету. Между печкой и стеной находился «куть» — пространство, традиционно принадлежавшее женщине. В с. Карпово между печью и стеной были «позастенки», которые засыпались землей. Неотъемлемым элементом русской печи являлся «голбчик» — дощатая пристройка, конструктивно связанная с нижней частью печи — опечком. Голбец использовали для сна, по нему забирались на печь и полати. Внутри голбца устраивался спуск в подпол. Под печкой находилось пространство, предназначенное для хранения ухватов. Бедные крестьяне топили печь кизяком или соломой, зажиточные — дровами.

Одним из обязательных элементов интерьера были деревянные полати. Они устраивались между печью и торцевой стеной, над входом. Полати сооружали прямо под потолком. Спали на них дети от мала до велика, забираясь туда, как уже указывалось, через голбчик. Старики же спали на печи, потому что залезать на полати им было уже «несподручно».

Крестьянская мебель составляла конструктивную часть дома и была «неподвижной». Вдоль стен, не занятых печью, тянулись широкие лавки, тесанные из крупных деревьев. Они были предназначены не только для сидения, но и для сна. Над лавками устраивали полки — «полавочки», на которых хранили предметы домашнего обихода. Позднее стала появляться «подвижная» мебель: столы, кровати и шкафы, в которых держали посуду. Кроме того, в каждом доме обязательно были сундуки для

хранения одежды и других нужных вещей. Они были двух видов: деревянные и кованые. Кровать обычно была одна, на ней спали родители.

Наиболее почетным местом в крестьянском доме являлся «красный угол». В нем размещались иконы, молитвенные книжки, поминальные книжки — «поминальники», лампадки. Иконы отождествлялись с алтарем православного храма. Украшался красный угол вышитыми полотенцами. Войдя в избу, человек прежде всего крестился на иконы в красном углу, а затем уже здоровался с хозяевами. Под «божничкой» располагался большой обеденный стол. Стол называли «ладоною божьей». Прием пищи начинался с молитвы и с благодарения Богу, потому что любая пища — дар Божий. Красный угол — самое святое и почитаемое место в крестьянском доме.

Таким образом, благодаря собранному в ходе данной экспедиции материалу можно представить реальную картину обустройства крестьянского дома начала XX в. в селах Краснощековского района Алтайского края.

Информаторы

1. Балакина Н. Т., 1928 г. р., с. Чинета
2. Лямкин С. И., 1917 г. р., с. Усть-Чагырка
3. Мягких В. Ф., 1927 г. р., с. Чинета
4. Есипова А. Я., 1925 г. р., с. Краснощеково
5. Рубцова А. П., 1925 г. р., с. Усть-Чагырка
6. Романов П. П., 1925 г. р., с. Краснощеково
7. Харлов Г. Е., 1928 г. р., с. Усть-Козлуха
8. Кретинина Г. П., 1923 г. р., с. Краснощеково
9. Шестопалова М. П., 1928 г. р., с. Усть-Козлуха
10. Болдарева Т. А., 1940 г. р., с. Карпово
11. Широков В. И., 1924 г. р., с. Усть-Пустынка
12. Креницина Е. И., 1930 г. р., с. Чинета
13. Ерыполова В. Г., 1927 г. р., с. Усть-Чагырка
14. Иунихина Г. Г., 1926 г. р., с. Краснощеково
15. Семирюкова А. Д., 1925 г. р., с. Карпово

Источники и литература

1. Полевой дневник.
2. Полевые материалы АлтГАКИ.
3. Щеглова Т. К. Избыная литургия. Традиционная жилищно-строительная культура крестьян-сторожилов предгорного Алтая (по материалам экспедиции) // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997.
4. Соловьева С. А. Традиции оформления крестьянского дома в Верхнем Причумышье (по материалам экспедиции 2003–2004 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. науч.-практ. конф. / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Вып. 6. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.

5. Щеглова Т. К. Очерки по сельской архитектурно-застроечной среде, жилищно-бытовой и сакрально-художественной культуре Среднего Причумышья // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004.

Д. О. Афонькин

**Лесосплав и лесозаготовки в Тогульском районе в 30–50-е гг. XX в.
(по полевым материалам 2006 г.)**

Лесное хозяйство начиная с 1930-х гг. вступило в стадию стремительного развития. Это было связано с необходимостью увеличения лесозаготовок: лес шел как на внутренние нужды, так и на экспорт, обеспечивая стране валютные поступления [7, с. 196]. Алтайский край относится к территориям, обеспеченным лесом, где лесохозяйственный сектор существенно влияет на характер и динамику социально-экономического развития. Этим обусловлена актуальность исследований в данной сфере. Лесозаготовки и лесосплав – один из важнейших и значимых типов хозяйственной деятельности советского времени. Сегодня лесосплав практически ушел в прошлое, хотя еще сохранился в памяти людей.

В 2006 г. на территории Тогульского района проходила историко-этнографическая экспедиция под руководством д-ра ист. наук, проф. Т. К. Щегловой. Одним из направлений работы являлось исследование истории лесного хозяйства, а именно процесса лесосплава и лесозаготовок на территории района.

Тогульский район расположен в северо-восточной части края на границе с Кемеровской областью. Рельеф района холмистый, обусловленный отрогом Салаирского кряжа. Лесной массив представлен пихтой, березой, осиной, елью, лиственницей и другими породами [8, с. 362].

В досоветский период лес для крестьянских хозяйств заготавливали сами крестьяне. С образованием советского государства появились специальные предприятия – лесхозы и леспромхозы, которые занимались в том числе и заготовкой леса как для организаций и хозяйств местного значения, так и для общегосударственных нужд. Таежные леса Салаирского кряжа наряду с лесами Приобского массива и горными лесами Алтая были отнесены к лесопромышленной зоне [9, с. 38]. Эксплуатацией лесов на территории Тогульского района занимался Тогульский лесхоз, а с 1968 г. – леспромхоз, имевший отделения в ряде населенных пунктов: Ивановке, Тогуле, Старом Тогуле, Антипино, жители которых работали на лесозаготовках.

Разнарядки в леспромхоз приходили из крайисполкома. По ним ежегодно среднее лесное хозяйство должно было заготавливать по

40–45 тыс. кубометров леса: «Ну вот, леспромхоз небольшой был, ну, в пределах где-то 40–45 тысяч кубометров плавили по рекам» [3].

По словам респондентов, в заготовке леса наравне с мужчинами участвовали и женщины, применялся также детский труд: «...А кого посыпать, когда все на фронте, да нашего брата. Вот было мне 15–16 лет, вот меня туда, и других таких же» [5]. Женщины на лесозаготовках пилили лес, обрубали и сжигали сучья, работали поварами, банщицами.

Начальник леспромхоза выделял людей для выполнения определенного объема работ. Поскольку в военные и послевоенные годы рабочих рук не хватало, а заказы по лесозаготовке увеличивались, в леспромхозе работали представители других организаций и социальных слоев, в частности колхозники, которые участвовали в заготовках зимой как временные рабочие. Они объединялись в бригады по 5–6 человек. Одна бригада работала месяц–полтора, затем ее сменяла другая. Бригадира выбирали члены бригады. Он подчинялся мастеру, которого назначало лесное хозяйство.

По словам респондентов, колхоз был обязан выполнить определенный план по заготовке леса. Работы для колхозников начинались с ноября. Деревья валили вручную, поперечной пилой, затем доставляли их к берегам крупных рек: Уксунай, Тогула, Чумыша. Перед тем как «сваживать» бревна к берегу, их «креживали» (распиливали) на части по 4,0–4,5 м длиной, в зависимости от заказа. Возили лес в основном на лошадях монгольской породы, так как в войну всех хороших лошадей забрали на фронт. Для перевозки леса использовались сани и полусанки несложной конструкции. Полусанки использовались в случае большой длины бревна. Тогда на сани клали «комель», а на полусанки – вершину дерева [6]. Чтобы избежать гибели лошадей, зимой по сопкам лес не везли на санях, а тащили волоком. На берегу лес «таборили» – складывали в кучу в несколько рядов. Между рядами клали так называемые «лёжки», чтобы бревна не примерзали друг к другу. Благодаря лежкам лес легче было сваливать весной в реку: «На эти лежки накатаешь бревен и снова лежку кладешь. И так рядов пять. Это чтобы не пристыпало, и скатывать-то потом легче» [4].

В конце каждого рабочего дня мастер подсчитывал кубатуру и вычислял выработку плана. В его обязанности входило также следить за соблюдением правил ГОСТа (государственного стандарта) [2].

Для организации работ на лесозаготовках леспромхоз обязан был построить на участке бараки, баню, конюшню и обеспечить медицинское обслуживание. Барак представлял собой большое деревянное здание под двускатной крышей, в длину он мог достигать 30 м. Вдоль стен были

набиты двухъярусные нары. По всему периметру барака стояли печи-голандки. Баня была общей для женщин и мужчин: «В банях мылись человек по 10. Ну, сегодня для женщин истопят, а завтра для мужчин» [1].

Конюшня представляла собой обычный сарай: «Кони стояли в сарае из пихтового лапника... там столбы стоят, сверху наложат матки. Ветреные стороны перекрывают сучьями ельника и пихты... ну, чтобы было чем загородиться от бурана» [5]. За каждым возчиком была закреплена лошадь. Утром конюх выдавал ее возчику, а вечером принимал.

Дежурной медсестры на участке не было. В случае болезни рабочий шел в леспромхоз и там получал освобождение от работы. Этот день называли «штрафным днем». Его можно было получить также в случае сильного ветра или 40-градусного мороза.

Продуктами и тяговой силой рабочих полностью обеспечивал колхоз. Приезжая на заготовки, они везли с собой продукты питания: муку, горох, гречиху, мясо, сахар, табак: «Хлеб нам привозила повариха, продукты, мясо — барана, бывает, заколет. Ну, в общем, кормили нас. Но я не желал бы, то есть, как там работать» [6]. Спецодежда рабочим на лесозаготовках не выделялась, каждый приезжал в чем мог. Заработную плату колхозники не получали, им выставляли трудодни. Отработки для них были принудительными, поэтому нередко случались побеги с рабочих мест.

Другой организацией, которая также поставляла рабочую силу на лесозаготовки, было лесное коммунальное хозяйство, которое заготавливали лес для строительства общественных зданий и частных домов в населенных пунктах Тогульского района. По словам Б. С. Иванова, на лесозаготовках коммунальные рабочие выполняли отдельный от леспромхоза план: «А мы, как от организации коммунальными работами, ездили заготавливали сколько нам нужно лесу. Сдавали его в леспромхоз, возили на берег, тaborили всё. А здесь потом уже вылавливали» [3]. По словам респондентов, коммунальщики работали бригадами. Леспромхоз выделял им делянку для заготовки леса, который вырубался весь, за исключением гнилого и молодняка. Для сплава леса коммунальное хозяйство пользовалось услугами «сплавской конторы», которая доставляла бревна до гавани. В отличие от колхозников, коммунальные рабочие получали за свой труд заработную плату, которая зависела от выработки плана. Из спецодежды им выдавали лишь железную каску.

Третьей и основной группой заготовителей являлись рабочие леспромхоза. В отличие от колхозников и рабочих коммунальных хозяйств, они являлись кадровыми рабочими и заготавливали лес круглый год. По словам Петра Николаевича Савинцева, большое внимание

при проведении работ уделялось правилам ГОСТа. Например, зимой, перед тем как спилить лесину, ее ограбали от снега, чтобы оставить пенек в соответствии со стандартом: «Согласно ГОСТу – это значит если толще, то пенек повыше, а если тоньше – ниже» [4]. В период летних заготовок бревна приходилось шкурить, чтобы предохранить их от повреждения короедом. А на берегу, когда лес складывали в табора, самые нижние лежки (поперечины, как их еще называли) делали немного выше земли: это не давало бревну загнить.

Если зимой бревна возили на санях и полусанках, то летом применялись так называемые «волокушки»: «...Ну, как объяснить, ну, две оглобли, и поперек» [3]. Рабочий день начинался с 8 часов утра и продолжался до темноты.

У работников леспромхоза бригадира не было, а мастеров они назначали самостоятельно из членов бригады. Рабочие леспромхоза обеспечивались спецодеждой: летом это были верхонки и железная каска, зимой – валенки, фуфайка и штаны. Заработка плата рабочим выплачивалась в зависимости от выработки. Проживали рабочие леспромхоза также в бараках по 100–200 человек. В самом бараке был продовольственный ларек, в который привозили предметы первой необходимости: табак, конфеты, сахар, спички. Продуктами питания леспромхозовцы обеспечивали себя сами: «Да мы всё покупали: мясо, хлеб, сахар. Иногда из колхоза муку привезут, так нам лапшу делали» [4].

Перед началом сплава леспромхоз выделял отдельную бригаду, которая очищала берега от тальника. С приходом весны начиналась работа конторы по сплаву леса. Перед самым паводком лесозаготовители ставили бревна в реку, и лес плыл «мулём», или «плавежом». За лесом по берегам двигалась бригада «зачистки». Ее обязанностью было спускать по течению бревна, выброшенные на берег. Рабочие были снабжены длинными баграми, дождевыми плащами и сапогами. По реке зачистка шла на плотах и лодках. Плоты сооружались на лесозаготовительном участке самими сплавщиками. Одновременно по зачистке двигалось несколько плотов. Каждый из них имел свое назначение: магазин, столовая, будка для ночлега [5]. Иногда в процессе зачистки рабочие останавливались около деревень, расположенных вблизи реки. Здесь местные жители продавали им хлеб, яйца, молоко.

В процессе лесосплава, когда лес шел по реке, часто образовывались заторы. В этом случае на помощь сплавщикам приходила бригада взрывников, которая ликвидировала преграду.

По воспоминаниям респондентов, на сплаве встречались бревна-«утопленники», которые намокали и уходили на дно. Были случаи, когда лес-

ное хозяйство организовывало вылавливание «топляков». Этот лес шел на дрова в школы, больницы, общественные здания. В разные периоды времени лес сплавляли до сел Сорокино и Тальменка. Там лес грузили в вагоны и отправляли по железной дороге. В Тальменке и Сорокино, там, где было тихое течение, ставили «гавань», которая сооружалась из бревен, скрепленных между собой тросами. Тросы крепились к стоякам – плотно стоявшим в земле столбам по берегам реки. Как правило, гавань была все время на плаву.

Первоначально лес вытаскивали на берег с помощью «ворота», приспособления, состоявшего из нескольких частей [1]. На большом расстоянии друг от друга в землю вкапывались 4 столба, образующие как бы квадрат. Сверху столбы крест-накрест стягивались между собой стяжками. В месте пересечения стяжек сверлилось отверстие, в которое вставлялся штырь, соединенный с большим деревянным барабаном, функции которого выполняло толстое центральное бревно. В него снизу также вбивали штырь, который направлялся в выбранное стамеской отверстие в толстой чурке, вкопанной в землю под 5-м центральным бревном. Чтобы отверстие в чурке не разрабатывалось, поверх него прибивали стальную пластину с центральным вырезом. К барабану крепился трос длиной около 100 м. Вокруг 5-го центрального бревна ходили запряженные лошади (чаще всего две), которые и приводили в движение барабан.

Обычно ворот ставился на высоком холме. Снизу, у берега, рабочие сцепляли обрывками троса по 4–5 бревен и подводили их к общему тросу, соединенному с воротом. По команде «коногонь» подгоняли лошадей, барабан приводился в движение, и лес шел к берегу. На берегу в виде рельсов были положены деревянные «паката» – приспособления, обеспечивающие более легкое движение бревен. На берегу лес тaborился для просушки и отправлялся по назначению.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что для процесса лесозаготовок и лесосплава в 1930–1950-е гг. характерен низкий уровень механизации и технического оснащения. Отношение к этому тяжелому труду у участников лесозаготовительных работ в связи с различными условиями оплаты сложилось разное: если для «леспромхозовцев» и «коммунальщиков» работа была трудной, но реально оплачиваемой, то для колхозников – фактически бесплатной, в счет трудодней.

Данная тема требует более глубокого дальнейшего исследования с привлечением широкого круга письменных и устных источников.

Источники и литература

1. Архив лаборатории исторического краеведения (ЛИК) БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район, с. Тогул, Аксенюк А. Л., 1922 г. р. Кассета № 53.

2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район, с. Тогул, Гилёв А. И., 1923 г. р., Кассета № 103.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район, с. Тогул, Иванов Б. С., 1937 г. р. Кассета № 101–120.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район, с. Тогул, Савинцев П. Г., 1919 г. р. Кассета № 38.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район, с. Шумиха, Сапронов И. М., 1927 г. р. Кассета № 89.
6. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район, с. Тогул, Саунин Н. Я., 1928 г. р. Кассета № 31.
7. История Сибири с древнейших времён до наших дней: В 5 т. Т. 4. Л., 1968 г. 505 с.
8. Кулагин А. В. Тогульский район // Энциклопедия Алтайского края: В 2 т. Т. 2. Барнаул, 1997. С. 362.
9. Парамонов Е. Г. Лесное хозяйство Алтая (посвящается лесоводам края) / Я. Н. Ишутин, И. Д. Менжулин, Е. Г. Парамонов. Барнаул, 1997. 372 с.

Е. А. Бельгибаев, И. И. Назаров

Этнографические экспедиции АлтГУ 2000–2005 гг.: из опыта полевой работы

Любая долгосрочная работа, в том числе и полевые этнографические практики, требует подведения промежуточных итогов. Это необходимо для более точной оценки проведенных исследований и выстраивания стратегии дальнейших экспедиционных работ. Пятилетний опыт (2000–2005 гг.) проведения этнографических экспедиций в АлтГУ позволяет сделать подобную оценку.

Изучение народов Алтая осуществляется нами в рамках научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения (АЭИ) АлтГУ по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры древних и традиционных обществ Сибири», а также индивидуальных и коллективных грантов. Основной формой получения необходимого корпуса источников являются историко-этнографические экспедиции. Ежегодно в их рамках проводятся также учебные этнографические практики студентов I курса исторического факультета. Самостоятельную исследовательскую работу ведут также студенты-этнографы, специализирующиеся на кафедре АЭИ АлтГУ.

Среди приоритетных тем научной деятельности следует выделить следующие направления работы этнографов АлтГУ: история, этнография и этносоциология тюркских и восточнославянских народов Алтая, а также некоторых этнодисперсных групп населения Алтая.

Экспедиционные работы АлтГУ в первые годы рассматриваемого периода проводились на территории проживания коренного тюркского на-

селения Алтая, главным образом кумандинцев. В 2000–2001 гг. осуществлялись исследования в селах Красногорского района Алтайского края. В 2002–2003 гг. экспедиции переместились в соседний Солтонский район Алтайского края, где также проживают кумандинцы. В 2004 г. исследования проводилось в Турочакском районе Республики Алтай. В 2005 г. объектом для работы было выбрано одно из старейших сел Алтайского края – Безголосово, расположеннное в Алейском районе.

Первоначально нами была сформулирована цель: изучить историю и культуру кумандинцев. При этом упор делался на традиционно-бытовую сферу культуры, как наиболее подверженную разного плана изменениям и стремительно исчезающую. Позднее круг интересующих нас тем значительно расширился, и стал фиксироваться максимально широкий комплекс сведений о культуре, истории, языке, фольклоре и верованиях кумандинцев. Работая несколько лет в среде кумандинцев, мы не могли не заметить, что их культура претерпела существенные изменения, которые были вызваны разными причинами: общей унификацией культуры, модернизационными процессами и многими другими причинами, в том числе и фактором длительного проживания в среде преобладающего по численности русскоязычного населения. Поэтому в сферу наших исследований попали также история и культура русских, проживающих в тех же населенных пунктах, что и кумандинцы. Это помогло установить последовательность заимствования коренным населением новых элементов культуры. Кроме того, расширился круг сведений об обратном влиянии аборигенного населения на хозяйство и культуру пришлых групп.

В составе наших отрядов традиционно имеется две группы, занимающиеся сбором информации по этим двум большим блокам (коренное и пришлое население). Понятие «пришлое население» в данном случае весьма условно. Оно включает не только восточнославянские народы, составляющие в названных районах большинство населения, но также и группы мордвы, немцев, прибалтов и др., которые оказались на данной территории в более позднее время. Относительно русских мы также обнаруживаем здесь довольно пеструю картину, сочетающую старожилов, в том числе старообрядцев, и переселенцев из разных областей страны.

Особняком на этом фоне стоят экспедиционные исследования в Алейском районе, где объектом нашего исследования стали история и культура старейшего алтайского села – Безголосово. Его отличительной особенностью является полизначный состав, складывавшийся на протяжении двух с половиной веков и включающий старожильческие и переселенческие группы русского населения, а также представительные группы украинцев, немцев и некоторых других этносов [2; 5].

Помимо главных задач этнографической практики: обучения студентов методам полевой этнографии, умению работать в среде изучаемого народа, сбору конкретного материала — источниковой базы, велась также работа по сбору предметов, характеризующих традиционную культуру упомянутых выше народов для пополнения фондов музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Собранные предметы характеризуют главным образом хозяйственное занятия, представляют утварь, орудия труда и предметы культа аборигенного и русского населения [6]. Значительное место отводилось и работе с фондами местных музеев — районных и сельских. В рамках этого направления экспедиционной работы осуществлялось описание имеющихся коллекций. Еще одним, не менее важным направлением являлась работа в архивах сельских администраций, где нами в первую очередь анализировались похозяйственные книги.

Этнографические исследования базировались на сочетании стационарных и маршрутных экспедиций. Чаще всего весь срок, отведенный на полевую практику, 4 недели июля, отряд проживал в одном населенном пункте (райцентре или крупной деревне), делая, однако, выезды малочисленными группами в близлежащие деревни. В качестве базы для проживания выбирались обычно местная школа или иное общественное помещение, спортзал или контора.

Длительное проживание в одном селе позволяет подробнее ознакомиться с культурой и традициями местных жителей, собрать максимально полную информацию по всем интересующим вопросам и, кроме того, завязать более тесные отношения с информаторами. Со многими из них у нас сложились довольно теплые отношения, которые поддерживаются до настоящего времени. Налаживанию такого рода отношений помогают предварительные, доэкспедиционные разъяснительные работы о целях и задачах работы этнографов с участием представителей местной администрации. В первые дни экспедиции в местных районных газетах мы также публиковали статьи, где рассказывали об особенностях своей работы, объясняли, для чего нам нужны собираемые сведения и как они помогут развитию науки [3; 7]. Таким образом, практически все население района знало о нашем присутствии и было подготовлено к общению с этнографами.

В ходе полевой работы приходится делать много фотоснимков, запечатлевая различные стороны жизни сельчан, в том числе и самих наших информаторов. Мы придерживаемся неписаного правила, согласно которому высылаем информаторам по почте их фотоснимки. Особенно строго это правило соблюдается в отношении наиболее компетентных информаторов, с которыми и устанавливаются длительные контак-

Рис. 1. Этнографическая практика 2002 г. Солтонский район, с. Солтон. Студент-этнограф В. Николаев, информатор П. С. Шатобалова, этнограф И. И. Назаров

ты. Эти люди впоследствии выступают своего рода экспертами работ, которые мы пишем на основе собранного у них материала.

В число участников наших отрядов, помимо собственно практикантов, мы обязательно включаем студентов-старшекурсников, специализирующихся по этнографии. Старшие коллеги помогают первокурсникам усвоить азы собирательской работы, обучают их необходимым навыкам полевой жизни. За пять лет сложились особые традиции внутри нашего этнографического отряда. Так, например, особо отмечается День этнографа – 17 июля. В этот день устраиваются различные шутливые испытания для практикантов, праздничный концерт и ужин [4].

Основным методом, с помощью которого ведется сбор информации, является опрос в форме бесед с информаторами по заранее составленным вопросникам. Этот метод позволяет студентам-практикантам в более сжатые сроки овладеть спецификой полевой этнографической работы и уяснить особенности взаимоотношений с информаторами. На втором месте по частоте использования стоит анкетирование, с помощью

Рис. 2. Этнографическая практика АлтГУ 2005 г.: участники экспедиции вместе с народным хором «Безголосовские напевы» в с. Безголосово Алейского района

которого собирается массовая информация по узким темам. Так, например, нами были разработаны анкеты, с помощью которых мы выясняли, в какой степени кумандинцы владеют родным языком, оценивали специфику их этнической идентичности, уровни этнического самосознания русского населения и т. д. [1]. Практикантам в данном случае отводилась роль интервьюеров, задача которых – найти информатора и убедить его ответить на поставленные вопросы. Наблюдение как метод полевой этнографической работы при обучении практикантов использовалось гораздо реже. Это объясняется сложностью овладения данным методом, требующим большой предварительной подготовки. Более успешно наблюдение включается в арсенал исследовательской работы студентов старших курсов.

Таким образом, за пятилетний срок проведения этнографических практик АлтГУ сформирована довольно представительная источниковая база по традиционной культуре отдельных групп населения Алтая, преимущественно кумандинцев, челканцев, тубаларов, русских, казаков. Немаловажное значение при ее создании, безусловно, имеет организационная составляющая экспедиций в плане не только их нормального функционирования, но и качества подготовки студентов-практикантов, с помощью которых в конечном счете создается массовый материал. В этой связи, на наш взгляд, остро встает проблема доэкспедиционной подготовки студентов в современных условиях работы в поле. Необходима дальнейшая разработка соответствующих методов и приемов, кото-

рые включали бы широкий спектр вопросов, прежде всего стимулирование познавательных мотивов студентов, психологическая подготовка для работы с населением, выработка соответствующих этических норм поведения в среде изучаемого народа и т. д. От перечисленных организационных аспектов доэкспедиционной работы зависит количество и качество получаемого практикантами этнографического материала.

Литература

1. Бельгибаев Е. А., Назаров И. И., Николаев В. В. Современные этноязыковые процессы у северных алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. науч.-практ. конф. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 155–157.
2. Назаров И. И. Антропонимическая модель немцев села Безголосово // Немцы Сибири: история и современность: Материалы V международ. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 188–189.
3. Назаров И. Изучая кумандинцев, мы сохраняем их культуру // Восход (Красногорская районная общественно-политическая газета). 2001. 25 июля.
4. Назаров И. Печальные предгорья. Ч. II // За науку. 2003. 23 янв.
5. Назаров И. И. Результаты этнографической экспедиции Алтайского государственного университета в с. Безголосово // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае в 2005 г: Археология, этнография, устная история: Материалы II регион. науч.-практ. конф. 1–2 декабря 2005 г. Барнаул, 2006. С. 165–169.
6. Назаров И. И. Этнографические коллекции музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. науч-практ. конф. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 214–215.
7. Назаров И., Соловова В. Этнографы изучают культуру кумандинцев // За победу (общественно-политическая газета Солтонского района). 2002. 17 июля.

E. A. Болотова

Образ русской женщины рубежа эпох в воспоминаниях современников (по материалам Шемонаихинского краеведческого музея)

Исследование основано на воспоминаниях жителей Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Данные нарративы представлены двумя категориями: 1) самопроизвольными рассказами авторов о своей жизни в целом или определенном ее эпизоде, т. е. тексты автобиографического характера; 2) интервью, взятыми работниками музея. Воспоминания написаны в 1970-х гг. и в основном охватывают события начала 1900–1940-х гг., т. е. периода конца Российской империи и формирования советского государства.

Большинство воспоминаний принадлежит женщинам образованным, политически активным (членам ВЛКСМ, КПСС), поэтому в образе женщины в данном случае можно выделить два элемента: 1) женщина-

крестьянка эпохи «царизма» и 2) советская женщина. Основой образа женщины-крестьянки стали представления, связанные с материами авторов и основной частью женского населения деревни (гетерообраз) [1, с. 1, 4, 5, 8, 9; 3, с. 1; 8, с. 17–36, 56, 97; 6, с. 1; 10, с. 2; 7, с. 1]. Образ советской женщины часто носит репрезентативный характер (автообраз) или связан с учительницами, подругами, сестрами, реже материами, являвшимися пионерками, комсомолками, членами партии [1, с. 1, 5, 8; 6, с. 1, 2; 5, с. 1, 4; 7, с. 2, 3; 2, с. 1, 2; 9, с. 4].

Для исследуемых текстов характерны несколько мотивов: труд с детских лет, зависимость женщины-крестьянки, активный подход к своей судьбе советской женщины, нелегкая горестная судьба.

1. Тяжелый труд с детских лет проходит лейтмотивом через образ женщины в целом. Для женщины-крестьянки эпохи империализма это «постоянная» занятость в домашнем хозяйстве, обслуживание семьи, которое оценивается большинством авторов как «тяжелая работа». Ее основные операциональные действия: *доила, поила, воспитывала, пряла, накормила, готовила, ткала, шила, растила* [3, с. 1; 8, с. 27, 28, 32; 6, с. 3; 10, с. 1; 7, с. 1]. Дополнительные операции: *косила, ограбала, копнила, добывала, красила, реставрировала, батрачила* [8, с. 17, 21; 7, с. 1]. Советские женщины больше времени уделяли общественной работе, труду в колхозе, профессиональной деятельности, работали учителями, пионервожатыми, связистками, кассирями, сиделками [7, с. 1, 3; 8, с. 119; 6, с. 3; 4, с. 3, 49].

2. Женщина-крестьянка описывается как лицо, зависимое от внешнего воздействия, родителей, мужа, обстоятельств. В отношении нее чаще, чем в отношении женщины новой эпохи, используются слова-маркеры беспомощного состояния, отсутствия информации: *не разрешали, не пускали, уводили, не могли, не понимала, были обязаны, должны были, приходилось, пришлось, боялись, находившиеся под влиянием, за-битая, неспособная, неграмотная*, а также глаголов повелительного наклонения [1, с. 1, 4, 8; 3, с. 1; 8, с. 17, 27, 97; 6, с. 1, 2; 5, с. 1; 7, с. 1; 4, с. 19, 20, 58, 59].

3. Советской женщине, напротив, присущ активный подход к своей судьбе, самостоятельность, получение информации (образования), политичность. Поэтому по отношению к ней употребляется множество таких глаголов, как *вступила, ходила, учила, училась, занималась, решилась, служила, продала, работала, пришла, участвовала, руководила, избиралась, окончила, пели, говорили, устраивали, сознавать, вовлечь, агитировать* (курсы, школу), *можно*; существительных: *борьба, участие, жизнь, задачи, успехи, кандидат, член*,

строй, комсомолка, коммунистка, делегат, мероприятие, лекции, спектакли, пропаганда, конференции, семинар – и прилагательных: любопытная, активная, общественная, умная, энергичная, советский, самодеятельный [1, с. 1, 5; 8, с. 110, 111, 119, 158, 167; 6, с. 2, 3, 4, 5, 6, 8; 5, с. 1; 7, с. 3; 2, с. 1, 2; 9, с. 1; 4, с. 3, 4, 17, 22, 26, 33, 34, 59].

4. Женский образ в целом проникнут эмоциональностью. При этом для женщины-крестьянки характерна негативная окраска действительности: страх греха и бога, затем потеря веры в бога, тяжелое положение, переживание горя и унижения, тревожность, редкая радость, строгость, слезы, жалость к окружающим [1, с. 1, 8, 9; 3, с. 1; 8, с. 36, 56, 61, 97, 106, 158; 10, с. 1; 5, с. 1, 4; 7, с. 1; 4, с. 15, 20, 66]. Советской женщине чаще присуща позитивная эмоциональность – гордость, вера в идеалы коммунистической партии, В. И. Ленина, спокойствие, любовь [1, с. 1–15; 3, с. 1; 6, с. 8; 5, с. 1; 2, с. 1; 4, с. 58, 62].

В заключение следует отметить, что в воспоминаниях одно и то же лицо может вначале выступать как женщина-крестьянка эпохи царской России, а затем приобретать черты женщины советского времени. Таким образом, смягчается существующее противопоставление этих двух образов как прошлого и настоящего женщины.

Использованные материалы Шемонаихинского краеведческого музея

1. Воспоминания А. Н. Агафоновой.
2. Воспоминания бывшей октябрёнка и пионерки села Выдриха Шемонаихинского района, члена КПСС с 1941 г. Шестаковой Серафимы Андроновны.
3. Воспоминания А. Г. Макаровой.
4. Воспоминания Н. Н. Назаровой-Агафоновой, 1909 г. р., с. Шемонаиха (дочь служащего).
5. Воспоминания о восстании крестьян с. Шемонаихи в 1918 году и расстреле повстанцев бандами Колчака. М. А. Сыромятова-Бербицкая
6. Воспоминания о комсомоле 1920-х гг. Е. Ф. Степановой
7. Воспоминания о моей матери Хрыкиной Марфе Никифоровне.
8. Воспоминания о прошлом П. П. Медведева.
9. Воспоминания Лидии Федоровны Шешуковой, с. Волчанка.
10. Запись беседы со старожилами с. Шемонаихи Василием Астафьевичем Авдеевым, его супругой Натальей Мироновной.

A. П. Бородовский

Сборы шаманской атрибутики и мифологии в Горном Алтае

В настоящее время на Алтае и за его пределами бытует широко распространенное мнение, что ресурсы традиционной шаманской атрибутики этого региона давно исчерпаны. Однако в начале нового тысячеле-

тия из разных районов Горного Алтая (Майминского, Онгудайского, Чемальского) автору удалось получить две антропоморфные рукояти шаманских бубнов (рис. 1–3) и один целый бубен (рис. 4, 5) конца XIX – начала XX вв.

Особенно интересен бубен, якобы происходящий из верховьев р. Куюм (рис. 4). В современных административных границах это территория между Чемальским и Майминским районами через перевал «Куюм-вершина» в сторону сел Сайдыс, Урласпак. Здесь, по некоторым сведениям, в 1950-е гг. во время покоса был обнаружен большой шаманский бубен. Эти места являются труднодоступными, о чем свидетельствует алтайская поговорка «Урласпак, Куюм вершина» – «райком партии – п...».

Не исключено, что владельца этого шаманского бубна мог знать Андрей Викторович Анохин, однако выяснить его персону по публикации А. В. Анохина будет достаточно сложно [1, с. 108–147], поскольку для района вершины р. Куюм упомянуто несколько шаманов (Капшанай из сеока Телес, Сапсыр из сеока Найман, Моштой из сеока Улуп, Болтой из сеока Тонжон и его шаман-предок Курубаш, Сынызак). Имя еще одного из нижнекатунских шаманов (Солонка Таштамиров) удалось установить манжерокскому краеведу Н. М. Воробьеву [3, с. 46].

Бубен из верховьев Куюма по системе описания А. В. Анохина состоит из четырех основных частей – остова (обода-обечайки), внутренней части (деревянной антропоморфной рукояти, железной поперечины и подвесок) и кожаной мембранны. В качестве материалов для этого бубна использованы дерево, железо, медь, кожа. На металлическом поперечном пруте *кириши* (тетива) по обеим сторонам располагались 7 железных подвесок (*конура, сункер*), символизирующих стрелы, которыми отгоняют злых духов. Три такие подвески располагались справа от антропоморфной рукояти, четыре слева. Изнутри к верхней части обечайки подвешены четыре металлические подвески в виде полумесяца *кылыши* (меч, сабля), символизирующие оружие шамана и его духов.

Рисунки на кожаной поверхности бубна отсутствуют. Шаманский бубен из верховьев Куюма, видимо, был мужским. Об этом свидетельствует красный цвет антропоморфной рукояти. Диаметр бубна достаточно велик – более 80 см. Это позволяет предположить некие особые качества его истинного владельца-шамана.

Две другие деревянные рукояти, длиной около 80 см, происходят из Онгудая. Они также раскрашены красной краской и имеют великолепную проработку лиц (рис. 1, 2). Одна из онгудайских рукоятей бубна (рис. 1) достаточно типична для традиционной культовой алтайской скульптуры [5, с. 95].

Рис. 1. Рукоять шаманского бубна из Онгудая (Онгудайский район Республики Алтай)

Рис. 2. Антропоморфное оформление рукоятки шаманского бубна из Онгудая

Оформление «лица» другой рукояти уникально (рис. 3). Это вытянутое «лицо» почти не имеет аналогов в алтайской шаманской атрибутике и чем-то напоминает личины более древних бронзовых антропоморфных идолов кулайской культуры, распространенной в Верхнем Приобье в эпоху раннего железного века с последней четверти I тысячелетия до н. э. [2, с. 97].

Рис. 3. Антропоморфное оформление рукоятки шаманского бубна конца XIX – начала XX в. из Онгудая (Онгудайский район Республики Алтай)

Рис. 4. Шаманский бубен конца XIX – начала XX в. из верховьев Куюма (Майминский, Чемальский районы Республики Алтай)

лось страшное землетрясение 2003 г., воспринятое на Алтае как «восстание горных духов».

Современные мифы о шаманских бубнах, безусловно, требуют особых исследований. Но при первом знакомстве с ними очевидно, что они сохраняют многие традиционные представления о возможностях шаманских бубнов, в частности о способности бубна звуком своих шумящих подвесок сигнализировать о предстоящем бедствии, сообщать волю духов. Это соответствует представлениям о «живом» шаманском бубне, который живет своей «жизнью» даже без взаимодействия с шаманом [6, с. 99].

В целом на территории севера Горного Алтая до сих пор сохраняется возможность результативных поисков подлинной шаманской атрибутики и сбора мифологических свидетельств о них. Особое значение имеет район нижней Катуни, где, несмотря на значительное развитие туристической инфраструктуры, достаточно перспективно проводить не только археологические, но и этнографические исследования. Очередным подтверждением этого было обнаружение лодки-долбленики, поднятой весной со дна озера Ая. Такая находка позволяет существенно сместить границу [4, с. 114] этого традиционного промысла на юг Верхнеобского региона к северо-алтайскому низкогорью. Все это позволяет рассматривать нижнюю Катунь как район, перспективный для успешных комплексных археолого-этнографических исследований.

Литература

1. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные по время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии: Сб. музея антропологии и этнографии при Рос. академии наук. Т. IV, 2 Л., 1924. С. 50–64.
- . 2. Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск: Наука, 1987. С. 96–114.
3. Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археология и туризм горного Алтая. Новосибирск, 2005. 60 с.

Рис. 5. Антропоморфное оформление рукоятки шаманского бубна конца XIX – начала XX в. из верховьев Куюма

4. Бородовский А. П. Технология изготовления лодок-долбленок на севере Верхнего Приобья // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2005 г. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2006. С. 110–114.
5. Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука, 1979. 192 с.
6. Функ Д. А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М., 1997. 300 с.

Д. Воржаков

Лексика сенокоса на Алтае в XX–XXI вв. (на примере с. Зудилово Первомайского района)¹

Заготовка сена является одним из важнейших трудовых процессов в крестьянском хозяйстве. Его значимость и широта бытования обусловили возникновение в русском языке большого числа лексических единиц для обозначения отдельных этапов, орудий и участников процесса сено-кошения. Особый интерес представляет лексика сенокоса, употребляемая в селах Алтая, где в силу особенностей заселения взаимодействовали и сливались воедино традиции старожилов и переселенцев из различных губерний России.

Источниками данного исследования послужили материалы словарей и записи живой речи потомков старожилов и переселенцев с. Зудилово Алтайского края, что позволяет выявить особенности бытования лексики на общероссийском и региональном уровне на протяжении рассматриваемого периода. Так, в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) собраны все доступные записи словарных особенностей русских народных говоров XIX–XX вв. «Словарь русских говоров Алтая» составлен на основе материалов диалектологических экспедиций 1970-х гг. Барнаульского государственного педагогического института [1]. Диалектная лексика собрана методом интервьюирования и анкетирования в 2005–2006 гг. Информаторами являлись женщины и мужчины 1923–1960 г. р. [2]

Традиции заготовки сена с. Зудилово формировались под влиянием природных, социально-экономических факторов, особенностей заселения. Село, образованное еще в середине XVIII в., в XX в. на $\frac{2}{3}$ пополнилось переселенцами. Столыпинская аграрная реформа способствовала активизации этого процесса. На 1910 г. в деревне проживали 53 семьи (двора) старожилов и 128 семей (дворов) переселенцев [3]. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в с. Зудилово Белоярской волости Барнаульского уезда прибывали преимущественно переселен-

¹ Работа выполнена под руководством учителя истории Зудиловской средней школы Е. Ю. Чеботаревой.

цы из Пензенской, Нижегородской, Самарской, Саратовской губерний (т. е. со Средней Волги), небольшая часть из Вятской, Смоленской, Орловской губерний [4]. В результате к лексическим обозначениям предметов и трудовых операций традиции сенокоса, которые использовали старожилы-зудиловцы в начале XX в., добавились названия переселенцев. В течение XX в. лексика сенокошения пополнялась новыми словами, обозначающими новые орудия, технические средства. При этом часть бытовавших ранее слов выходила из употребления.

В группу лексики, связанной с процессом заготовки сена, входят названия трудового процесса «сенокос», наименования орудий труда и работников, участвующих в сенокошении.

Название трудового процесса «сенокос» в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) отмечено девятью вариантами: *сеногребенье, сеногребка, сеногребля, сеногребь, сенокос, сенотокос, сенокосник, покос, литовать*. «Словарь русских говоров Алтая» фиксирует только два варианта названия этой операции: *сенокос, покос*. Населением с. Зудилово в настоящее время употребляются те же названия (табл. 1). Наибольшее распространение оба названия имели на севере Европейской России и на Урале.

Для обозначения процесса подбора сухого сена также использовались различные названия. В СРНГ зафиксированы: *грабель, грабиться, грабсти, гребь, гребля, грести*. «Словарь русских говоров Алтая» содержит три наименования: *гребь, гребля, грести*. Эти же три названия употребляются на территории с. Зудилово в настоящее время. Опять же большее распространение этих названий было зафиксировано на севере России и на Урале.

Трудовая операция, при которой срезалась выстоявшаяся трава, имеет также несколько вариантов названий в СРНГ: *косить, коситься, литовать*. Последнее происходит от названия предмета труда — косы-литовки. В «Словаре русских говоров Алтая» отмечены варианты: *косить и покосничать*. На территории с. Зудилово употребляется лишь слово «косить». Вариант «литовать» не встречается, хотя орудие труда, предназначеннное для срезания травы, называют преимущественно «литовкой». Слово «кося» употребляется редко, в основном в значении «лезвие литовки», которое дополняется литовищем (черенком) с обжимом (ручкой). Для обозначения процесса срезания травы в труднодоступных местах населением с. Зудилово используется слово «выбивать», не зафиксированное в словарях. «Выбивают» или «бьют» траву по труднодоступным местам в бору, на лесных полянах, в колках, среди берез или по увалам, вдоль реки. Существование этой лексической единицы связано с особенностью при-

родной зоны, в которой расположено село: ленточный бор и прилегающая к нему степь с березовыми колками, где трудно размахнуться косой.

В ходе исследования выявлено название трудовой операции, завершающей укладку сена в стог, — «очесывать», что означает «обдирать граблями неровно уложенное, торчащее сено в уже готовом стогу». Очесанную сухую траву забрасывали на верх стога. Необходимость этой процедуры информаторы объясняют тем, что подготовленное таким образом к хранению сено не будет впитывать дождевую воду, дождь будет по расчесанному сену стекать к основанию стога. Подобное название также не отмечено в словарях.

Имеются отличия и в бытовании местных названий процесса подготовки лезвия литовки (косы) к сенокосу. Общерусские названия «точить», «литовать», отмеченные в СРНГ, в с. Зудилово не употребляются, наиболее широкое бытование имеют варианты «отбивать», «править». Меньше употребляется «лопатить». «На деревянную лопатку наносили раствор песка, высушивали и ею (лопаткой) лопатили (подправляли) литовку на сенокосе» [5]. Встречается выражение «снимать фаску» (заусеницы на металле), появившееся, вероятнее всего, в связи с внедрением во второй половине XX в. технических новинок в процессе заготовки сена. Термин означает процесс отбивания литовки, вытягивание металла. Возможно, он введен в оборот теми, кто имел дело с металлом на заводах. Изменение технологии подготовки литовки к сенокосу связано с появлением в продаже фабричных лезвий литовки (№ 5 (50 см), № 7 (70 см), № 8 (80 см), № 9 (90 см) — длина лезвия) и качества металла, из которого они изготавливались.

Анализ текстов словарей и материалов, собранных в с. Зудилово, показывает значительное сокращение вариантов названий трудовых операций сенокоса в начале XXI в. Связано это прежде всего с тем, что сама потребность в сенокосе снизилась в связи с сокращением поголовья скота и размеров сенокосных угодий, с механизацией некоторых видов работ в процессе заготовки сена. Кроме того, большинство жителей села заготовке сена ручным способом предпочитают его покупку. Диапазон использования традиции сокращается, уходят из речи, теряются, забываются варианты названий. Механизация работ вносит в названия свои корректизы.

В ходе исследования в с. Зудилово в 2005–2006 гг. было выявлено, что в обыденном речевом общении население использует единственный вариант названия сухой скошенной травы — «сено». В СРНГ зафиксировано шесть вариантов названий: *сенишко*, *сенко*, *сенистый*, *сенина*, *сенинна*, *сенистый*; в «Словаре русских говоров Алтая» — два варианта: *се-*

нишко, сено. Кроме сокращения числа вариантов названия, сокращается и использование названия «сено» в сочетании с прилагательными. В СРНГ в сочетании с прилагательными отмечено 27 вариантов наименований. Жителями с. Зудилово в начале XXI в. используются варианты: *едовое, красное, соленое, черное*. Характерным для нашей местности является сочетание «сено волглое» (чуть сырватое).

Учитывая широту проживания русских, сложный характер заселения регионов, множество этнографических групп, локальных вариантов говора, можно предположить, что подобные варианты словосочетаний встречаются в других селах, районах Алтайского края, но еще не зафиксированы в литературе. Некоторые названия используются применительно к предметам разного значения: так, слово «обжим» употребляется в значении «остаток чего-либо» или в значении глагола «обжать» – сдавить со всех сторон для уплотнения [4]. В Зудилово слово «обжим» используется еще и в значении «ручка для литовища» (черенка литовки), сделанная из ивы или черемухи. «К литовищу готовился „обжим“ из чернотала или черемухи» [6]. Вырубленную из гибких пород дерева ручку гнули, делали на ней подрубы и загибали вокруг черенка в сыром виде, как правило, связывая ее шнуром. Таким образом, подготовленная ручка, после того как подсыхала, принимала устойчивую и нужную мастеру форму.

В связи с тем, что зудиловцам приходилось заготавливать сено на заливных обских лугах в течение всего XX в., в разговорной речи утверждалось понятие «вешало». Чтобы заготовленное сено не сырело, не подгнивало в низких местах, копны (копешки) ставят особым образом. На вертикально установленные жерди – вешало – укладывают сено неплотно, как бы развешивая его, чтобы оно обдувалось ветром и сверху, и снизу. Как только вода на лугах спадет окончательно, дороги устанавливаются, сено перемечут на возы и вывезут к месту постоянного хранения. Кроме того, в с. Зудилово слово «вешало» употребляется для обозначения и подвешенных предметов (кирпичей, железнодорожных металлических подкладок, камней), и материала (чаще всего полиэтиленовой пленки), которым с 1980-х гг. стали накрывать стога

Анализ вариантов наименования работников, выполняющих трудовые операции на сенокосе, зафиксированных в словарях и бытующих в с. Зудилово, показывает их сокращение. Человек, срезающий траву косяй, или литовкой, в СРНГ обозначен четырьмя понятиями: *косарь, косица, покосник, сенокосенка*. В «Словаре русских говоров Алтая» отмечены два названия: *косарь, покосник*. На сегодняшний день в с. Зудилово отмечено только одно – *косарь*. Тот же вывод можно сделать и в отноше-

нии вариантов названий работников, подбирающих сухую траву: из четырех вариантов названий – *грабея*, *граблевщик*, *грабельщик*, *гребщик* – в речи зудиловцев отмечен только один вариант – *гребщик*. Сохранилось и используется название работника, который стоит на стогу, раскладывает сено и вершит стог, – *вершильщик*. Исчезло из речи зудиловцев название работника, который правил на лошади волокушей, подвозил к месту будущего стога копешки, – *волокушник*. Память об этой операции сохранилась, но само лексическое значение не употребляется. В современной речи жителей с. Зудилово совершенно не используются наименования женщин – участниц сенокоса. В СРНГ такие значения имеются: *грабея*, *косица*, *сенокосенка*. В «Словаре русских говоров Алтая» их уже нет. Не употребляются в с. Зудилово и слова, лексическое значение которых характеризует работников, изготавливающих орудия труда для сенокоса: *грабельщик*, *литовочник* (продавец кос). Прослеживается связь сокращения вариантов названий, отмирания некоторых значений с сокращением использования традиции сенокоса, уменьшением числа участников сенокосных работ, постепенным вытеснением женского и детского труда из трудоемкого процесса, механизацией некоторых работ. Сокращение ручной заготовки сена приводит к исчезновению групп населения, которые специально занимались изготовлением ручных орудий труда и их продажей. Общеупотребительная ранее лексика переходит в разряд устаревшей, постепенно исчезает из языка.

В течение XX в. в с. Зудилово сохранялась традиция ручной заготовки сена. Но механизация заготовки кормов во второй половине XX в. стала вытеснять ее. Навыки этой трудовой операции стали постепенно забывать и исчезать. Многие домохозяева, имеющие ручные орудия труда для заготовки сена, получили их от родителей, не владеют мастерством их изготовления и лишь поддерживают их в относительном порядке. Процессы эти сказались и на сохранности языковой традиции. Вместе с исчезающими элементами многих трудовых операций исчезли и некоторые названия работников, их осуществляющих. Но разрушение традиции проведения сенокоса сдерживается природными факторами: обильные сенокосы в бору, по увалам, в березовых колках не всегда возможно взять техникой. Хозяйская бережливость заставляет «выбивать» такой сенокос вручную. Это отражается и в языке. Степень сохранности названий сенокосных угодий, связанных с природными особенностями расположения села, достаточно велика и многообразна. В народной речи продолжают использоваться различные варианты названий сена. Существуют в речи зудиловцев особые обороты и названия, связанные с зоной хозяйствования и особенностью проведения работ. Тради-

ция сенокоса сохраняется, но лишь в немногих семьях она — совместный труд, который сплачивает семью. В связи с механизацией и трудоемкостью некоторых видов работ задача эта становится обязанностью мужчин. Из лексического оборота исчезают названия, связанные с женским и детским трудом.

В целом анализ лексики показывает устойчивость культурных и языковых традиций жителей с. Зудилово. Высока степень сохранности многих названий сенокоса на начало XXI в. Однако представляется очевидной тенденция к сокращению вариантов названий, что объясняется не только развитием языка, но и сокращением использования традиции ручной заготовки сена. В язык проникают новые названия, языковые значения, связанные с процессом механизации заготовки сена, что может стать объектом дополнительного исследования.

Таблица 1
Варианты названий трудовых операций сенокоса¹

Словарь русских народных говоров / Под ред. Филина. Т. 1–39, Л., 1965; СПб., 2003	Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1998 гг. Т. 1–4.	Респонденты с. Зудилово, по опросам 2005–2006 гг.
Сенограбенье (Олон.)	—	—
Сеногребка (Олон.)	—	—
Сеногребля (Арх.)	—	—
Сеногребь (Сверд.)	—	—
Сенокос (Урал, Красн.)	Сенокос (Красн.)	Сенокос
Сенокосник (Вол.)	—	—
Сенопокос (Арх.)		
Покос (Арх., Урал)	Покос (Перв., Залес.)	Покос
—	Покосничать (Перв.)	—
Литовать (Чел., Сверд.)	—	—
Грабель (Смол.)	—	—
Грабиться (Псков.)	—	—
Грабсти (Великол.)	—	—
Гребь (Арх.)	Гребь (Тал., Перв.)	Гребь
Гребля (Сверд.)	Гребля	Гребля
Грести (Вол.)	Грести (Бийск, Зон.)	Грести
Копнить (Урал)	Копнить (Перв., Тал.)	Копнить
Копновозить (Красн.)	Копновозить (Павл.)	—
Косить (Смол., Псков.)	Косить (Тал., Залес.)	Косить
Коситься (Смол., Псков.)	—	—

¹ Административные названия приводятся в том виде, в каком они существовали во время записи материалов.

Словарь русских народных говоров / Под ред. Филина. Т. 1–39, Л., 1965; СПб., 2003	Словарь русских говоров Алтая. Барнаул. 1993–1998 гг. Т. 1–4.	Респонденты с. Зудило-во, по опросам 2005–2006 гг.
Литовать (Перм.) —	— —	— Выбивать
Вершить (Красн., Урал) Вершиться (Псков.) —	Вершить (Ельц., Змеин., Перв.) — Вывершить (Благ.)	Вершить — ШкуриТЬ
ШкуриТЬ (Псков.) —	ОшкуриТЬ (Павл., Солон) Метать (Перв., Бийск) — —	ОшкуриТЬ Метать — —
Метать (Вол.) Выметывать (Смол.) Трясти (Красн., Арх.) Переметьывать (Смол.)	Переметьвать (Павл.) Топтать (Бийск) — Отбивать	Переметьвать Топтать Лопатить Отбивать Снимать фаску Править Очесыивать Подбивать
Утаптывать (Красн.) Точить (Арх., Вол.) Литовать (Перм.) — — —	— — —	— — — — — —

Таблица 2

Варианты названий сельскохозяйственных орудий, используемых на сенокосе

Словарь русских народных говоров / Под ред. Филина. Т. 1–39, Л., 1965; СПб., 2003	Словарь русских говоров Алтая. Барнаул. 1993–1998 гг. Т. 1–4.	Респонденты с. Зудило-во, 2005–2006 гг.
Сенишко (Арх.) Сенко (Перм.) Сенистый (Арх.) Сено Сенинина (Латв.) Сеновал (Волог.) Сеновалишко (Красн.) Сенник (Красн.) Сеногной (Алт., Г-А.) Сеногнойник (Хабар.) Сеновозка (Урал) Грабки (Дон) Грабли (Арх., Вол., Смол.)	Сенишко (У-Кал.) — — Сено (Бийск, Залес.) — — — Сенник (Бийск) Сеногной (Залес. У-Кал.) — — — Грабли (У-Кал, Тал, Бийск)	— — — Сено — Сеновал — Сенник — Сеногнойник — — Грабли

Словарь русских народных говоров / Под ред. Филина. Т. 1–39, Л., 1965; СПб., 2003	Словарь русских говоров Алтая. Барнаул. 1993–1998 гг. Т. 1–4.	Респонденты с. Зудилово, 2005–2006 гг.
Грабелка	—	—
Грабельки, грабелки		Грабельки
Грабилка (Пен.)		—
Граблевище	Граблевище (У-Кал.)	—
Грабище (Урал)		—
Коса (Вол., Арх.)	Коса (Тал., Павл.)	Коса
Косица (Смол.)	—	—
Литовка (Урал, Красн.)	Литовка (Красн.)	Литовка
Литовишко		—
Литовища (Свердл.)		—
Литовочник (Чел.)	—	—
Литовище (Свердл.)	Литовище (Бийск)	Литовище
Ряд (Новос.)	Ряд (Бийск, Солон.)	Ряд
Вал (Волог., Пск.)	Вал (Третьяк.)	—
Валок (Урал)	Валок (Табун.)	Валок
Воз (Омск, Новос.)	Воз (Бийск, Зон.)	Воз
Вилы (Новос., Свердл.)	Вилы (Перв., Топч.)	Вилы
Троески (Вятск.)		
Висы (Красн., Перм.)	Висы (Павл., Барн., Бийск)	Висы
Ветреницы (Новос.)	Ветреницы (Павл., Барн., Бийск)	Ветреницы
Bexa (Арх.)	Bexa (Благ.)	—
		Вешки
		Вешало
Волока	—	—
Волокуша (Урал)	Волокуша (Барн.)	Волокуша
Копна (Смол.)	Копна (Павл.)	Копна
Копешка (Смол., Вол.)	Копешка (Пав.)	Копешка
Кошенина (Арх.)	Кошенина	Кошенина
Косовица	Косовица	—
Косовина (Урал)	Косовина (Алейск)	—
Оселка (Новосиб., Курск)	Оселка (Третьяк., Тал.)	—
Оселок (Новосиб.)	Оселок (Тал.)	Оселок
	Kосовье (Алейск)	—
Oстожье (Нов., Курск)	Oстожье (Тал., Перв.)	Обжим
Zарод (Курск, Тул.)	Zарод (Ельц., Бийск)	Oстожье
Zагребалка (Яросл., Тверь)	Zагребалка (У-Кал., Тал.)	Zарод
		—

Таблица 3

Варианты названий работников, выполняющих трудовые операции на сенокосе

Словарь русских народных говоров / Под ред. Филина. Т. 1–39, Л., 1965; СПб., 2003	Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1998 гг. Т. 1–4.	Респонденты с. Зудилово, по опросам 2005–2006 гг.
Волокушник (Яросл.)	—	—
Вершильщик (Смол.)	Вершильщик (Солон.)	Вершильщик
Грабельщик (Дон)	Грабельщик (Тал., Павл.)	—
Грабля	Гребщик (Тал., Павл.)	Гребщик
Граблевщик	—	—
Копнельщик (Яросл.)	Копнельщик (Пав., Кип)	—
Копновоз (Новос.)	Копновоз (Солон., Перв.)	Копновоз
Косарь (Арх.)	Косарь (Солон., Бийск)	Косарь
Косица (Смол.)	—	—
Литовочник (Яросл.)	—	—
Литовочник (Яросл.)	—	—
Покосник (Новос.)	Покосник (Перв.)	—
Сенокосенка (Арх.)	—	—

Обозначения

Алт. — Алтайский край
 Арх. — Архангельская губерния (область)
 Великол. — Великолукский уезд Псковской губернии
 Вол. — Вологодская губерния (область)
 Вятск. — Вятская губерния
 Г-А. — Горно-Алтайская область
 Дон. — Донское
 Красн. — Красноярский край
 Курск. — Курская губерния (область)
 Нов. — Новгородская губерния
 Новос. — Новосибирская область
 Олон. — Олонецкая губерния
 Омск. — Омская область
 Пен. — Пензенская губерния (область)
 Перм. — Пермская губерния (область)
 Псков. — Псковская губерния
 Свердл. — Свердловская область
 Смол. — Смоленская губерния (область)
 Тверь. — Тверская губерния
 Тул. — Тульская губерния (область)
 Урал. — Уральское.
 Хабар. — Хабаровский край.

Чел. — Челябинская область
 Яросл. — Ярославская губерния (область)

Алтайский край

Алейск. — Алейский район
 Барн. — населенные пункты, входящие в г. Барнаул (Борзовая Заимка, Власиха, Лебяжье)
 Бийск. — Бийский район
 Благ. — Благовещенский район
 Ельц. — Ельцовский район
 Зал. — Залесовский район
 Змеин. — Змеиногорский район
 Зон. — Зональный район
 Красн. — Красногорский район
 Павл. — Павловский район
 Перв. — Первомайский район
 Солон. — Солонешенский район
 Табун. — Табунский район
 Тал. — Тальменский район
 Топч. — Топчихинский район
 Третьяк. — Третьяковский район
 У-Кал. — Усть-Калманский район.

Источники и литература

1. Словарь русских народных говоров п/р. Филина. Т. 1–39, Л., 1965; СПб., 2003; Словарь русских говоров Алтая. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
2. Ковалева Наталья Геннадьевна, 1960 г. р., с. Зудилово, ул. Советская, 26; Лысаков Юрий Александрович, 1939 г. р., с. Зудилово, ул. 60 лет СССР; Кокорев Александр Александрович, 1954 г. р., с. Зудилово, ул. Строителей, 2–21; Кункуров Виктор Тихонович, 1932 г. р., с. Зудилово, ул. Кирова, 40; Летовальцев Иван Николаевич, 1938 г. р., с. Зудилово, ул. Строителей, 2–27; Миллер Анна Федоровна, 1938 г. р., с. Зудилово, ул. Титова, 10; Монахов Леонид Степанович, 1940 г. р., с. Зудилово, ул. Лесная, 22; Муравьев Николай Иванович, 1960 г. р., с. Зудилово, ул. Титова, 26; Жевнер Н. Г., 1939 г. р., с. Зудилово, ул. Школьная, Первомайский район.
3. ЦХАФ АК Ф. 29. Оп. 1. Д. 1272.
4. ЦХАФ АК Ф. 233. Оп. 1. Д. 205.
5. Летовальцев Иван Николаевич, 1938 г. р., с. Зудилово, ул. Строителей, 2–27, Первомайский район.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985.
7. Кункуров Виктор Тихонович, 1932 г. р., с. Зудилово, ул. Кирова, 40, Первомайский район

O. Ган

Игры и игрушки Краснощековского района

Игра – неотъемлемая часть жизни ребенка. Благодаря играм и игрушкам дети развиваются как в умственном, физическом, так и в нравственном плане. На раннем этапе развития человека игра способствует становлению основных черт его характера, учит общаться с другими, помогает постигать родной язык, подготавливает к взрослой жизни.

Полевые этнографические материалы, полученные в августе 2006 г. в ходе историко-этнографической экспедиции по селам Краснощековского района Алтайского края, позволяют воссоздать небольшую часть многообразия игр детей русских крестьян Алтая первой половины XX в.

По многочисленным рассказам жителей сел Краснощековского района, несмотря на большую занятость детей в помоши родителям по хозяйству, игра занимала важное место в жизни ребенка. Игры мальчиков и девочек обычно различались. Девочки играли в основном в куклы, которые шили самостоятельно из разных тряпочек, пришивали руки, ноги, голову; куклы были без волос. Так, например, А. П. Рубцова (1927 г. р., с. Усть-Чагырка) рассказала: «В куклы играли, сами шили. Свернешь тряпки, руки пришьешь. Платье сошьешь, рубахи красивые...»; Ф. И. Трунова (1928 г. р., с. Усть-Козлуха) вспомнила, что «...куклы шила сестра сродная. Всякие были. Всё пришивали: и руки, и ноги» [1].

Житель села Усть-Пустынка С. Л. Латышков (1918 г. р.) рассказал о том, что девочки, кроме кукол, играли в «липки»: «Пять камушков ров-

неньких складывают друг на друга. Она один подбросит – он летит. Если возьмет – выиграла, нет – проиграла» [1].

Распространенной игрой мальчиков были «бабки». Бабки изготавливали из нижних ножных суставов коров. Некоторые жители с. Чинета говорят о том, что бабки красили, другие отрицают это. Самая большая бабка – «панок» – предназначалась для сбивания других бабок. Для утяжеления «панок» заливали свинцом. На земле рисовали черту, от нее ставили бабки городком, то есть по порядку. В. Ф. Мягких (1927 г. р., с. Чинета) называл «панок» битком и объяснял: «...наливали свинцом в дырочку; называется биток. Начинаешь бить по бабкам – сколько сшибешь. Городком ставили по порядочку». О правилах игры в бабки рассказывал и С. Л. Латышков: «...городок – ставили бабки рядом на 10 метров – это законная борозда. Бросаешь с этой борозды, когда по две бабки ставят, когда по одной, и бьешь, чей дальше улетит. Если кофью сшибешь, то все бабки забираешь. Кофья – одна самая дальняя бабка. Так и говоришь: „Бью кофью“» [1].

Во всех селах мальчики любили играть в мяч. Мячи катали из коровьей шерсти весной, когда коровы линяли, и обшивали их кожей. Жители села Усть-Козлуха вспомнили о том, что мальчики парами играли в «ярошек». Ярошек – это длинная палочка, заостренная с двух концов. На земле выкапывали лунку, клали на нее ярошек, другой палкой били по заостренному концу так, что ярошек подскакивал и подающий игрок палкой его посыпал в поле, на котором стоял второй игрок. Ему необходимо было с поля кинуть ярошек и попасть в лунку. Старожилы вспоминают об этой игре: «...луночка-ямка и палочка, концы заостренные, на эту луночку кладут и бьют – куда она попадет»; «Палочка длинная. Ямочку выкапывали, по ней бьешь, она подлетает» [1].

Среди других игр мальчиков С. Л. Латышков упомянул «кулик»: «Кулик – палочка... ударишь по концу... раз подденешь палкой, и она улетает». Нужно было добежать до палки и вернуться на свое место со словами: «Чижик палкой-коноплянкой на воробушке сидели, вот такие песни пели – кули-и-и!». Задача игрока – распределить силы так, чтобы на одном дыхании протянуть слова поговорки до окончания бега, поэтому слово «кули-и-и» тянули как можно дольше. «Вернешься обратно на свое место – значит, ты выиграл, а если где-то остановишься... то дальше бьют, а ты кругом бегаешь» [1].

Среди групповых игр, в которых принимали участие и мальчики, и девочки, разбиваясь по парам и на команды, можно выделить распространенную во многих селах игру «Бить-бежать». Играли в эту игру парами. Один игрок (подающий) подавал мяч, лаптой выбивая его в поле.

Бросив мяч, подающий должен был бежать на другую сторону. Игрок (водящий), находящийся в поле, подбирал мяч и стремился кинуть его в бегущего игрока. Если попадал, то они менялись местами [2, с. 110]. Ф. И. Трунова объясняла: «Палочка стоит, докуда надо добежать, если не успеешь – в тебя попали, значит, вадишь, мячик кидаешь». Степан Лаврентьевич Латышков говорил: «...Ударишь и бежишь, попал ты – не попал. Который подает тебе, раз, и влупил» [1].

О лапте вспоминают реже, о правилах этой игры рассказывали в основном жители сел Краснощеково и Усть-Козлуха. Для игры в лапту делились на две команды: одна подавала мяч, другая ловила. Послав мяч в поле с помощью лапты, игроки подающей команды стремились преодолеть расстояние от одной границы поля до другой. В задачу второй команды входило поймать мяч и, бросив его в бегущих игроков, попасть в кого-нибудь. В случае успеха команды менялись местами [3, с. 266]. Ф. И. Трунова говорила: «В лапту играли на два лагеря. Одни на поле стоят – которые водят, один мячик кидает, а эти бьют по очереди и бегут» [1].

В некоторых селах упоминали об игре в прятки; жительница села Усть-Пустынка М. И. Харлова, 1928 г. р., назвала прятки «гарюхалками» и упомянула о «палочке-рассыпалочке». Она же вспомнила о хороводе, который водили со словами: «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай» [1].

Анализ полевого этнографического материала, собранного в результате опроса жителей сел Краснощековского района, показывает, что, несмотря на большую занятость детей в труде, нехватку свободного времени, в первой половине XX в. играли в разнообразные игрушки и игры, которые имели локальные особенности и отличия.

Источники и литература

1. Полевые этнографические материалы АлтГАКИ
2. Курсакова А. В. Традиционные детские игры Красногорского района // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. С. 109–111.
3. Сафонов В. И. Народные игры // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 6. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 266–210.

Л. М. Дмитриева, Е. В. Прокофьева

Диалектная личность и история региона

Как мы отмечали ранее [1, с. 141], одно из направлений исследования региональной языковой системы – лингвоперсонологическое. Полевой диалектный материал позволяет изучить не только лексические элементы языковой системы Алтайского края в их связях и отношениях, но и языковую региональную личность – выяснить ее когнитивные и номи-

нативные стратегии, мотивацию практической и языковой деятельности. Это стало возможным потому, что студенты не только собирают материал по традиционным вопросникам, но и используют при этом метод «языкового включения», результат которого – фиксация не столько разрозненных сведений, сколько цельного дискурса языковой региональной личности. Именно по данным такого материала можно восстановить геоморфологические условия жизни человека, социокультурные доминанты личности, ее языковые и отчасти психологические характеристики – т. е. те параметры, которые позволяют очертить портрет языковой личности региона.

Язык – сложно устроенная и динамично развивающаяся, значимая для жизни человека и общества система. При этом мы осознаем, что к концу ХХ – началу ХХI в. происходит эволюция языка и теряется духовная культура наших предков. Чтобы сохранить культурное наследие, которое уходит корнями в глубь веков, сохранить первооснову национальной русской языковой личности, следует четко обозначить пути сохранения и передачи языковой традиции. Таким образом, каждая языковая личность, обладающая огромными «недрами» духовного потенциала и народного богатства, предоставляет науке ценнейший источник материала.

Для нас языковая личность – это совокупность языковых свойств, присущих данному человеку, составляющих его языковую индивидуальность, это мера развития человеком в себе языковых способностей.

Объект исследования: конкретный носитель языка – Медведева Анна Васильевна, 1913 г. р., жительница села Быстрый Исток, Алтайского края, русская, малограмотная, коренная жительница Быстроистокского района. Анна Васильевна выбрана для изучения как личность креативная, носитель образной, выразительной речи, в которой наиболее полно проявляются черты традиционного говора и народной культуры крестьянского быта.

Характеристика носителя диалекта как языковой личности позволяет подойти к решению важных проблем русской языковой личности, а от нее – к выявлению черт традиционного русского менталитета, имеющего общенаучное значение.

Диалектный материал собирался в период с 2002 по 2006 г. путем непосредственной записи диалектной речи на диктофон.

Для рассматриваемой нами диалектной личности каждый этап жизни соотносится с определенным этапом исторического развития.

Детство Анны Васильевны ассоциируется с тяжелыми временами – периодом революции и гражданской войны: «Я тады маленькая была,

пять годошков мне было, когда революция началась. Ой, страшно было, плакали все горячо. Новообинка-то горела, а в Покровке людей на воротах вешали. Все это за каку-то советскую власть. Это черти шли. Солдаты ехали, ни винтовок, ничего не было, были только пики, чтобы людей колоть. Наши бабы кто что может приносили: кто вилы, кто грабли, а солдаты все плакали и плакали».

Следующий этап жизни, молодость, также соотносится с логикой развития истории – со Второй мировой войной, но это соотношение является не просто сопоставлением фактов истории и частной жизни: все это имеет индивидуальную интерпретацию и личностную оценку: «Вот когда Гитлер пришел, я уже в годках была. Ой, и жаден был, че Вовка Борщев, все ему надо было захапать. Россия же ведь богатая: там и золото, и металлы какие-то, а в Германии ничего нету, вот он и полез на Россию, весь мир хотел хапнуть».

Великая Отечественная война, как и революция, – тяжелое время не только для семьи диалектоносителя, но и для всей страны: «Голодно было, картошка не уродилась, мы гнилушки картофельные из земли выкапывали и делали из них драники, из свекольной ботвы чай заваривали».

Не лишена личностной оценки и эпоха коллективизации: «А вот когда колхозы начались, мы все на полях работали – ой, и хороши времена были: мы и на бригаду с песнями, и с бригады с песнями, никто не ругается, все добрые, мы – одна семья».

Новые явления жизни периода коллективизации затронули всю страну, но по-настоящему новыми они были в деревенских колхозах: «Старичок один у нас жил. Слеп он был и вещал, будто кони жылезныя пашню будут пахать. И как рас он еще живой был, дожилси, и нам трахтар в колхоз пригнали. Они его привили, посадили на бисетку. А он – а это что?.. Завили. Он как загудел. „Ой, якорь ево“, как он шипко ржот-то. Вся Шульгина ой и дивавалася».

Период социализма также оставил след в жизни Анны Васильевны: «А когда коммунизм начился, нас всех в церкви собрали и иконы расставили, и расстреляли, а потом вытащили икону Пресвятой Богородицы и ее расстреляли, а все кричали, что не надо. Сказали, что если дома найдем икону, то расстреляем и тебя и икону».

О современности Анна Васильевна говорит только в сравнении с прошлым, которое, несмотря на тяжелые моменты, представляется самым лучшим временем: «Щас бы ранишний люди встали бы – они бы со стыда сгорели бы. Раньше стариков любили, на руках в баню, бывало, сносят, а щас никто никому не нужен, щас все особачились, дети расболта-

ны, пьют как сатаны, хоть раньше и колхоз был, а жить все равно было лучше».

Если рассмотреть историю с позиции «прошлое – настоящее», то здесь выявляются мощные изменения в осознании носителем диалектного и фольклорного богатства тех устоев, которые преобладали в прежние времена и которые доминируют сейчас. Настоящая реальность воспринимается как отсутствие духовной культуры как таковой: «Люди как собаки стали. Из-за денек гатовы глотку перерезать. Ничё святова ни осталось. Дефки и парни плют, курют, матюгаюца. Я вот думаю, лишний раз дома посижу, а то слова скажешь, тибя тут же огародят».

Как показывает материал, изучение истории России через сознание конкретной языковой личности позволяет не только увидеть отдельные факты истории со стороны, но и оценить их.

Литература

1. Дмитриева Л. М. Языковая региональная система как объект полевых исследований // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Вып. 2. Материалы 2-й науч.-практ. конф. Барнаул, 2006. С. 138–143.

Н. М. Екеева, Н. В. Екеев

Полевые этнографические экспедиции института алтайстики им. С. С. Суразакова в 2004–2006 гг.

В настоящее время стал актуальным поиск реальных путей и способов решения вопросов сохранения и развития языков, этнических (традиционных) культур коренных малочисленных народов Республики Алтай. Естественно, эти вопросы должны быть предметом особого внимания и практических решений политиков, лидеров национально-культурных общественных объединений, а также ученых – этнологов, социологов и др. Исходя из этого, группа научных сотрудников института алтайстики им. С. С. Суразакова под руководством Н. В. Екеева провела работу по сбору полевого материала по двум темам: «Коренные этносы Горного Алтая: через разделение к объединению (конец XIX – начало XXI вв.)» и «Этнические и этнокультурные процессы на Алтае: история и современность». Оба проекта выполнялись в течение в 2004–2006 гг.: первый – при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-01-61003а/Т), второй – Правительства Республики Алтай. Эти научные проекты решали два блока вопросов. Во-первых, это ретроспективный анализ коренных этнических групп Горного Алтая за столетие с выделением двух периодов: конец XX – начало XX вв. и советское время (1917–1980-е гг.). Именно туда уходят корнями причины многих современных этнокультурных и этнополитических явлений (инновация родовых, «племенных» традиций и

др.), происходящих среди алтайцев. А во-вторых, рассматривались современные этносоциальные процессы в Республике Алтай (с 1990-х гг.).

Если первый блок предполагал изучение специальной литературы, опубликованных и архивных источников, их анализ и обобщение, то во втором блоке основной упор был сделан на полевые этнографические и социологические материалы в районах компактного проживания алтайцев и коренных малочисленных народов (КМН) – тубаларов, чалканцев, кумандинцев и теленгитов. Для этого были разработаны две формы анкеты: анкета респондента и анкета эксперта села. Ставилась задача изучения современного положения коренных этносов Горного Алтая, изменений в их социальной, культурной жизни и этническом самосознании, анализ процесса возрождения традиционной культуры. Анкета респондента включает 52 вопроса с вариантами ответа и анкета эксперта села – 22 вопроса. Анкеты составлены на русском языке, однако в практической работе использовались формулировки и на алтайском языке (особенно при беседах с людьми старшего поколения).

Первоначально полевые экспедиции были проведены в восьми селах Турочакского района (Курмач-Байгол, Артыбаш, Иогач, Новотроицк, Усть-Пыжа, Кебезень, Тулой, Тондошка). Согласно переписи 2002 г., коренное население района.

В целом социологический опрос проведен в 28 селах, заполнено 417 анкет респондента и 28 анкет эксперта села. Помимо социологического опроса, были проведены беседы с главами сельских администраций, учителями и учениками школ, работниками медицинских пунктов, главами семейных общин коренных малочисленных народов и другими категориями сельских жителей разных возрастов.

Полевые этнографические наблюдения и социологические обследования позволили получить конкретные сведения по широкому кругу проблем, касающихся современных этносоциальных, этнокультурных процессов, происходящих среди коренного населения Республики Алтай. Так еще раз подтвердился сложный характер процесса самоидентификации коренных этносов республики.

Прежде всего выяснилось, что процесс их самоопределения, несмотря на его политическое решение на федеральном уровне, до сих пор имеет сложный и противоречивый характер. Более половины опрошенных респондентов – представителей теленгитов, тубаларов и чалканцев – сохраняют «двухуровневое» этническое сознание, т. е. они одновременно относят себя к алтайскому народу. Это просматривается в ответах на вопрос: «Теленгиты, тубалары и чалканцы – это отдельные народы или самобытные этнические этносы (субэтносы) алтайского народа?»

да?». Так, в Турочакском и Улаганском районах в пользу первого варианта («отдельные народы») высказались соответственно 20% и 22% респондентов, в пользу второго варианта – 71% и 65%, а остальные затруднились в выборе ответа. К тому же около 71% опрошенных респондентов считают алтайский язык родным, но с оговоркой о наличии своего «родного» языка – диалекта.

Вместе с тем большинство (около 57%) опрошенных людей одобрили постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. «О едином перечне коренных малочисленных народов РФ» о признании их коренными малочисленными народами России. Причем главный мотив – надежда на экономическую и финансовую помощь федеральных органов власти. Однако пятая часть опрошенных – представителей тубаларов, чалканцев и теленгитов – уверена, что они – отдельные этносы, отличающиеся от алтайцев.

Далее были получены сведения об общих и особенных чертах традиционной культуры коренных этносов; критериях определения национальности человека (51% – по отцу, 20% – по языку); знание своего рода (93% указали свой род, а 83% выступили за его сохранение в семейно-бытовых отношениях), об отношении к своей истории и культуре (гордость и любовь – 79%), религии (70% – верующие), перспективах развития своего народа (47% – с надеждой и оптимизмом, 31% – спокойно, но без особых надежд), риска утраты этнической самобытности (половина – допускают); о проблемах, волнующих людей в настоящее время (бездействия, пьянство, потеря социальных ориентиров, духовных ценностей). Высокий уровень отрицательных ответов дают респонденты при оценке ситуации с пьянством и наркоманией, психологического состояния населения, отмечают утрату социальных ориентиров и духовных ценностей.

Проведенные исследования позволяют сформулировать ряд принципиальных ответов на поставленные вопросы. На общей волне крутых социальных перемен второй половины 1980-х и 1990-х гг. вновь «просыпается» историческая память людей о своих этнических (этнографических) особенностях, элементы которых реально сохранились, с той лишь разницей, что у одних в большей степени, а у других в меньшей. В сознании большинства коренных жителей Горного Алтая до сих пор устойчивы представления об их принадлежности к конкретной этнической группе и роду (сеоку). Основными критериями (индикаторами), по которым происходит этническая самоидентификация конкретного человека и групп людей, являются язык (диалект), семейно-родственные, религиозные и другие традиции, знание своих близких предков, сеока, эт-

нической группы, а также место проживания (село, район) и окружающая социальная среда.

На формирование этнического самосознания людей, относящихся к КМН, оказывают влияние внутренние и внешние факторы. Среди внутренних факторов следует выделить влияние семьи (родителей) и родственников. Большую роль играют личные представления человека о своем народе: его культуре (традициях), истории, известных представителях народа, положении народа и его возможностях в обществе (районе, республике). Заметное влияние оказывают и внешние факторы: местное сельское сообщество (односельчане), общеобразовательная школа, средства массовой информации, лидеры общественных и религиозных объединений, а также официальная пропаганда.

Органы государственной власти республики (Госсобрание, Правительство) проявляют пассивность в решении проблем КМН как на законодательном, так и на исполнительном уровне. Это выражается в отсутствии специальных законов и программ сохранения и развития указанных народов. Оценка работы (или ее отсутствия) органов власти республики представителями коренных этносов – адекватная: «никаких конкретных мер не принимают». Отношение к деятельности ассоциации КМН Республики Алтай, общественных объединений тубаларов, чалканцев, кумандинцев и теленгитов колеблется от положительного до резко отрицательного (преобладает). Последняя оценка просматривается и во взглядах экспертов, большинство которых отметили, что они никакой роли в улучшении жизни людей села не играют.

Современное социально-экономическое положение КМН можно оценивать как достаточно сложное. Они проживают в отдаленных и высокогорных местах Республики Алтай с суровыми, экстремальными климатическими условиями. Большая часть их территории приравнена к северным районам страны. Среди представителей этих этносов наблюдается самый высокий уровень безработицы (от примерно 60% взрослого населения в Кош-Агачском районе до 50% в Турочакском и Улаганском районах), массовое распространение пьянства, алкоголизма и различных заболеваний. Основным источником жизнеобеспечения населения указанных районов является личное подсобное хозяйство (с преобладанием животноводства). Кроме того, часть людей получает небольшие доходы от сезонных занятий: разрешенной и скрытой (браконьерской) охоты на пушного зверя и копытных животных, сбора кедрового ореха, ягод, лекарственных трав, сухих рогов маралов, косуль и т. д. Следует также отметить социальную поддержку населения через пенсии и различные пособия.

И. В. Куприянова

Фольклорные традиции Краснощековского района: исполнители и репертуар

В настоящей работе сделан общий обзор записанного в Краснощековском районе фольклорного материала и сопровождающих его сведений об источниках репертуара, месте и значении музыкальной культуры, не только в прошлом, но и в наши дни.

Краснощековский район неоднократно посещался фольклорно-этнографическими экспедициями и славится своими фольклорными традициями. В ходе комплексной экспедиции АлтГАКИ 2006 г. были существенно пополнены записи местного фольклорного материала: свадебных, календарных, лирических, солдатских, тюремных, плясовых, шуточных песен, частушек, игры на балалайке. Сделаны как одноголосные, так и многоголосные – от 4 до 6 исполнителей – записи полноценных аутентичных ансамблей в деревнях Карпово, Чинета, Усть-Чагырка, Усть-Пустынка и Усть-Козлуха. В каждой из них выявился свой особый репертуар, в отличие от ряда других районов, в селах которых поются практически одни и те же песни.

По-видимому, в большинстве случаев мы записывали исполнителей более молодого поколения, чем те, с которым работали наши предшественники. Многие из этих певцов родились в 1930-е гг., что, несомненно, отразилось на характере репертуара. Есть среди них совсем молодые исполнители: в Усть-Пустынке в записи участвовала Валентина Павловна Хлыстова, 1951 г. р., которая в некоторых песнях пела верх.

В с. Карпово удалось записать лишь одну исполнительницу – Веру Спиридоновну Шипилову, 1921 г. р., которая спела в числе прочих песню, сопровождавшую новогоднее посевание:

Поле ты, поле, сам Господь ходе,
Дева Мария по божницким сея,
Сею-посею рожь-пашаницкю,
Рожь-пашаницкю на каждаю божницкю,
Скользя в поле колосков, столькая в доме пирожков!

Ансамбль д. Усть-Чагырка состоялся из наиболее возрастных исполнителей – начала 1920-х гг. р., которые ранее пели с другими исполнителями и почти не пели друг с другом. Они исполнили такие песни, как «В островах охотник», «Сады мои, сады», хотя, к сожалению, не все им удалось воспроизвести полностью. Самая молодая исполнительница, участвовавшая в записи, Катерина Андреевна Чувалова, родилась в 1936 г.: именно она припомнила запев и слова большей части песен. Имея большой вокальный диапазон, она не только запевала, но и пела верх.

Рис. 1. Ансамбль д. Усть-Козлуха

Репертуар ансамбля Усть-Пустынки несет на себе отпечаток казачьей песенной традиции с. Тулаты Чарышского района, который на западе граничит с горной частью Краснощековского района. Эти населенные пункты разделяет всего 20 км, между ними, по-видимому, существовало постоянное сообщение, что и отразилось на репертуаре Усть-Пустынки. Например, песня «Проснулася станица» явно заимствована из репертуара казачьего ансамбля с. Тулаты. Вообще значительную часть записанного здесь репертуара составили солдатские песни: «Течет речка», «Мне вспомнятся лица товарищей верных», «Последний нынешний денечек».

По-видимому, в Усть-Пустынке старинные песни сохранились в памяти людей значительно лучше, чем в других местах. Участники записи упомянули о том, что многие старинные песни они исполняли в хоре, никогда существовавшем при клубе. В записи ансамбля Усть-Пустынки участвовали не только исполнительницы, но и один исполнитель – Павел Петрович Ткачев, 1929 г. р., который запевал солдатские песни. В одной из лирических песен – «Ходила я блудила в зеленом саду» – он даже спел верх. По его словам, эту песню в Усть-Пустынке пели мужчины: по содержанию она женская, но очень низкая для женского голоса.

Репертуар села Усть-Козлухи включает в себя несколько плясовых песен – «Посеяли девки лен», «Дуня я, Дуня я, Дуня ягода моя», шуточные – «Ой, в Таганроге», а также троичные хороводы – «Ты заря моя, зоренька», «Ой да налетали бы галочки».

Рис. 2. Ансамбль д. Усть-Чагырка

В сделанных нами записях музыкальный материал сопровождается комментариями, рекомендациями, касающимися манеры исполнения, истории бытования тех или иных песен. Павел Петрович Ткачев, который всю жизнь прекрасно играл на балалайке — мог играть много часов подряд, «пока кровь не пойдет с ногтя», — высказал свою точку зрения «насчет частушки». По его мнению, «Мордасова частушки петь не умеет, потому что она, когда пела, гордилась своим голосом», а частушка должна говорить о настроении человека. Тот, кто играет на балалайке, уже после второй частушки должен определить, какое у кого настроение. Если у женщины что-то с мужем неладно, то она и поет про измену, «а про измену надо обязательно с грустинкой петь. Если про любовь, то пускай свой голос полностью». А Мордасова пела — хоть урожай, она на полный голос поет, хоть и урожая нет, она все равно на полный голос пела! То есть гордилась своим голосом по всем правилам. Но частушка требовала: раз урожай плохой, надо было с грустинкой спеть. Ей никто не подсказал». По словам Павла Петровича, раньше «была очень хорошая дисциплина в песне: электричества не было, была лампа с пузырем, и вот запевает один, все — тишина! И как в одном месте хватят — ни одна лампа не терпела! Выдох воздуха: все в одно время».

Порой исполнители сетуют на то, что некоторые фольклористы «портят песни»: записывают, а потом поют «не так». Обычно на вопрос, откуда они узнали старинные песни, люди отвечают, что от родителей, ино-

гда — от теток и дядьев. Каждый исполнитель может припомнить в своем роду ярких, талантливых певцов. Иногда говорят: «Это дедова песня», или «Эту песню кум пел». Зинаида Митрофановна Еремина, 1938 г. р., из Усть-Пустынки, рассказала, что многие из них выучила, когда работала в бригаде, там же и научилась петь. Часто пели жены с мужьями, поют и до сих пор.

Встречаются также рассказы о роли песни в жизни человека. Например, Павел Петрович Ткачев рассказал, как его однажды едва не привлекли к суду за чужую вину, спасло то, что всегда ехал на телеге с песней, приметный был, и следователь решил: раз поет, значит, человек хороший.

O. B. Малышкина

Использование традиционных жилищ народов Сибири в современных экспедиционных условиях¹

Опыт использования традиционных сибирских жилищ в экспедиционных условиях достаточно интересен. Постановка жилища позволяет изучить некоторые вопросы прикладной этнологии коренных народов Сибири. В этом случае жилищная конструкция выступает как объект изучения и является полноценной экспериментальной площадкой. Кроме того, данный объект играет важную роль в ежедневной жизнедеятельности участников экспедиции.

Одним из первых традиционное переносное жилище сибирских народов стал использовать известный палеозоолог Н. Д. Оводов в 1980-е гг в зоне алтайского среднегорья при начале работ на Денисовой пещере. Центрально-Алтайским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А. П. Бородовского подобное жилище используется с начала 1990-х гг. Каждый полевой сезон чадыр сооружается на территории базового археологического лагеря. Это коническая переносная конструкция, достаточно простая при постановке и в использовании. Такие жилища представлены у многих народов Сибири: ненцев, селькупов, чукчей и других. Крытый конус из жердей — обязательный атрибут кочевок [3, с. 206]. Округлые в плане наземные сооружения с очагом существовали уже в палеолите. Подобная конструкция смоделирована для эпохи позднего палеолита А. Леруа-Гурланом [1, с. 218]. Можно предположить, что жилища сибирских аборигенов и палеолитические жилища внешне весьма сходны.

¹ Научный руководитель — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. кафедры ТИМК НГПУ А. П. Бородовский.

Центрально-Алтайским отрядом с 1991 г. чадыр ставился в различных природных условиях: в лесостепном Верхнем Приобье, Минусинской котловине, Саянах и Горном Алтае. Постановка такой конструкции является долгосрочным этноархеологическим экспериментом. На сегодняшний день осуществлено 42 постановки жилища (в летнее время). В среднем постановка чадыра проводится два раза за сезон при перемещении экспедиции на различные археологические памятники.

Опыт реконструкции чадыра не исчерпывается летним временем. Зимой мы проводим «Дни чадыра», когда он устанавливается на несколько часов в городских условиях.

Постановка жилища проводится следующим образом. Выбирается наиболее ровная площадка диаметром около 4 м. В зимнее время площадка очищается от снега и притаптывается. Сначала 3 вешки (жерди) связываются между собой у одного из концов веревкой, затем они устанавливаются так, чтобы расстояние между ними было примерно равным. У сибирских народов одна из сторон получившегося таким образом треугольника была направлена в сторону тропы, по которой люди пришли на эту стоянку. С той же стороны устанавливаются еще две жерди, образующие дверной проем. С двух других сторон устанавливается необходимое количество вешек между основными. Их общее количество в конструкции составляет от 3 до 15. При больших размерах жилища, например у ненцев, количество вешек достигает 40–50 [3, с. 207]. После установки жерди конструкции скрепляются веревкой по периметру на двух, иногда трех уровнях. Дверной проем провязывается только вверху.

Установленную конструкцию из жердей мы накрываем брезентовыми тентами, которые закрепляются веревками, иногда с использованием деревянных кольев. Жерди тоже могут укрепляться деревянными клиньями. Народы Сибири в качестве покрытия для жилища использовали шкуры животных, кору лиственницы, бересту.

В настоящее время у аборигенного населения Сибири существует проблема, связанная с материалом для покрытия жилищ. Брезент, который используется сегодня, значительно уступает по своим качествам традиционному покрытию. По мнению И. Н. Гемуева, необходимо промышленное изготовление такого покрытия, которое по качеству не уступало бы традиционному [2, с. 240]. В экспедиционных условиях нашим отрядом в разное время использовались полиэтилен, толь, kleenka и уже упомянутый брезент.

Внутри чадыра пространство имеет определенную организацию. В центре сооружения выкладывается очаг. Обычно для этого использует-

ся крупная речная галька. Напротив входа расположено место хозяина, над которым помещают изображения «духов-покровителей». С левой стороны от этого места – женская половина помещения, справа, соответственно, мужская половина. Чем моложе человек, тем ближе его место к выходу. Такая организация пространства соответствует традициям сибирских народов.

На протяжении всего времени использования чадыра нашим отрядом его внешний вид изменялся. Первые чадыры были выше, а их диаметр соответственно меньше. В поздних конструкциях используется большее количество вешек, что позволяет расширить диаметр за счет сокращения высоты. Максимальная высота конструкции при длине вешки 4,5 м составляет 4 м. Увеличение площади помещения связано с тем, что количество участников экспедиций со временем возрастало. Кроме того, в связи с необходимостью транспортировки вешек на дальние расстояния (более 500 км) пришлось сделать их короче, что, в свою очередь, привело к уменьшению высоты чадыра.

Такое сооружение, как чадыр, многофункционально. Его можно использовать как экспериментальную площадку и временное жилище с очагом. Он удобен для различных хозяйственных нужд: приготовления пищи, сушки одежды, периодически может быть использован в качестве бани. Кроме того, чадыр является одним из мест сосредоточения жизнедеятельности участников экспедиции.

С конца 1990-х гг. на турбазах в различных районах Горного Алтая началось воспроизводство традиционных алтайских жилищ. Чадыр был реконструирован на турбазах «Ареда-2», «Царская охота», на Усть-Канской туристической стоянке. Кроме того, чадыры устанавливаются на Эл-Ойне – традиционном алтайском празднике.

В экспедиционных условиях традиционное переносное коническое жилище народов Сибири является не только жилым или бытовым объектом, но и экспериментальной площадкой. Участники экспедиции могут в реальных условиях находиться в жилом пространстве, характерном для традиционной жизни сибирского аборигенного населения.

Литература

1. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение в основы. Новосибирск, 1994. 285 с.
2. Гемуев И. Н. К вопросу о традиционном образе жизни и традиционной культуре // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2004. С. 240–244.
3. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 600 с.

О. С. Мамонтова, И. В. Попова

Материалы комплексной экспедиции Алтайского государственного краеведческого музея в Краснощековский район. 2006 г.

Комплексная экспедиция Алтайского государственного краеведческого музея в Краснощековский район проходила с 26 июня по 5 июля 2006 г. В ходе экспедиции были повторно обследованы села Тигирек, Чинета, Краснощеково, Усть-Козлуха и впервые – с. Генералка [1, с. 176–180]. Основной целью экспедиции являлось комплектование материалов этнографического, исторического, естественнонаучного характера. Были поставлены следующие задачи: сбор предметов материальной культуры и устной истории населения района по темам: «Изготовление и использование утвари», «Санитарно-бытовая культура сельского населения», «Народная медицина», «Традиции питания и пища», «Алтайское село в предвоенный и военный период»; фото- и видеосъемки населенных пунктов, жилых и надворных построек, трудовых процессов, памятников природы. Планировалось уделить особое внимание подворному обходу с. Тигирек, в котором проживают потомки этнической группы «казаки». В данной публикации мы коснемся этнографического и исторического направлений полевых сборов музея.

Так как экспедиция носила комплексный характер, полученные материалы – 109 единиц – можно разделить на две группы: этнографическую и историческую. Предметный этнографический ряд насчитывает 31 единицу. В основном это предметы быта XX в.: орудия труда, предметы утвари, интерьера и религиозного культа. Во время экспедиции собран комплекс утвари, включающий предметы из дерева, бересты, глины. Так, Нина Петровна Деева, 1940 г. р., жительница с. Тигирек, передала туес первой трети XX в. Поверхность туеска покрыта орнаментом в виде мелких звездочек, выполненных в технике тиснения. Очередной лепной сосуд – «сливочник» первой половины XX в. дополнил комплекс керамики из с. Тигирек [1, с. 176–177]. Сосуд представляет собой большой горшок с носиком. На стенке «сливочника» изображен крест. К сожалению, нам не смогли объяснить значения этого символа. По словам Тамары Ивановны Корыповой, 1946 г. р., жительницы с. Тигирек, подобные сосуды, наполненные сливками, самовары и угощения брали на сельские гуляния в честь престольных праздников.

Орнаментированные детали ткацкого стана (векошки, набилки) были обнаружены в пустых домах сел Тигирек и Генералка. Предметы датируются первой половиной XX в. Векошки различных размеров и форм (крестообразная, округлые) украшены крестами, полосками-насечками. В центре верхней планшетки набилок изображена елочка. Таким

Рис. 1. Дом семьи Корыповых, построенный в с. Тигирек в начале XX в.

образом, большинство предметов собранного комплекса орнаментированы, что нечасто встречается в полевых сборах последних лет.

Исторический ряд, насчитывающий 32 единицы, включает форменную одежду, предметы быта, интерьера, документы, награды 1940–1950-х гг. Получен ряд вещей от участников Великой Отечественной войны. Интересен рукописный песенник 1944–1945 гг., переданный Галиной Петровной Кретининой, 1923 г. р., жительницей с. Краснощеково. В годы войны она служила радиотелеграфисткой на авиационной базе Тихоокеанского флота. Песенник выполнен на картах Японии моряками-сослуживцами и являлся подарком. (В 2005 г. Г. П. Кретинина передала парадную форменку, пояс, удостоверение и фотографию 1944 г.) От жителя с. Усть-Козлуха Григория Ефимовича Харлова, 1922 г. р., поступили две гимнастерки 1943–1949 гг. Во время войны он служил в составе внутренних войск НКВД. Гимнастерка 1943 г. сшита в мастерской воинской части из английской ткани, полученной по ленд-лизу.

Во время экспедиции было получено 46 фотографий начала XX в. – 2001 г. Самые ранние снимки относятся к периоду Первой мировой войны. На фотографиях запечатлены участник Первой мировой войны Гурь-

Рис. 2. Тамара Ивановна Корыпова, 1946 г. р., с ручной маслобойкой

ян Силеверстович Романов, житель с. Чинета, и гимназист Петр Алексеевич Михайловский, житель с. Колывань. Собранны снимки 1920–1930-х гг., редко встречающиеся в наши дни: семья донских казаков, крестьяне из колхоза «Красное знамя» с. Талый Ключ (ныне не существует), кузнецы

колхоза «Красный пахарь» (с. Усть-Козлуха), делегаты от Алтайского края на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Музейные фонды пополнились снимками Героев Советского Союза Павла Ефимовича Никулина (1909–1951), Ивана Ивановича Лихачева (1922–1987), участников Великой Отечественной войны Григория Ефимовича (1922 г. р.) и Василия Семеновича (1927 г. р.) Харловых.

Во время экспедиции были интервьюированы 25 человек. Основная масса информаторов – 1917–1946 г. р., поэтому удалось собрать материал по интересующим нас вопросам. По теме «Традиции питания и письма» записаны рецепты приготовления первых блюд, мучных изделий, напитков, дрожжей. В с. Тигирек собраны рецепты праздничных и ритуальных блюд, вяленья и копчения мяса.

В селах Тигирек, Чинета и Усть-Козлуха зафиксированы следы гончарного ремесла. Нам удалось получить описания процесса изготовления посуды, ее использования. Информаторы подчеркивали, что лепкой занимались в основном женщины. Участники экспедиции собрали информацию о бондарном, токарном и кузнечном ремеслах, просуществовавших в обследованных селах вплоть до 1960–1970-х гг. В каждом населенном пункте были записаны рассказы о мастерских, которые изготавливали мебель, утварь на продажу и по заказу односельчан.

В рамках темы «Санитарно-бытовая культура сельского населения» основное внимание было удалено изучению бань. В названных селах проведена фотосъемка бань, топившихся «по-черному», записаны традиции использования бани.

Отражение в интервью нашли и взаимоотношения различных групп населения: казаков и крестьян, старожилов и переселенцев. Анастасия Федоровна Карташова, 1922 г. р., рассказала, что жителей с. Тигирек называли «казарва», с. Чинета – «рожки», с. Генералка – «поляки», с. Усть-Чагырка – «кулики», с. Усть-Белое – «пирожки».

Тема «Алтайское село в предвоенный и военный период» представлена детскими и юношескими воспоминаниями. Местные жители рассказывали о быте, тяжелых условиях труда, больших налогах, голоде.

Таким образом, в ходе экспедиции были собраны образцы материальной культуры старожильческого населения юго-восточной части Краснощековского района, интереснейшие комплексы фотографий и документов, отражающие жизнь алтайского села с конца 1930-х по 1950-е гг. Фонды музея пополнят также сборы по устной истории, записанные на аудио- и виденосителях. Материалы находятся в процессе изучения. Позже они будут представлены на новых выставках и в музейных публикациях.

Литература

1. Попова И. В., Мамонтова О. С. Полевые этнографические сборы Алтайского государственного краеведческого музея. Краснощековский район, 2006 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005.: Археология, этнография, устная история. Вып 2: Материалы II регион. науч.-практ. конф. 1–2 дек. 2005 г. Барнаул: БГПУ, 2006. С. 176–180.

Н. Некрасова

Научная историко-этнографическая экспедиция Музея истории Алтайской государственной академии культуры и искусства

Этнографические исследования народов, проживающих на территории Алтайского края, имеют давние традиции. Этнографический материал, наряду с археологическими и письменными источниками, является хранителем уникальной информации о местной истории. В августе 2006 г. Музеем истории Алтайской государственной академии культуры и искусств была совершена первая научная историко-этнографическая экспедиция в Краснощековский район Алтайского края с целью сбора воспоминаний о традиционном быте крестьянского населения, существовавшем в форме отдельных элементов примерно до послевоенного периода. Руководителем экспедиции была канд. ист. наук И. В. Куприянова. Экспедиция длилась 10 дней. Краснощековский район неоднократно посещали этнографические экспедиции различных научных и образовательных учреждений, однако особенностью нашей экспедиции стало то, что, помимо сбора мемораторов, была проделана работа по изучению предметов материальной культуры Краснощековского районного краеведческого музея, а также сделано научное описание предметов материальной культуры, хранящихся вне музея, в семьях старожилов.

Маршрут экспедиции прошел по старейшим населенным пунктам Краснощековского района: это села Краснощеково, Карпово, Чинета, Усть-Чагырка, Усть-Пустынка и Усть-Козлуха. Таким образом, кроме районного центра и близлежащего села Карпово, нами была обследована юго-восточная, горная часть Краснощековского района. Обстоятельства помешали посетить один из интереснейших населенных пунктов района – бывший казачий форпост Тигирек (помешала погода). Однако нам удалось поговорить с некоторыми жителями этого села, которые находились в гостях у своих родственников в Чинете, и отчасти воссоздать картину его традиционного уклада.

Краснощековский район является одним из интереснейших мест Алтая, как в природном, так и в историческом отношении.

В ходе экспедиции удалось выявить данные по истории возникновения лишь некоторых сел Краснощековского района. История с. Красно-

щеково уходит корнями в далёкое прошлое — к 1748 г. Основано оно было ссыльными переселенцами, приехавшими из северной тайги. Первыми поселенцами были Дубровины, Волокотины, Паутовы, Пастуховы и др., всего до десятка дворов. Поселились они на лугу, недалеко от р. Чарыш. Поселок назвали Краснощеково. Происхождение названия толкуют по-разному: одни говорят, что у первого вожака-переселенца была корова краснощекая, другие — что его жена была с большим румянцем на щеках. Позже село было приписано к Колыванским заводам. С 1890 г. в Сибирь стали прибывать переселенцы. В 1900 г. в селе было примерно 150 дворов, а к 1914 г. — до 700.

Деревня Усть-Козлуха ведет отсчет своей истории от конца XVIII в., когда по указу императорского величества крестьянскому десятнику Андрею Харлову в ноябре 1781 г. было разрешено поселение. Его планировку определили две речки — Козлушка и Маралиха. Вдоль берегов и тянутся улицы. Информаторы сообщают, что бывали времена, когда две трети населения носили фамилию Харловы. И сейчас большинство старожилов носят именно эту фамилию.

В ходе экспедиции нам удалось встретиться с интересными людьми, которые изучают прошлое своего района. Один из них — уроженец с. Карпово Николай Матвеевич Попов, написавший книгу об истории своего села. Летопись села Николай Матвеевич начал писать еще в советское время, когда был секретарем парткома. «Тогда было модно заниматься историей, — говорит он, — все началось с этого, а потом стало интересно». Николай Матвеевич встречался со многими краеведами, работал во многих библиотеках и архивах.

Особенно запомнилась встреча в с. Карпово с известным мастером, занимающимся изготовлением музыкальных инструментов, — Александром Яковлевичем Елифанцевым. Нам была представлена целая коллекция музыкальных инструментов, в том числе таких, изготовлению которых он посвятил не один год. К примеру, двухтональная волынка-коза делалась три года. Талант, интуиция и невероятное трудолюбие позволили мастеру изготовить уникальные образцы инструментов не только русского, но и других народов мира, при отсутствии чертежей и подробных описаний. Общение с А. Я. Елифанцевым было продолжено после завершения экспедиции: была налажена переписка, кроме того, нам удалось найти и отправить ему «Энциклопедию музыкальных инструментов» — книгу, которая поможет этому выдающемуся энтузиасту своего дела в его дальнейшей работе.

В настоящее время многообразие традиционной культуры русских крестьян Алтая в основном хранится лишь в памяти сельских старожи-

лов и почти незнакомо их детям и внукам, живущим в реалиях современности. Исследования проводились среди старожилов 1910–1920-х гг. рождения по таким темам, как жилище, одежда, кулинария, традиционные занятия, медицина, календарные и семейные обряды, игры, традиции воспитания детей, фольклор и др.

Наиболее яркое впечатление оставил фольклорный материал. Алтай, как и многие этнические регионы России, по праву считается богатым песенным краем. В ходе экспедиции было зафиксировано большое количество образцов местного фольклора – свадебных, колыбельных, лирических, плясовых песен, хороводов. Удалось записать также частушки, в том числе под балалайку, с элементами пляски.

В настоящее время материал, полученный в экспедиции, находится в процессе изучения, активно систематизируется и обрабатывается.

Итак, экспедиция показала, что хотя материальная культура крестьян конца XIX – начала XX вв., к сожалению, во многом утрачена, бесследно исчезли многие ее образцы, все же отдельные элементы могут быть восстановлены по описаниям информаторов. В дальнейшем работа по сбору информации, относящейся к традиционному быту народов, проживающих на территории Алтайского края, студентами отделения музееведения будет продолжена.

М. А. Овчарова

Развитие сети национальных школ в Алтайской губернии (в конце XIX — начале XX в.) на примере чувашей и башкир

Изучение особенностей этнического развития дисперсно расселенных групп, проживающих в отрыве от основной массы этноса, вне его территории, является одним из актуальнейших направлений исследования российской этнографической и исторической науки [1, с. 21]. Перед исследователями встает задача изучения специфики этнического развития региональных локальных групп, выявления факторов, влияющих на адаптацию (хозяйственную, духовную, языковую) к новым внешним условиям и обстоятельствам, а также условий для сохранения и трансляции традиционной культуры. Для жизнедеятельности этноса наряду с этническим самосознанием и хозяйственно-экономическим укладом большое значение имеет язык. Он играет важную роль в жизни этноса и сохранении этнической идентичности, особенно региональных этнических групп, проживающих в иноэтническом окружении, так как служит средством накопления и передачи информации от поколения к поколению (этнической памяти), выступает как этноконсолидирующий фактор. Сохранность языка как базы сохранения этнической идентичности

зависит от внешних внеязыковых факторов и явлений. Среди них такие, как численное соотношение населения, продолжительность проживания, социально-экономические условия, политика государства. Любая региональная этническая группа, находящаяся в иноэтническом окружении, не имея связи с исторической родиной, не создав национальных объединений, не открыв школ с обучением на родном языке, через определенное время потеряет этнические признаки и ассимилируется с титульным этносом. Следовательно, одним из важных путей сохранения этнической культуры этноса выступает обучение родному языку.

Сибирь, Алтайская губерния явились местом масштабного притока переселенцев из разных губерний Европейской России – украинцев, белорусов, мордвы, башкир, чувашей и др. В начале XX в. восточные окраины Российского государства, Сибирь и Дальний Восток, относились к числу регионов, в которых хотя и преобладал русский компонент, но весьма значителен был и процент нерусского населения, как коренного, автохтонного, так и пришлых национальных меньшинств. Каждый этнос принес свой язык, свою культуру, но внутри него различные социальные группы имели разный уровень образованности. Высокий процент грамотных был среди немцев, эстонцев, латышей. Переселяясь на новую территорию, эти этносы первым делом в селах создавали за счет общественных средств национальные школы для обучения своих детей языку. Другая ситуация была у переселенцев чувашской, украинской, мордовской национальностей, среди которых был высокий процент неграмотных. Оказавшись в полигэтническом окружении, они стремились в большей степени адаптироваться к другому языку, нежели сохранить свой.

Из переселившихся этносов, относящихся к тюркской группе, в Алтайской губернии преобладали чуваши, которые прибыли сюда еще в первой половине XIX в., позднее появились башкиры (табл. 1). Так, в Томской губернии, по данным переписи 1897 г., чувашей насчитывалось 2 807 чел., наибольшее их число проживало в Томском, Мариинском, Барнаульском и Кузнецком округах. Народности, численность которых в пределах крупных административных единиц не превышала 100 чел., были сведены в таблицах в общую группу «прочие», и их распределение по отдельным национальностям дается лишь в виде итогов по соответствующим административным делениям (губерниям, областям, округам). Это касалось и башкирского населения, которого в целом по Томской губернии насчитывалось 109 чел. и поэтому оно не выделялось по численности среди основного населения губернии. Грамотных среди чувашей и башкир в губернии, по данным на 1897 г., не было [2].

**Численность чувашей и башкир (обоего пола) Томской губернии по данным
Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.**

Губерния, округа	Башкиры	Чуваши	Губерния, округа	Башкиры	Чуваши
Томская губерния	109	2 807	Кайнский округ	29	299
Барнаульский округ	5	535	Кузнецкий округ	2	597
Бийский округ	—	118	Мариинский округ	13	644
Змеиногорский округ	1	13	Томский округ	—	599

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Троицкого. Т. LXXIX, Томская губерния. СПб., 1905

В волостях Алтайской губернии выделялись населенные пункты, в которых чуваши по численности являлись преобладающим этносом. Так, в Барнаульском округе это были волости, находящиеся в лесостепной зоне: в Касмалинской волости – д. Костин Лог (чувашей 293 чел.); в Покровской волости – д. Кочки (47 чел.); в Чингисской волости – д. Крутишка (83 чел.) в Бийской округе Ануйской волости – д. Калиниха (чувашей 87 чел.) [3].

Развитие самобытности народов России, поддержка общеобразовательных национальных школ и культурно-национальных обществ, сохранение культурного наследия и языка являются важными государственными вопросами. Особая роль во взаимодействии и взаимовлиянии культур в многонациональном государстве принадлежала школе, в том числе национальной, которая строилась на включении детей в собственную этнокультурную традицию. Эти вопросы были всегда актуальны для многонациональной Сибири, в том числе для Томской губернии, а затем для Алтайской. Проблема получения образования нерусским населением волновала общественность и государство и до Октябрьской революции, и в первые десятилетия советской власти. Дореволюционная школа в России была преимущественно конфессиональной, в том числе и мусульманской, и, как правило, создавалась по инициативе прихожан. В 70-х гг. XIX в. российским правительством были приняты меры для организации системы народного просвещения в среде мусульманских народов, имевшие конечной целью их русификацию и слияние с русским народом. Суть их сводилась к тому, что просвещение инородцев должно было вестись при помощи миссионеров, учителей, вышедших из своей среды, на родном языке. Именно преподавание на родном языке в течение первых двух лет должно было подготовить учащихся к изучению русского языка. Таким образом, в школах обязательно вводилось преподавание русского языка. В 1875–1876 гг. в г. Томске было создано первое русско-татар-

ское училище для мальчиков. Второе частное магометанское мужское училище в Томске было открыто в 1897 г., на 1 января 1900 г. в нем обучались 25 мальчиков. В 1905 г. в Томске открывается третье частное мужское училище Хамитова [4].

В конце XIX – начале XX в. в Сибири развернулось движение за демократизацию мусульманского образования в связи с тем, что образование в мусульманских школах не отвечало современным тенденциям и носило в основном схоластический характер. На этой волне в Сибири развивается мусульманское просветительское движение. В 1909 г. был утвержден устав общества мусульман-прогрессистов, которое ставило своей целью улучшение и развитие культурной, правовой, экономической жизни мусульман и распространение современного просвещения в Томской губернии. Силами этого общества в разных городах Сибири открывались русско-татарские школы. В г. Барнауле в январе 1913 г. было разрешено открыть три частных магометанских начальных училища (два для мальчиков, одно для девочек) с четырехлетним курсом обучения [5]. Мусульманские школы разных типов: русско-татарские, светские и конфессиональные – существовали в Сибири везде, где жили мусульмане. Конфессиональные школы, в которых обучались мальчики, открывались вместе с мечетями. Однако определить общее число магометанских школ в дореволюционной Сибири не представляется возможным, поскольку многие из них существовали на положении «скрытых», неизвестных для администрации региона.

Новые условия были созданы для развития национальной школьной политики после революции 1917 г. Многие этносы, проживая в крае сравнительно недавно, находясь в инонациональной среде, не успели утратить национального самосознания, культурно-этнических особенностей. Поэтому их не обошли стороной развернувшиеся в начале XX в. процессы национального возрождения, вылившиеся в стремление к национальной самоорганизации и самоуправлению, что должно было способствовать сохранению самобытной культуры. Видимо, это явилось одной из причин того, что именно Сибирь оказалась своеобразным полигоном, где была предпринята попытка реализации механизма решения проблем национальных меньшинств – создание культурно-национальных автономий.

С первых дней революции 1917 г. в Сибири начинается процесс создания национальных обществ. Создание культурно-национальной автономии мусульман становится их программным лозунгом. Состоявшийся в начале мая 1917 г. в Москве съезд мусульман, на котором была представлена Сибирь, принял резолюцию, предусматривающую право на куль-

турно-национальную автономию для национальностей, не имеющих определенной территории. Объединенное заседание мусульманских съездов в Казани в июле 1917 г. призвало уже к «немедленному осуществлению национально-культурного самоуправления». На местах началось строительство органов мусульманской автономии. Летом 1917 г. на мусульманском съезде Томской губернии был избран губернский мусульманский совет и исполнительный комитет. К осени 1917 г. уже возникла целая система национальных советов (Милли-шуро), губернских, уездных, городских. Логическую черту в создании органов мусульманского самоуправления подвел I сибирский мусульманский съезд, состоявшийся осенью 1917 г. в Томске, на котором были представлены все мусульманские организации Сибири. На нем была провозглашена национально-культурная автономия мусульман внутренней России и Сибири и принят проект ее устройства. По этому документу вопросы религии, просвещения и языка переходили в «руки самих мусульман» [6]. Предполагалось, что во всех школах, открытых для тюрко-татар, обучение будет вестись на татарском языке. Для покрытия расходов на культуру, просвещение, религию предусматривалось ежегодное выделение из общегосударственного бюджета соответствующих средств. На этом съезде была также принята развернутая программа развития мусульманских школ, она базировалась на следующих критериях: автономности, однотипности, общедоступности, светскости, бесплатности начального национального образования с преподаванием на родном языке.

После прихода к власти большевиков декретом СНК РСФСР «О свободе слова, совести, церковных и религиозных обществ» от 20 января 1918 г. школа отделялась от церкви, запрещалось преподавание вероучений во всех общеобразовательных учреждениях. Этот декрет разрушал сложившуюся традиционную систему обучения, поскольку религия входила в учебную программу. К началу 1918 г. мусульманские школы еще оставались полуконфессиональными, религия входила в учебные программы. До революции национальные школы содержались в основном за счет частных пожертвований. В результате их положение было крайне неустойчивым из-за нерегулярного поступления средств существовала угроза их закрытия. После установления советской власти эти вопросы стали активно решаться. Министерство просвещения и отделы народного образования добились включения национальных школ в общую сеть школ, чтобы они наравне со всеми получали финансирование.

Национальная школьная политика советского государства базировалась на общих принципах национальной политики, утвержденных в декларации прав народов России. Постановление Наркомпроса «О шко-

лах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. были сформулированы основные принципы народного образования – право всех народов на организацию обучения на родном языке. Школы национальных меньшинств объявлялись государственными. В основу организации национальных меньшинств было положено групповое объединение – народы западной культуры и народы восточной культуры. Было создано два совета: совет по просвещению народов западной культуры и совет по просвещению народов восточной культуры, которые действовали при губернских отделах народного образования и должны были контролировать всю культурную, политическую, просветительскую деятельность среди представителей различных национальностей [7]. Так, в 1918 г. в городскую школьную сеть Барнаула и Новониколаевска (Новосибирска) были включены латышская, эстонская и мусульманские школы. Это решение мотивировалось тем, что забота города должна касаться всех национальностей свободной России.

С развитием системы национального образования остро встал вопрос подготовки педагогических кадров и повышения качества образования. Подготовка кадрового состава для мусульманских школ проводилась прежде всего через организацию педагогических курсов, например в Тобольске, Томске. Важнейшим событием для мусульман Сибири стало открытие в Томске тюрко-татарской учительской семинарии (16 октября 1917 г.) [8]. Это было первое в Сибири специальное учебное заведение для подготовки учительских кадров для тюрко-татарских начальных школ со светским образованием на родном языке и с преподаванием русского языка. После установления советской власти в Сибири во всех губерниях создаются подотделы национальных меньшинств при отделах народного образования. В данной ситуации огромную роль для сохранения этнических групп играла государственная национальная политика 1920–1940 гг.

В последующие годы процесс переселения на земли Алтайской губернии не прекращался, более того, начало XX в. вследствие правительственные мероприятий, голода в европейской части России ознаменовалось мощным всплеском переселенческого движения. По предварительным данным переписи 1920 г., больше всего татарских домохозяйств было в Бийском уезде (187), Барнаульском (58); в Каменском и Славгородском не было вовсе [9]. О численности чувашского и башкирского населения мы можем говорить по данным Всесоюзной переписи 1926 г., которая действительно охватила все без исключения районы Сибири. При этом важно не упустить из виду, что перепись 1926 г. была единственной советской переписью, которая имела целью определить не собствен-

но национальный, а этнографический состав населения. В результате число народностей по перечню 1926 г. значительно превышает число национальностей по перечню всех позднейших переписей населения. По этим данным численность чувашского и башкирского населения по сравнению с 1897 г. возросла более чем в 6 раз, но грамотных среди чувашей было всего 25%, а среди башкир – 29%.

На территории Алтайской губернии основная масса чувашского населения расселилась в Бийском округе (1950 чел.): в Ельцовском районе (770 чел.), Тогульском (770 чел.). Башкиры в силу их немногочисленности не выделялись в качестве преобладающего этноса (табл. 3).

Таблица 2

Население Сибирского края по народности и родному языку по переписи 1926 г.

Народность	Обоего пола	Число лиц с родным языком своей национальности (муж.)	Грамотных обоего пола	Грамотных на языке своей национальности
Чуваши	46 233	41 369	11 947	6 104
Башкиры	2 194	976	648	98

Составлено по: Всесоюзная перепись 1926 г. Сибирский край. Т. VI. (Население по народности, родному языку). М., 1928

Таблица 3

Численность чувашей и башкир (обоего пола) в Алтайской губернии по данным на 1926 г.

Округа и районы с преобладанием чувашского и башкирского населения	Чуваши	Башкиры	Округа и районы с преобладанием чувашского и башкирского населения	Чуваши	Башкиры
Бийский округ	1 950	82	Мамонтовский	248	
Тогульский район	770		Каменский округ	1 164	6
Ельцовский район	664		Каменский район	451	
Башталакский район	205		Спиринский район	395	
Барнаульский округ	1 429	11	Славгородский округ	347	26
Чумышский район	368		Рубцовский округ	311	2
Боровской район	268				

Процесс организации советских школ национальных меньшинств в Алтайской губернии (после разделения Томской и Алтайской губерний) начался в начале 1920 г. В создаваемых школах преподавание должно было вестись на родном языке в начальной школе, на втором году обучения вводился русский язык, чтобы дети, окончив начальную школу, могли свободно перейти на следующую ступень. К 1921 г. на территории уездов

были созданы подотделы национальных меньшинств: так, в 1921 г. на территории Бийского уезда действовали следующие подотделы: алтайский, киргизский, украинский, эстонский, латышский, мордовский, чувашский, татаро-киргизский. С организацией деятельности национальных подотделов вводились должности инструкторов, их количество определялось в соответствии с национальностями, проживающими в уезде.

В Бийском уезде действовали инструкторы: алтайцев – 1, мордвы – 1, татар – 1, чувашей – 1, эстонцев – 1, латышей – 1.

В Горно-Алтайском: алтайцев – 5, киргиз – 1, мордвы – 1.

В Змеиногорском: немцев – 2, мордвы – 1, татар – 1, латышей – 1.

В Барнаульском: немцев – 2, татар – 2, латышей – 1, эстонцев – 1, мордвы – 1, украинцев – 2.

Подотделы национальных меньшинств занимались не только организацией образовательного процесса, но и культурно-просветительской работой. При них действовали библиотеки, различные кружки, клубы, организовывались выставки, концерты, театры. Они фактически являлись центрами национальной культуры, способствовали сохранению самосознания, языка в инонациональной среде. В Барнауле работали 2 мусульманские школы, в которых обучалось 58 школьников. Обучение велось на татарском языке, в школах был хороший подбор учебных пособий. К концу 1920-х гг. в Сибири действовали 142 татарские школы (имеется в виду язык обучения) и 31 чувашская [10].

В целом развивающаяся школьная политика способствовала тому, что в конце 1920-х гг., по данным всесоюзной школьной переписи, в Алтайской губернии действовали 4 татарские школы (язык обучения татарский): 1 – в г. Бийске; 1 – в Рубцовском районе, 2 – в Ключевском (Назаровская и Усть-Калманская школы) и 1 чувашская школа в Тогульском районе (д. Михайловская) [10].

Таким образом, создание массовой национальной школы сопровождалось эволюцией ее структуры (переход от конфессионального к светскому образованию). На смену приходит советская школа, которую национальной можно назвать лишь с точки зрения преподавания родного языка и только до конца 1930-х гг.

Литература

1. Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Троицкого. Т. LXXIX, Томская губерния. Спб., 1905.
3. Составлено по: Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев: (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Тобольская, Томская, Енисейская губернии. СПб., 1911.

4. Нам И. В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы — томичи, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. С. 75.
5. Муравьева Л. В. Из истории татарского национального образования в Томске (20–50-е гг.) // Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы. Томск, 2002. С. 177.
6. Нам И. В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы — томичи, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. С. 74–75.
7. Культурно-национальная автономия в истории России: документальная антология. Т. I. Томск, 1998. С. 130.
8. ЦХАФ АК Ф. 141. Оп. 1. Д. 66.
9. Составлено по: Этнографический состав населения Алтайской губернии по предварительным данным Всероссийской переписи 1920 года // Бюллетени Алт. Губ. Стат-бюро. 1921. № 5. С. 2
10. ЦХАФ АК Ф. 328. Оп. 1. Д. 8.

O. B. Ремизова

**Межэтнические отношения в Тогульском районе Алтайского края
(по материалам ИЭЭ 2006 г.)**

Сферу моих научных интересов представляют миграционные процессы в Алтайском крае в 1930–1950-е гг., складывание этнической картины и межэтнических отношений в Алтайском крае в этот период. Целью исследования является развитие миграций и межэтнических взаимоотношений и контактов в контексте репрессий, принудительных переселений и спецпереселений.

В процессе исследования наряду с письменными источниками применялись и устные исторические источники, которые представляют собой материалы интервьюирования старожилов с целью сбора воспоминаний и впечатлений о событиях и явлениях, участниками которых они являются.

При анализе материала, который дают устные источники, возникает ряд трудностей. Одна из них заключается в том, что в среде каждой группы переселенцев существуют свои, условно говоря, подгруппы, к каждой из которых отношение было разным в силу разных причин, которые необходимо учитывать для наиболее точного анализа и выявления полного спектра отношений между представителями различных этносов, причем имеющих разный социальный статус.

Отношения с одной из самых многочисленных групп принудительных мигрантов – немцами – менялись на протяжении всего периода изучения под влиянием различных факторов. Можно выделить два пути появления немцев на территории Алтайского края: депортация и репатриация. Депортированных немцев воспринимали настороженно под

влиянием двух факторов: антинемецкой пропаганды и новизны культуры. По мере узнавания культуры, образа жизни, отношения к труду вновь прибывших представление о них менялось.

К моменту появления репатриированных немцев сознание местного населения было ориентировано на терпимое отношение к ним. Теперь немецкий этнос не рассматривался как нечто новое и необычное; кроме того, судьба репатриированных немцев виделась схожей с судьбой многих людей, пострадавших от немецкого плена, что делало немцев в какой-то мере «товарищами по несчастью» для местного населения. Под влиянием названных факторов отношения с этой группой складывались бесконфликтные, им старались помогать, жалели.

В ходе историко-этнографической экспедиции в Тогульский район в 2006 г. под руководством д-ра ист. наук, проф. Т. К. Щегловой был собран богатый материал. Респондентами стали представители немецкого этноса, переселенные из г. Бальцер (Красноармейск) в Республике немцев Поволжья. Это люди, получившие хорошее образование, по профессии экономисты, бухгалтеры, учителя. Они подробно рассказывают о том, как происходило переселение, на каком транспорте и как долго ехали, как обустраивались на новом месте, каким было отношение к ним, как проходила трудовая деятельность [1, 3, 4]. Удалось также собрать интересные сведения об отношениях молодежи разных национальностей, о межнациональных браках и отношении к ним, о сохранении национальных традиций в приготовлении пищи, в ведении домашнего хозяйства в новых условиях.

Яркие воспоминания у респондентов остались о первых годах жизни в районе, о бытовых условиях. Довольно неохотно говорят информанты о начальном периоде взаимоотношений с местными жителями. Рассказывают о помощи, оказываемой некоторыми людьми, но отмечают, что в самом начале отношение было недоброжелательным [2, 8]. Тем не менее, с началом трудовой деятельности и в процессе дальнейшего общения отношение к переселенцам менялось в лучшую сторону. Самую важную роль во взаимоотношениях с местным населением сыграло то, что с началом трудовой деятельности немецкие переселенцы показали себя как умелые, аккуратные и трудолюбивые работники, знающие свое дело.

Вообще вопрос о трудовой деятельности вызывает большое оживление, и респонденты рассказывают об этом очень подробно. Практически все переселенные немцы нашли рабочие места на новом месте жительства, в с. Тогул. Некоторые работали в сельской администрации секретарями, бухгалтерами, многие позднее стали работать в школе. В селе до сих пор помнят директора маслозавода Якова Мартыновича Берша

как умелого руководителя, после ухода которого предприятие пришло в упадок [1]. Немецкие переселенцы не оставались в стороне и от общественной жизни. Например, Роберт Эммануилович Губер рассказывает о процессе приема его в партию, о том, что поручителями за него выступили местные жители, русские, и что «никакого предвзятого отношения в этом деле не видел, наоборот, помогали, советовали, подсказывали, а потом и отпраздновали вместе» [3].

На вопросы о том, как проходил досуг, особенно у молодежи, рассказывают, что проводили вечерки, тырла, на которые приходили и местные, и вновь прибывшие: «Да, все приходили, тогда как-то не различали — „наш — не наш“, парней мало, всем рады, а с ними и весело, они же еще и по-нашему не очень говорили, это потом научились, а сначала — потешно так. Некоторые дразнили сначала, но у нас с этим строго, нечего хулиганить. У меня подружка была немочка, аккуратная, работящая, ну как можно на таких людей ругаться. Да и молодежь-то не злая была, всё больше дружились» [8].

Одним из важнейших показателей межэтнического взаимодействия являются смешанные браки. Были опрошены семейные пары, в которых муж и жена являются представителями разных национальностей. Рассказывают о некотором нежелании немецких семей принимать к себе невестку или зятя — русских. Евдокия Ивановна Реель, 1935 г.р., русская, с. Тогул, рассказала о семье своего мужа-немца: «Они меня не хотели. Мать его как-то потом поласковее стала, а сестра все даже разговаривать не хотела, и при мне нарочно на немецком говорила, а муж на нее прикрикнул, чтоб по-русски при мне... а потом мы отдельно стали от них жить, дети пошли, да и сроднились вроде...» [6]. А вот невестку-немку русская семья принимала гораздо охотнее, о чем свидетельствует Клара Гансовна Соколова, 1923 г. р., немка, с. Тогул: «Его родители рады были, что он меня привел, у меня всегда в доме аккуратно было, и мама его тоже чистюля была, так она сначала приглядывалась, а потом сказала как-то, что, мол, другой невестки и не представляет... и ни разу, даже ни в пьянке какой, нигде... меня национальностью не попрекнули и не обидели...» [7]. В парах, где русская девушка выходила замуж за немца, немецкие традиции в приготовлении пищи, праздниках и т. д. сохранились гораздо меньшей степени, чем в тех семьях, где жена была немкой. А при заключении моноэтнических браков сохранялись почти все традиции и языки, хотя дети, родившиеся на Алтае, языки знают хуже или совсем не знают [2; 5].

Трудностью, с которой приходится сталкиваться в процессе исследования данной темы по устным источникам, является разный объем ин-

формации о различных этносах, сохранившийся в памяти местного населения и представителей других этносов. Об одном этносе, например о немцах, традиционно выдается много подобного, яркого, достоверного материала, о другом, например о калмыках, воспоминания смутные, часто мифологизированные, а о третьих вообще нет никаких подробностей, одно лишь сухое перечисление: о литовцах, латышах, молдаванах и др., что, безусловно, не позволяет дать объективную и полную оценку процессу складывания межэтнических взаимоотношений в крае в 1930–1950-е гг. Изучение процесса складывания взаимоотношений с местным населением этих групп переселенцев будет основываться большей частью на статистических данных.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Берш Е. И., 1924 г. р.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Бендер Р. А., 1930 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Губер Р. Э., 1930 г. р.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Гиль Н. А., 1920 г. р.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Воробьев Ф. А., 1927 г. р..
6. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Реель Е. И., 1935 г. р.
7. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Соколова К. Г., 1923 г. р.
8. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. в Тогульском районе, с. Тогул, Фех И. И. и З. А., 1928 г. р., 1927 г. р..

Е. Савченко

Влияние переселенцев на русскую языковую систему на примере Романовского района

Первым поселением на территории Романовского района было с. Мормыши, основанное в 1720 г. (Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск, 1893. с. 114–115, 118, 121; ЦХАФ АК. Библиотека читального зала). Приехали сюда из алтайских мест, но только на вольные земли семьи Кочегаровых, Колпаковых, Рогозиных, Климиных и еще несколько. Остальные поселки появились в конце XIX в. [5–7].

К числу переселенческих поселков относится с. Романово. Сюда приезжали крестьяне из Черниговской, Харьковской, Полтавской, Курской, Киевской губерний. Большая часть приезжающих была украинской национальности.

В алфавитный список волостей и селений Алтайского горного округа за 1886 год внесены заселки Чудские пруды и Абрамовская дубрава в составе Касмалинской волости (ЦХАФ АК Ф. Д. З. Оп. 1. Л. 30).

Согласно «Архивной выписке из анкет сельскохозяйственной переписи села Романовское Романовской волости Барнаульского уезда 1917 года» нами был установлен список переселенческих семей, прибывших в 1893 г. в Романовский район с Украины (ЦХАФ АК Ф. Д. 233. Оп. 1. Д. 886. Л. 7–186).

15 января 1944 г. было принято решение образовать Романовский район с центром в селе Романово.

В период освоения целины стали прибывать целые семьи переселенцев из разных уголков нашей страны. В районе появился новый поселок Тамбовский, среди населения которого преобладали немцы. На смену первым переселенцам пришли их внуки и правнуки. Национальный состав жителей становился разнообразнее, но преобладающими национальностями оставались украинцы, русские, немцы [2; 3]. Все это способствовало смешению говоров, диалектов и представляет большой интерес для современных читателей.

Нами была предпринята попытка создания словаря (около 400 слов) говора местных жителей. Приведем некоторые примеры из него.

А

Аккурат – достаточно, как раз

Амбарушка – постройка для хранения хозяйственного инвентаря

Б

Баба-кица – игра в прятки

Балакать (балялякать) – разговаривать

Бархатинка – растение медуница

Бежком бежать – бежать быстро

Берёзка – вьюн полевой

Берлинка – сорт картофеля

Бить шерсть – обрабатывать шерсть на шерстобойне, чтобы сделать её пухистой

Близнята – близнецы

Блыньцы – блины

Блукать – блуждать

Богато – очень много

Болтун (болтыш, болтуха, бовтюх) – насиженное яйцо без зародыша

Босовики – резиновые галоши

Боясяка – босиком

Братка – старший брат

Брухать – бодать
Будылка – ствол подсолнуха
Бурак (буряк) – свёкла

В

В голова класть – класть под голову
В девках ходить – не замужем
В живности – при жизни
В отделе – жить отдельно от родителей
Варево – общее название пищи
Вдругорядь – опять, снова
Вертаться – возвращаться
Верхами – верхом
Верхонки – верхние кожаные или брезентовые рукавицы
Вехотка (вехоть) – мочалка
Вечёрашник – молоко вечерней дойки
Вечеря – ужин
Викна – окна
Вин – он
Виткиль – откуда
Внове – впервые
Возля – около, возле
Волокушки (волочуга) – приспособление для перевозки сена
Вольный жар – жар, оставшийся после протопленной печки
Ворочаться – возвращаться
Вскорости – вскоре
Вчерась – вчера
Вылеживаться – поздно вставать
Вымахать – вырасти большим
Выходки (выходцы) – праздничная обувь для выхода на гулянье, в гости
Вышкварки – выжарки от сала
Вязанки – варежки

Г

Гарбуз – тыква
Гарно – красиво
Гирок – огурец
Голопузыня – птенец
Город – огород
Грохотать – громко смеяться
Грубка – топка печи
Грэбовать – брезговать

Д

Давеча – недавно
Дарма – даром
Денник – холодный сарай
Драбына – лестница
Дружка – участник свадебного обряда со стороны жениха
Дрын – длинная палка

Ж

Жменя – горсть

З

За здорово живешь – хорошо живешь
Загнета(-тка) – часть русской печи, куда выгребают обгоревшие угли
Задарма – даром
Закуток – уголок
Залозы поотставалы – лимфатические узлы воспалились
Занять коров – отогнать коров на пастбище
Затируха – каша из муки
Захолод – холдец
Злякаться – испугаться
Зыбка – люлька

К

Кавун – арбуз
Каламарчик – пузырёк
Каралики – калачи
Катанки – валенки, пимы
Кваша на двори – грязь на улице
Квитки – цветы
Килок – кол
Ковбык – обработанный желудок животного, начиненный мясом
Ковтать – глотать
Кожух – тулуп
Колбать – плохо, неумело шить
Колыска – колыбель для ребенка (зыбка, люлька)
Косныки – ленты, вплетаемые в косы
Курчата – цыплята
Куток – угол

Л

Ладом – хорошо, как следует
Летось – в прошлом году

Лошак – жеребёнок
Лузгать – щелкать
Лывы (калюжа) – лужи
Лэп отпаре – грязь отпарить
Любо глядеть – любоваться
Ляга – низина с водой после дождя (чаще все лето и весну)

М

Мазать доливку – глинобитный пол
Майдан – открытое широкое место («Витер як на майдане дуе»)
Малуха – летняя кухня
Матузочка (матузка) – верёвочка
Месяц на ущерби – месяц на убывании
Мисячно на двори – светло ночью
Младенчик – судороги у ребенка
Мыгычка – мелкий, моросящий дождь

Н

Насинне – семечки
Неслухмянныі – непослушный
Низка – веревка
Нихай – путь
Ноне – сегодня

О

Обмачка (кисляк) – простокваша
Обратно дождь – опять дождь
Обутки (обужи) – любая повседневная обувь
Огурешник – приусадебный участок
Околодок – покрывало с вышитыми, выбитыми или сплетенными из кру-
жева украшениями
Опосле – после
Ослинчик, ослончик – маленький, невысокий деревянный табурет
Откель – откуда
Отродя – сроду
Охолонуть – остыть
Оцэ – вот

П

Перепычка – лепёшка из пресного теста на простокваше
Печеревина – мясной рулет из нижней части подпузья свиньи
Пимы – валенки
Подшалок – небольшой платок, одеваемый под шаль

Позавчерась – позавчера
Полотенец (рушник) – полотенце
Попэрэд – впереди
Поричка – красная смородина
Порозь – врозь
По-трошку – понемногу
Потыхэнэычуку – медленно, очень тихо
Пригон – сарай для животных
Присьба – завалинка
Прыгородник – палисадник
Пэкло – ад

Р

Рабыть – работать
Разудкой – босиком
Ране – раньше
Ремок – старая одежда
Рукотерник – полотенце для вытираания рук
Рясно – обильно, много

С

Сволов – балка в верхней части сруба, поперек комнаты
Свыня – свинья
Сенки – веранда
Силянки – спички
Скиба – пластик, долька арбуза или дыни
Склость – сложить
Сколовтина – сыворотка после сбивания масла
Сквозь – сквозь, повсюду
Скрыня – сундук
Смиття – сор
Сніданье – завтрак
Собачки – семена череды
Сонюхи – семечки
Спидныця – нижняя юбка
Сродник – родственник
Стружни – вид печенья из пресного теста (хворост)
Суплошь – сплошь
Сюрпа – суп из парного мяса с добавлением специй

Т

Тама – там
Тикай – убегай, беги

Токо – только
Топлюшка – варенец
Топотать – плясать
Торкаться – скучать
Туды – туда
Тычки – стебли подсолнухов без шляпок

У

Узвар – компот из сухофруктов
Устромы – воткни
Утирка, утиральник – полотенце для лица

Х

Хата – дом
Хворать – болеть
Хиба – разве («Хиба ж так можно»)
Хованка – потайное место
Хрыч – старый человек

Ц

Цуцыня – щенок
Цыбуля – лук
Цыбулина – луковица

Ч

Чапельник (чаплейка) – ручка для чугунка
Чаплыжка – ковщик
Черти на в кулачки не били – рано встать
Чиплийка – ухват для сковороды, может быть на длинной или короткой
ручке
Чипчик – чабрец
Чиринь – печь, на которой можно лежать
Чботы – сапоги
Чулан – кладовка
Чуни – короткие валенки

Ш

Шаровары – трико
Шерица – сорняк
Шкарбанье – старый человек

Щ

Щабёр – сосед

Ю

Юшка – постный картофельный суп

Я

Ямка – погреб для картофеля
Якось – как-то
Ятка – пристройка к сараю

Источники и литература

1. ЦХАФ АК Ф. Д. 233. Оп. 1. Д. 886, 887, 888.
2. Архивное дело администрации Романовского района Ф. 15. Оп. 1в. Д. 2 С.16.
3. Отдел статистики Романовского района Д. 07-04. Ст. 1554 ВП/
4. Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск, 1893. С. 114–115, 118, 121.
5. Памятная книжка Томской губернии. 1904 г. С. 354, 355, 372–375.
6. Список населенных мест Томской губернии. 1911 г. С. 172, 173, 176, 177, 190–193, 240, 241.
7. Список населенных мест Сибирского края 1928 г. Т. 1. С. 386–389, 576, 577.
8. Горшков А. И. Русская словесность. От слова к словесности. Учеб. пособие для учащихся 10–11 классов общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение. 1996. С. 30–31
9. Липин А. М. Украинские переселенческие поселки на Алтае (конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в.) // Краеведческие записки. Вып. 3. Барнаул, 1999.
10. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.: ил.
11. Попов Р. Н., Валькова Д. П. и др. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1978. С. 93–94.
12. Русский язык: Энцикл. / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Совет. энцикл., 1979. С. 73.

E. Соколова

Календарная обрядность Краснощековского района

Праздники – самая яркая, живая и многообразная сторона быта. По своему богатству, всеобщности и роли в общественном сознании культуры праздника всегда занимала одно из ведущих мест. Именно крестьяне-труженики особенно ценили время праздничного досуга. Наши информаторы рассказывают «Праздник отмечали так: начинали в одном доме, затем шли в другой... Переход из дома в дом сопровождался пением».

Традиционной особенностью празднований является приготовление специальных блюд. Из рассказов наших информаторов из сел Краснощековского района мы узнали о некоторых из них. Так, житель села Усть-Пустынка В. И. Широков (1924 г. р.) говорит: «В праздники готовили на масле. Все жарили». Другие информаторы упоминают, что «жарили картошку, жарили пироги». Таким образом, жаренная на масле пища считалась здесь наилучшей. К праздничным блюдам относят также холодец, щи, мясная похлебка.

Святки открывают годовой цикл народных праздников. Это время гаданий холостой молодежи и ряжений. Наши информаторы сообщают: «На Рождество ходили славили, пели. Хозяйки угощали обязательно» (В. И. Широков, 1924 г. р., с. Краснощеково); «Под Рождество, Новый год пели молитвы. Под Старый год и ребятишки бросали пшеницу. Наряжались: сажей мазались, выворачивали шубы» (М. З. Беспалова, с. Краснощеково). Из воспоминаний наших респондентов следует, что жители сел Краснощековского района с большим энтузиазмом участвовали в христославлении, которым начиналось празднование Рождества.

Завершающим праздником святочного цикла является Крещение. В. С. Шипилова (1921 г. р., с. Карпово) рассказала: «На Крещенье делали прорубь. Поп святил. Потом воду набирали. Кресты делали у хаты. Крестославить ходила. Хозяева всегда рассчитывались. Даже поп ездил крестославил: собирал только пшеницею. Брал понемногу». Многие информаторы вспоминают о крещенской проруби: «Прорубь делали — ярдань. На окнах чертили кресты. Скотину опрыскивали. Воду набирали. Приходили славить». Ф. И. Трунов (1928 г. р., Усть-Козлуха) отметил: «Крещение — большой праздник. Делали прорубь на реке, но этого не захватил».

Масленица. В селах Краснощековского района хорошо помнят о масленичных катаниях: «В Масленку на лошадях катались. Страшно как. Катались три дня»; «На Масленицу на наряженных конях катились: с колокольчиком, дугу украшали красным товаром. Бегова устраивали. Лошадей к ним не подготавливали». Еще об одной забаве нам поведала М. З. Беспалова: «На Масленицу катились на санях с горки. Брали большие сани, выдириали оглобли и катали с горы». П. И. Романов (1925 г. р., с. Краснощеково) вспоминает: «Кулачные бои были на реке Маралихе. Участвовали только взрослые. Бойцы сходились на льду. Играли по определенным правилам: увечиев не было. Сходились край на край». А. Г. Иунихина (1926 г. р., с. Краснощеково) рассказала: «В деревне была Скориха (крестьянка) — разнимала кулачные бои. Была очень сильная женщина, большие руки».

Традиции Великого поста также отразились в рассказах старожилов: «Великий пост соблюдали, причащались. В пост покупали рыбу, запасали»; «В Великий пост ели супы на растительном масле».

Благовещение. По словам М. И. Харловой (1928 г. р., Усть-Пустынка), «не работали, ходили в церковь, пока она не горела».

На Пасху, важнейший праздник русского православного календаря, традиционно святили яйца и куличи: «Яйца катали, ходили на горку»;

«На Пасху яйца красили, куличи пекли. К Пасхе делали откидное, заквашенное кипяченое молоко на сито. Не творог».

Уроженка с. Тигирек А. В. Трошкова рассказала: «Делали качели, качались. Вешали корыто или доску: девушки в середине, а парни раскачивали». Н. Т. Балакина, также уроженка Тигирека, вспоминает: «На Пасху яйца катали, били об лоб, и мальчишки, и девчонки. Делали деревянные яйца – обманывали. Раскрашивали карандашом».

Троица. М. С. Епифанцева (1916 г. р.) рассказала: «На Троицу рвали щебр (трава, которая пахнет), ей застилали. Блинцы пекли, варили супы. На могилки несли калачей; яичек покрошишь. На Троицу яйца жарили в кустах». По воспоминаниям ее сестры, В. С. Шипиловой (1921 г. р.), на Троицу делали карусели: кони (для мужчин) и ящики (для женщин). «А наемные их крутили. Не у деревни, а маленько в степи они были». Вспоминают также о хождении на реку, плетении венков: «Девушки водили хороводы, пели, а парни играли на балалайках», а также о гаданиях на венки, брошенные в воду.

В селах Краснощековского района нам удалось зафиксировать воспоминания и о других праздниках православного календаря, существенную часть которых составляют традиции обрядовой кулинарии. Например, на Успение «все стряпали. Стряпали пироги с ягодами, готовили мясное». На Покров готовили отпаренную пшеницу с молоком и медом.

Обязательным элементом любого праздника являлось хождение в гости. Старожилы отмечают, что на праздники собирались родственники. Особенно много гостей наезжало на престольные праздники. Ездили во все села по очереди: «В каждой деревне – свой праздник. В Чинете – Успение. Приезжали с разных деревень. В Белую на Покров ездили». В Усть-Чагырку съезжались на Вознесение и т. д. Е. Я. Троеглазова (1917 г. р., Чинета) рассказала, что христианские праздники назывались «престолие».

Таким образом, из информации, полученной нами в ходе историко-этнографической экспедиции в Краснощековский район, можно сделать вывод, что наиболее часто упоминаемыми и любимыми праздниками являются Святки, пасхально-троицкие гуляния, Масленица, а также престольные праздники. Другие праздники народного календаря не получили здесь достаточного распространения. Но и эти, основные, представляют большой интерес и историко-культурную ценность как яркое, колоритное явление традиционно-общественного уклада жизни крестьянского населения Алтая.

С. А. Соловьева

Гончарный промысел в Тогульском и Ельцовском районах Алтайского края

Настоящее исследование построено на материалах полевых исследований в Ельцовском (2005 г.) и Тогульском (2006 г.) районах Алтайского края. Результаты предыдущих поездок в Тогульский, Солтонский районы в 2003–2004 гг. показали, что в данном регионе наряду с ремесленниками существовали и различные кустарные заведения, которые практически полностью удовлетворяли потребности местного населения в различной керамике.

По словам респондентов-старожилов, в Ельцовском районе до середины ХХ в. существовал ряд гончарных мастерских, которые обеспечивали различными глиняными изделиями жителей района. Респонденты назвали коммуну «Первое августа» в с. Ельцовка, ее возглавлял Николай Трофимович Фоминкин (?), а также коммуну «Степан Разин» в с. Пуштулим, ее председателем был Копылов.

В районном музее имеется любопытный документ, написанный гончаром Прасковьей Петровной Казаковой, которая вместе с мужем Дмитрием Герасимовичем работала в ельцовской мастерской. По ее словам, они продолжили семейную традицию, так как родители мужа также работали гончарами. Гончарня существовала с 1930 по 1956 гг. Изготавливали на гончарном круге колыванки, корчаги, горшки, кувшины, кружки, а также выполняли заказы на иную посуду и утварь.

В гончарне имелось две печи: для мелкой посуды — маленькая печь, и вторая, большая, — для крупной. Глину брали под Черной горой, недалеко от кирпичного завода. Глина обыкновенная, светло-серого цвета.

В более позднее время, недалеко от ельцовской гончарной мастерской были построены кирпичные сараи. Для производства кирпича глину готовили заранее, осенью ее накладывали в яму, весной она оттаивала, ее набивали в кадки и запускали лошадь, чтобы перемесить. Потом ее накидывали в специальную форму в виде ящика на 4 кирпича, проволочкой срезали и носили в кирпичные сараи для сушки. Дневная норма рабочего была 1 200 кирпичей. Переворачивали кирпичи каждые два дня. Затем высушенные кирпичи складывали в специальную яму и в ней обжигали (записано от А. А. Суховерковой).

Гончарная мастерская в Пуштулиме, по словам старожилов, действовала в 1920-е гг. и прекратила свое существование раньше ельцовской. Гончар изготавливал разную традиционную посуду, использовал глину, которую брал недалеко от гончарни на берегу ручья. Кроме посуды, гончар лепил игрушки для детей. Глиняные свистульки были разной фор-

Рис. 1. Кувшин. Село Пуштулиме Ельцовского района

Рис. 2. Кувшин. Тогульский районный музей

мы: длинные, как дудочки, или в виде птичек, как «воробышки». Продавал по три, по две копейки, мог обменять на яичко (записано от Е. З. Комисаровой). В наши дни на месте бывшей гончарни в Пуштулиме находится карьер, в котором добывают мрамор (филиал «Алтаймраморгранит»). Внешней отличительной чертой пуштулимской керамики был красно-коричневый цвет.

В ходе экспедиции были обследованы гончарные изделия, которые хранятся у частных лиц, а также в районном музее. Как показали материалы, в исследуемый период (первая половина XX в.) местными гончарами-кустарями производилась традиционная гончарная глазурованная посуда и утварь в основном для бытовых и хозяйственных нужд. Основной способ изготовления посуды – лепка на ножном гончарном круге. Кроме того, как вспоминали респонденты, гончары изготавливали и игрушки, но они не зафиксированы данной экспедицией.

В Тогульском районе в ходе экспедиции были практически повсеместно зафиксированы гончарные изделия разнообразных форм различного утилитарного назначения, хранящиеся как в музеях, так и у местных жителей.

Свидетельства о массовом изготовлении глиняных изделий в промартели «Смычка», существовавшей в с. Тогул, встретились в

Тогульском районном архиве. Бригадиром гончарного цеха в 1952 г. был Черников [1]. Как свидетельствуют архивные материалы, в 1950-е гг. в промартели изготавливали традиционную гончарную глазурованную посуду и утварь. В настоящее время сложно связать сохранившиеся гончарные изделия с продукцией гончаров тогульской промартели. Однако характерными особенностями зафиксированных тогульских гончарных изделий является легкий черепок светло-коричневого цвета, покрытый глазурью желто-коричневого цвета, слабая орнаментация. Наиболее распространеными были узоры из прямых и волнистых линий. Иногда процарапанный узор на плечиках состоял из затейливых волнообразных линий и завитков, как на зафиксированной крынке в школьном музее с. Титово (рис. 3), или из волнообразных линий и рядов точек на плечиках кувшина в Тогульском районном музее (рис. 2).

В целом технологии производства в данных районах идентичны поздним традициям гончарства юга Западной Сибири. Они были распространены среди заселившихся на алтайские земли переселенцев конца XIX – первой половины XX вв.

Среди зафиксированных гончарных изделий в Ельцовском и Тогульском районах большое распространение имели сосуды горшкообразной, крынкообразной, корчагообразной, кувшинообразной форм. Для посуды характерен тонкий легкий черепок, иногда не очень прочный, правильные симметричные формы, разные способы глазурования внешней и внутренней поверхностей, небольшое разнообразие типов и форм сосудов. Цвет сосуда определяли глина, из которой она изготавливалась, и глазурочная смесь. И, несмотря на традиционность гончарных изделий, в их изготовлении и декорировании имелись локальные различия.

Информаторы

1. Комиссарова Ефросинья Зиновьевна, 1918 г. р., запись 18 июля 2005 г. в с. Пуштулим Ельцовского р-на.

Рис. 3. Крынка. Школьный музей с. Титово Тогульского района

2. Попова Анна Егоровна, 1923 г. р., запись 26 июля 2005 г. в с. Ново-Каменка Ельцовского р-на.
3. Суховеркова Александра Алексеевна, 1929 г. р., запись 16 июля 2005 г. в с. Ельцовка Ельцовского р-на.

Источники и литература

1. Архивный отдел Тогульской администрации. Ф. 9. Райпищекомбинат. Оп. 1л. Д. 28. Книга распоряжений промартели «Смычка», 1952–1958 гг. 142 л.
2. Глушков И. Г., Татаурова Л. В. Керамическая посуда русских Сибири. Материал размещен на сайте <http://newasp.omskreg.ru/hist/caps/index.htm>
3. Фурсова Е. Ф., Галлеев М. Традиционные гончарные изделия юга Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. С. 161–167.

Н. Н. Столярова

Спецификация в речевых действиях алтайских немцев немецкого дискурса

Речевые действия оказываются главнейшим средством создания дляющихся условий совместного существования людей и создания устной истории. Коммуникативная история алтайских немцев – это устная история, которая передает особенности процесса коммуникации алтайских немцев и начинает организовывать виртуальное пространство, в соответствии с принципами организации дискурса Алтая. В устной коммуникации исторический дрейф немецкого народа предстает в качестве секвенции форм речи и, следовательно, способов организации в устной истории пространственно-временного континуума культуры.

При рассмотрении особенностей коммуникативной истории нужно исходить из понимания процесса коммуникации как речевой деятельности, с помощью которой одномоментно описывается синхронная и диахронная история народа. Это необходимое условие организации и самоорганизации общения. В процессе коммуникации общество создает пространство, которым оно само является, и это пространство есть условие его существования как общества. При этом необходимо учитывать специфические черты культуры как формы организации пространства, обусловленной логикой тесных отношений, которая определяется интенсивностью и непостоянством контекста, а также его языковой эмпирической самодостаточностью.

Язык, согласно концепции О. Розенштока-Хюсси, обеспечивает определенную, общую для всех говорящих и слушающих организацию пространства и времени [1]. Каждая культура с помощью особой разметки создает свое пространство и свое время, которые являются искусственными и одинаковыми для всех членов данной общности. Одной из глав-

ных целей коммуникации алтайских немцев является обустройство жизненного пространства вдалеке от генетической родины, сохранение архаичных элементов культуры в процессе коммуникации. Историки, этнографы, лингвисты сходятся во мнении, что проживание сибирских немцев в условиях изоляции от метрополии привело к сохранению архаичных элементов в их культуре и в речи. Сравнивая процесс коммуникации алтайских немцев и немцев, проживающих на своей генетической родине, можно сделать вывод, что у последних в современный период соблюдается прогрессирующее исчезновение архаики в культуре и в речи. Алтайские немцы в речи используют такие лексические единицы, которые у немцев на их генетической родине используются очень редко либо вышли из употребления вообще. Например: Schnerch (сноха), der Tochermann (зять), die Schwer, die Swieger (теща), her (сюда). Видимо, можно сделать предположение, что алтайские немцы через использование архаичных элементов в культуре и речи пытаются удержать «поток знаний через время». Они считают, что архаичные элементы немецкого языка являются непосредственной составляющей их устной истории, обеспечивают дрейф немецкого дискурса во времени: *«Die heutige Sprache wurde nicht mit der früheren Sprache vermischt. Die Sprache ist geblieben so wie sie war. Es kamen nur russische Wörter dabei. Wörter sind jetzt auf russisch. Die technische und moderne Wörter, sie kommen nicht aus Deutschland. Die Wörter sie waren und die neuen sind auf russisch»* [3].

В процессе коммуникации алтайских немцев создается особый тип рассуждения (дискурс), который позволяет соответствовать синхронному этапу развития этого дрейфа и, соответственно, оставаться алтайским немцем в контексте их истории, в ее устном варианте.

3. Егер трактует немецкий дискурс как «поток знаний или социальных запасов знаний через время», который определяет индивидуальные и коллективные действия и формы (образы = Gestalten) [2, с. 36]. Под потоком понимаются целенаправленные, повторяющиеся программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физическими разъединенными позициями в экономических, политических и символических структурах общества. Под дискурсом алтайских немцев понимается совокупность дискурсивных процессов, где происходит сочетание разных секвенций. В структуре дискурса (рассуждения) алтайских немцев сочетаются этнические, исторические, языковые секвенции, образуя особую виртуальную реальность. Это может быть проиллюстрировано на примере тематически единого дискурсивного процесса «Реализация лексических единиц немецкого дискурса в устной комму-

никиации алтайских немцев», который в концепции З. Егера обозначается как ветвь дискурса:

— Es gibt viele interessante alte Wörter. Wir sagen Schnerch für Schwieger-tochter. Kennt Ihr dieses Wort?

— Ya, ya.

— Sagt man noch Schnerch?

— Ya, gibt es.

— Sagt man es bei euch noch?

— Ya, aber wenig. Wie sagt man zum Schwiegerson?

— Tochtermann [3].

В данной ветви дискурса видно, что этнические и исторические секвенции совпадают. Алтайские немцы используют в речи лексические единицы, которые в немецком дискурсе используются очень редко, тем самым алтайские немцы создают свое виртуальное пространство на территории Алтая, свою устную историю.

Каждая ветвь немецкого дискурса имеет синхронное и диахронное измерение. Синхронный отрезок ветви имеет определенную качественную протяженность. Такой отрезок обнаруживает то, как в определенный момент прошлого или настоящего «проговариваются», воспроизводятся в устных вариантах формы классического немецкого языка.

— Unser Deutsch ist mehr Hochdeutsch.

— Ya, aber ich kann euch verstehen. Wie sagt ihr hier eigentlich schlachten oder metzeln?

— Schlachten. Wenn es um arbeiten sagt man schlachten aber wenn es um essen sagt man metzeln.

— Also, schlachten ist das Prozess und mezeln das Resultat.

— Ja, genau.

— Schlachten ist eigentlich Norddeutsch und metzeln Süddeutsch [3].

В одном устном речевом произведении могут содержаться фрагменты различных дискурсов, они, как правило, в устной коммуникации возникают уже в скрещенной форме. Ниже представлена часть устного текста в котором фрагменты двух дискурсов представлены в скрещенной форме, т. е. одна ветвь дискурса сменяется другой. Алтайские немцы переходят от одной ветви дискурса к другой, не связанной по смыслу.

(ветвь 1) «История поселения»

— Jetzt würde ich gerne wissen Geschichte von Pasensnofa. Die Leute sind 1893 hier her gekommen.

— Die erste Leute sind 1892 her gekommen.

— Also in zwei Jaren habt ihr hier 100 jähriges übeleum.

— Ja, Wir warden ein grosses Fest machen.

(весь 2) «Оформление немецкого языка русскоговорящими»

- Wenn es Mischehen gibt, ist dan die Familiensprache russich oder nicht?
- Wenn eine Russin ein Deutschen heiratet ist die Familiensrache russisch. Sie können aber auch Deutsch sprechen.
- Und wenn ihr unter einander deutsch sprecht, spricht sie mit dialekt oder literaturisch?
- Mit dialekt. Das ist sehr interessant, wenn seine Frau hat einen ganz anderen Dialekt als wir. Sie schämmt sich und spricht sehr wenig. Sie spricht mit ihm russisch mit uns nicht so, also weniger.
- Was sagt sie anders?
- Wir sagen später und sie sagt spot [3].

Структура дискурса алтайских немцев является способом создания устной истории. Эта устная история обеспечивает совместное существование разных этносов в пространстве и одного этноса во времени. А для щимися условиями этого существования являются речевые действия, которые в данной истории выступают в качестве экспликации мыслительных действий по воспроизведению немецкого дискурса на территории Алтая. Дискурс алтайских немцев представляет собой рассуждение в соответствии с «немецкой мыслительной моделью» — моделью оформления языковых содержаний в полифоничном культурном пространстве Алтая. Совокупность дискурсивных процессов, характеризующая экзистенциональные связи, определяет специфику их устной истории.

Литература

1. История философии: Энцикл. Розеншток-Хюсси //www.velikanov.ru
2. S. Jäger Kritische Diskursanalyse. Duisburg., 1999. С. 134.
3. Материалы диалектологической лаборатории ЛИИН, 2006.

H. A. Тадина, Т. С. Ябыштаев

О методике сбора этнографического материала на языке изучаемого этноса¹

2006 г. стал очередным периодом полевых исследований. На этот раз наша научная работа проводилась по международному проекту РФФИ, посвященному изучению системы мировоззренческих представлений населения Горного Алтая в контексте мифо-ритуальных памятников, природной среды обитания и сложившихся этнокультурных традиций. Научная группа состояла из преподавателей и студентов ГАГУ, а также

¹ Работа проведена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 05-06-80853а).

бельгийских ученых и подразделялась на три подгруппы: археологическую, геологическую, этнографическую.

Территорией изучения была избрана Чуйская долина, входящая в Кош-Агачский район Республики Алтай, как наиболее показательная по теме проекта. В этнографическом отношении этот регион является примером этнокультурного взаимовлияния трех этнических общностей: теленгитов как этнотERRиториальной группы южных алтайцев, русских, являющихся здесь этническим меньшинством, и диаспоры казахов, самой крупной в Горном Алтае на протяжении последних ста лет.

По этническому составу села изучаемого района можно подразделить на алтайские и казахские. К числу алтайских относятся Мухар-Тархата, Кокоря, Белтир; казахских – Жанаул, Тобелер, Ташанта, Джазатор. К смешанным, алтайско-казахским, можно отнести села Чаган-Узан, Ортольк, Теленит-Сортогой. Русские проживают в основном в районном центре – с. Кош-Агач. Такой этнический состав предполагает привлечение студентов, выходцев из этого района, и использование апробированного нами метода непосредственного наблюдения и сбора фактического материала на языке опрашиваемых этнофоров: алтайском, русском, казахском.

С целью получения ранее неизвестных данных по теме проекта у исследовательской группы выработался навык общения с информаторами на языке изучаемого этноса, использования опросных листов как в письменной (анкета), так и устной форме (беседа и интервью). Такой опыт исследования обеспечивает массовый сбор полевых сведений, успешное осуществление их систематизации и теоретического осмысливания.

Данные языка, как важного этнического признака, позволяют реконструировать мировоззренческую систему народа. Каждый народ создает свою картину мира на основе языка, в котором зафиксирован свой способ видения мира. Человек не может быть свободным от своих этнических корней, которые помогают ему видеть мир так, а не иначе. В этом смысле «мир» воспринимается как результат переработки информации о природной, социальной и бытовой среде. Эта мировоззренческая картина формирует и поддерживает чувство этнической общности и передает его от поколения к поколению, выступая гарантом самосохранения этноса.

Важной этнической характеристикой выступает ландшафт как среда обитания и развития народа. Его представление об окружающей природе позволяет пролить свет на чрезвычайно актуальные вопросы эволюции традиционного мировоззрения в ландшафтных условиях региона в логической взаимосвязи «этнос – ландшафт – мировоззрение». Имею-

шиеся в языке термины ландшафта косвенным образом свидетельствуют о том, как долго жил народ на данной территории. При этом возможно реконструировать исторические события: если этнос пришел на изучаемую территорию из других мест с иным ландшафтом, то эта перемена среды обитания отражается на обозначении элементов ландшафта в его языке. Так, в языке алтайцев, являющихся древними горными жителями, существует детальное подразделение гор: например, гряда гор, средних по высоте, называется «*кыр*»; цепь гор равной высоты — «*сын*»; высокие горы именуются «*туу*»; самые высокие горы в вершинах рек — «*тайга*». На эту особенность восприятия ландшафта алтайцами и русскими переселенцами обратил внимание Г. П. Потанин в примечаниях к фольклорному сборнику Н. Я. Никифорова: «...Алтайское представление о тайге не соответствует тому, которое мы привыкли соединять со словом тайга, с представлением о густом лесе на равнине» [2, с. 14].

Как показывает собранный нами этнографический материал, реалии ландшафта региона: гора, река, долина — отражаются в наименованиях этнических групп, что свидетельствует о взаимосвязи ландшафта и этноса. Алтайцы, издревле расселенные в Горном Алтае, для русских степного Алтая являются жителями гор, которых характеризуют как «спустившихся с гор». У русских Горного Алтая существует понятие «с верхов», под которым подразумеваются алтайцы верхних районов, а русские степного Алтая называются «степскими». Теленгиты, как жители высокогорья, называют алтай-кижи нижнего течения Катуни «*тёмёртинин*», что означает «с низовий», вкладывая в это определение ассимиляцию в русскоязычной среде. Эта резкая грань между жителями верховий и низовий, гор и степей подчеркивается по самой характерной особенности ландшафта.

Изучаемая нами тема «Мировоззрение в ландшафте...» является одной из традиционных этнографических тем наряду с проблемами этнических процессов, системы родства, брачных отношений, обрядовой культуры и др. Сложившаяся традиция этнографического исследования предусматривает активное применение терминов, фольклорных текстов, фразеологизмов на языке изучаемого этноса и их перевод на русский язык как язык отечественной науки. Привлечение нарративных текстов не только дополняет исследование, но и вносит неповторимую особенность в освещение фактического материала по проблеме.

Известно, что успех исследования зависит от умения собирать полевой материал. Один из классиков отечественной этнографии Л. Я. Штернберг в своей программе по этнографии отметил, что важным качеством этнографа является «знание языка изучаемого этноса.

Для изучения языка требуется предварительная подготовка, хотя бы элементарная, дабы уметь правильно и точно записывать чуждые звуки незнакомого языка. Если наблюдатель не располагает возможностью заняться изучением языка, необходимо найти подходящего переводчика» [3, с. 213].

В наше время нет человека, не понимающего по-русски, и кажется, что можно обойтись без знания языка информатора. Но тот, кто собирал полевой материал, знает, что не от каждого опрашиваемого можно получить ценные сведения по изучаемому вопросу: одни просто не знают ответа, другие не желают общаться, третья теряются или замыкаются. Мне пришлось видеть ситуацию, когда в одном алтайском селе чиновник отчитал пожилых информаторов за то, что они не отвечали по-русски столичному профессору. И тогда те, не найдя нужных слов, поверхностно ответили на вопрос, а затем и вовсе замолчали, так как русский язык для них является лишь официальным языком, на котором непривычно излагать суть ритуала.

Для решения таких проблем в программах сказано: «Трудность в материале состоит прежде всего в недоверии крестьян к собирателю: они или боятся, или конфузятся собирателя. Войти в доверие, вызвать откровенность – первая задача собирателя. Как это сделать – дело умения каждого: один возьмет веселым характером, другой – хитростью, третий – пообещав помочь в работе, четвертый – за плату, пятый – по знакомству и т. д. … Другая трудность в материале состоит в том, что большая часть его хранится в народной памяти и передается устно. Чтобы записать его, например, ночью, в поле, нужно уметь быстро записывать. Конечно, эти трудности существенные, но даже несовершенные и плохие записи лучше полного их отсутствия. Всякие записи, наблюдения и заметки, сделанные в процессе работы начерно, нужно в тот же день (обязательно) перебелить, чтобы не оставалось сомнительного и неясного, которое позже нельзя будет выяснить» [1, с. 23–24]. Можно возразить, что сегодня лучше пользоваться диктофоном, однако наш опыт полевой работы подсказывает, что полезно записывать от руки, при этом обнаруживаются стариные слова, перевод и значение которых необходимо узнать от информатора сразу.

Читая классические труды отечественных этнографов, понимаешь, что для правильного толкования полевого материала необходимо продолжительное время находиться в исследуемой этнической среде и следовать совету: «По прибытии в селение не следует сразу приступать к энергичным расспросам, а тем более к переписи, но сначала постараться сискать доверие и расположение населения, сообщая окружающим

в доступной форме, что цель вашего приезда — познакомиться с жизнью и обычаями населения» [3, с. 214].

Сегодня происходит отступление от традиционной методики исследования. Многие современные этнографы считают необязательным знание языка изучаемого этноса и тем более сбор полевого материала на нем, ограничиваются сбором материала среди той части этноса, которая больше модернизирована, но в силу объективных обстоятельств не обнаруживает связи с этнической культурой. Такой исследователь все больше отдаляется от объекта изучения — этноса и в поисках сведений ограничивается просмотром документов районной и сельской администрации. В результате исследование становится не только этнографическим, сколько социологическим или демографическим. В таких трудах не встретишь слов на языке оригинала, а в редких переводах есть ряд неточностей, не только смысловых, но и грамматических. Такое искажение базового полевого материала приводит к созданию некорректных концепций, вводящих в заблуждение последующее поколение исследователей.

Литература

1. Никифоров А. И. Этнография в школе. М.—Л., 1926.
2. Потанин Г. Н. Примечания к сборнику // Аносский сборник / Сост. Н. Я. Никифоров. Омск, 1915. С. 14.
3. Штернберг Л. Я. Краткая программа по этнографии // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий. Сибирь. СПб., 1914. С. 212–252.

М. О. Фефелова

Методы описания предметов материальной культуры в полевых условиях

При сборе материалов по традиционной культуре старожильческого населения Краснощековского района Алтайского края было важно фиксировать все сведения, которыми располагает информатор, в целях дальнейшей их детальной обработки. Определенные трудности при сборе полевых материалов представляет плохая сохранность многих предметов быта, мебели, изделий из ткани, которые были распространены еще не так давно — 70–100 лет назад.

В ходе экспедиции нами были сделаны описания предметов материальной культуры, находящихся в настоящий момент как в районном краеведческом музее, так и у жителей района. Важно отметить, что научной обработке подвергались как архаичные предметы, так и памятники более позднего времени, в частности, сделанные в 1960–1970 гг. и даже позднее, поскольку для музея историей как таковой является уже вчерашний день, и памятники материальной культуры, которые по сего-

дняшним меркам можно назвать новоделами, через небольшой промежуток времени станут бесценными предметами музейного значения.

Описание производилось по четко отработанной схеме: каждый предмет, как уникальная в своем роде вещь, рассматривался со следующих позиций:

- наименование и краткое описание предмета, причем, кроме научной трактовки названия, давалось и локальное, которое употреблялось местными жителями;
- точное количество предметов, обнаруженных и описанных в процессе экспедиции, т. е. то число памятников, которое удалось обнаружить у информаторов; учитывались также предметы, принесенные местными жителями в дар музею АлтГАКИ;
- рассказ о материале и технике изготовления рассматриваемого объекта;
- приблизительная датировка предмета; в том случае, если невозможно установить точную дату изготовления, определялся примерный хронологический отрезок времени. В качестве исходных данных брались такие сведения, как внешний вид, сведения информатора о его жизни и жизни его родителей и дедов, связанные с временем изготовления предмета, его рассказ о том промежутке времени, когда был изготовлен памятник, и т. д.;
- назначение и способ использования предмета в среде его бытования;
- история бытования, данные о владельце, либо, при отсутствии такого, – источник поступления;
- степень сохранности, исходя из внешнего вида предмета. При этом необходимо фиксировать как общее состояние объекта исследования, так и отдельные дефекты частей с указанием места повреждения основы. Уточнение и дополнение сведений о сохранности во многом зависят от значения предмета: для уникальных, а также единственных в своем роде памятников отмечается не только характер повреждения, но и их размер. По мнению ведущих музееведов, полной сохранности у предмета быть не может, поэтому при описании предмета музейного значения требуется наиболее четкая формулировка. Таких характеристик, как «неполная», «хорошая», «удовлетворительная» сохранность, при атрибуции предмета недостаточно.

Следует учесть, что предметы, хранящиеся на руках у жителей, сопровождаются наиболее полной информацией об их бытovanии, поэтому возможно получение сведений об изготовителе (мастере).

Материалы музея позволили нам более глубоко ознакомиться с традиционной культурой данного района. Здесь хранятся образцы утвари, одежды, полотенец, интерьерных тканей. Наиболее часто встречающиеся здесь предметы выполнены на тканевой основе. Это полотенца, подзоры, угольники, скатерти и т. п., которые служили в качестве украшений жилого пространства, а также использовались в быту.

В результате научного описания коллекции полотенец музея и подобных предметов, находящихся во владении местных жителей, сделаны следующие заключения: основой изделий служил домотканый холст, у большинства полотенец присутствуют вставки из кружева, закрепленные аккуратными мелкими стежками. Орнамент полотенец различен: геометрический, растительный, мифологический, а также сочетание этих типов в одном изделии. Ярким примером служит холст, хранящийся в музее, с вышивкой простым крестом кустов роз.

Чаще всего орнамент расположен симметрично по краям основы. Особо интересен орнамент, нанесенный на свадебные полотенца, хранящиеся в фондах музея. Так, свадебное полотенце, вышитое вручную, имеет три орнаментальных фриза: 1-й представляет собой половину восьмилепестковой розетки, основанный на волнистой линии (меандр); 2-й фриз – геометризированная линия цветов (восьмилепестковая розетка); 3-й – волнистая линия (меандр).

К числу интерьерных тканей относится подзор или, как говорят местные жители, «околоток». Основой для изделия служил специально купленный, фабричный лен. К нему по краю крепилось кружево, которое могло быть как фабричным, так и связанным вручную крючком из хлопчатобумажных нитей. К интерьерным тканям можно отнести также угольники, использующиеся для украшения «красного угла». Они представляют собой вышитые миниатюрные занавесы и ламбрекен. Концы такого изделия могли декорироваться кружевами. Орнаментом служили цветочные, орнитологические, геометрические мотивы.

Таким образом, исследования показали, что самобытная старожильческая культура населения Краснощековского района с течением времени может безвозвратно исчезнуть. Поэтому необходимо четко фиксировать сведения, предоставляемые информаторами, в том виде, в каком они излагают их. В противном случае утраченную с ходом времени информацию восстановить будет практически невозможно. В связи с этим важно придерживаться общепринятых принципов научного описания предметов материальной культуры для того, чтобы с материалами мог работать не только специалист, зафиксировавший их, но и любой другой исследователь.

Т. Ю. Шишмакова

Православные традиции: проблемы, направления, методы (по материалам ИЭЭ 2006 г. в Тогульский район)

В июле 2006 г. на территории Тогульского района Алтайского края проходила комплексная историко-этнографическая БГПУ, одним из направлений работы которой являлось изучение духовной культуры населения – исследования по теме «Православие в крестьянской среде в XX в.», позволяющие проследить эволюцию религиозного сознания до настоящего времени. Исследования проводились с использованием методов, описанных ниже.

Интервьюирование. Интервью проводились с местными жителями, преимущественно 1920–1930-х гг. рождения по следующим основным направлениям (темам): легенды, связанные с разрушением храмов, народные служители православия в советский период, соблюдение постов и праздников в современной крестьянской среде, современная православная церковь в селе и др.¹

Малоизученным направлением является проблема отправления религиозных культов в отсутствие священнослужителей в советский период. Данной теме в литературе не уделяется большого внимания – существуют лишь фрагментарные исследования в рамках определенной темы (см., например, [2]). В результате четкая терминология в отношении подобных служителей отсутствует. По нашему мнению, людей, отправлявших религиозные службы в отсутствие священников, условно можно назвать народными служителями православия, так как по роду деятельности они отчасти исполняли функции священнослужителей и при этом происходили из народной среды. Народные служители – это люди пожилого возраста, вокруг которых сложилась неформальная община верующих. Служители исполняли важнейшие для верующих православные обряды: погружение как альтернатива православному крещению, чтение молитв на похоронах, проведение православных праздников.

Все обряды, проводимые служителем, сопровождались молитвами. По словам респондента, служительница «знала, какую молитву когда читать, когда крестить, когда вот к этой Пасхе или там к празднику какому... покойнику какую молитву читать» [3]. Таким образом, в условиях отсутствия церкви народные служители православия в той или иной степени способствовали сохранению православных традиций в сельской среде (подробно см. [4]).

¹ Интервью проводились на основе вопросников «Церковь Алтая в 1920–1940-е гг.» и «Православие в представлениях крестьян». См. [1].

Анкетирование. Анкетирование проводилось по теме «Православие в современной крестьянской среде», преимущественно среди жителей с. Тогул. Согласно полученным данным, 60% опрошенных считают себя истинно православными верующими, а 83,8% из них молятся ежедневно. Но только 10% от общего числа опрошенных посещают церковь по всем православным праздникам, при этом 75% анкетированных отмечают все православные праздники [5].

Необходимо отметить, что данное анкетирование проводится исследователем впервые, поэтому распространение анкет вызвало некоторые трудности. Во-первых, ряд вопросов оказался сложным для восприятия верующих, в связи с этим в дальнейшем необходима адаптация анкеты к изучаемой среде. Во-вторых, некоторые вопросы при анкетировании респондентов 1920–1930-х гг. рождения необходимо исключить, так как пожилые информаторы не знают, как на них необходимо отвечать, поскольку им непонятны многие процессы в современной религиозной жизни.

Наблюдение. Данный метод используется практически в каждом исследовании. В исследовании по религиозной тематике наблюдение помогает не только лучше понять отношение респондента к вере, но и проанализировать религиозную ситуацию в селе. Исследователю удалось побывать на обряде крещения в Тогульской церкви св. Михаила, где было позволено фотографировать и наблюдать. Церковь расположена в центральной части с. Тогул. И внешнее, и внутреннее убранство храма не «дышил святостью», всем своим видом говоря о мирском прошлом здания. В настоящее время церкви в селах в основном не строятся, а в этом качестве используются бывшие детские сады, клубы и пр. В некоторой степени это определяет отношение верующих к храму. Так, прихожане Тогульской церкви заходят в храм в брюках, джинсах, лишь небольшая часть, преимущественно пожилые женщины, надевают юбки. Отец Вячеслав, священник церкви св. Михаила, чтобы не отпугнуть и так немногочисленных прихожан, не делает замечаний об их внешнем виде.

Таким образом, в современной сельской среде наблюдается сложная ситуация. Пожилые люди, которые в прошлом были атеистами, женщины средних лет, пережившие семейную трагедию, молодежь в поисках духовной опоры в современном мире – все они обращаются к Богу. Но здесь возникает проблема: у новых верующих недостаточно духовного опыта. Поколение сельских жителей 1910–1920-х гг. рождения, которое может восполнить недостаток знания религиозных обычаев, уходит из жизни. Новые верующие, в основном женщины средних лет и молодежь, не обращают внимания на то, как старшее поколение советует вести се-

бя в храме, как одеваться. Сельские священники относятся к своим прихожанам слишком либерально, если не попустительски, боясь настроить против церкви и без того немногочисленных верующих. Хотя этот фактор, на наш взгляд, субъективен и вполне подлежит изменению.

Таким образом, для современной крестьянской среды характерно то, что основная масса верующих не знает постулатов своей веры, неграмотна в вопросах религии. Но трансформирующиеся на протяжении всего XX в. крестьянское сознание отчасти сохранило те народные представления о вере, какие существовали на рубеже XIX–XX вв. Дальнейшее исследование данной темы необходимо для реконструкции целостной картины религиозности крестьян в конце XIX в., что должно учитываться исследователем в оценке степени религиозности в современной крестьянской среде.

Источники и литература

1. Историческое и культурное наследие алтайской деревни: Материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: Метод. пособие / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2006. С. 19–21; 63–64. (Примеч. авт.).
2. Воронина Т. А. Практика русского православного поста в XX в. (1917–1991 гг.) // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: Этнографические исследования и материалы. Портал-Credo.Ru. <http://www.portal-credo.ru> (сентябрь 2005 г.).
3. Архив лаборатории исторического краеведения (ЛИК) БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район. Абрамович Анна Федоровна, 1928 г. р.
4. Шишмакова Т. Ю. Народные служители православия в сельской среде // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: материалы международ. науч. конф. Горно-Алтайск, 23–24 нояб. 2006 г. / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2006. С. 185–189.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г. Тогульский район. Материалы анкетирования по теме «Православие в современной крестьянской среде».

Т. К. Щеглова

Этнографические и устноисторические исследования полевого сезона 2006 г. БГПУ

Устноисторические исследования 2006 г. определялись необходимостью подведения промежуточных итогов работы по устной истории с 1990 г. В мировой практике занятие устной историей получило массовое развитие с 1940-х гг. В 1960 г. было создана Международная ассоциация устной истории, с 1978 г. проводятся международные конференции. Главной задачей этого международного сообщества является создание адекватной источниковой базы новейшей истории методом интервьюирования непосредственных участников и очевидцев событий недавнего про-

шлого с фиксацией на аудио- и видеоносителях. В 1989 г. было образовано Всероссийское общество устной истории.

Осознание ограниченности документированной источниковой базы по советской истории способствовало утверждению методов устной истории в отечественной исследовательской практике. В БГПУ первый опыт полевых исследований был приобретен в Солонешенской экспедиции 1990 г. Позже в выделившемся при лаборатории исторического краеведения секторе этнографии и устной истории была разработана программа «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие». На сегодняшний день реализуется несколько подпрограмм, например «Депортации и репрессии на Алтае», «Алтайская деревня в период советских реорганизаций и преобразований: история снизу», «Переселения и миграции из Казахстана и Центральной Азии в постсоветский период: свидетельства очевидцев» и т. д. За семнадцать лет работы создан обширный архив устных исторических источников по новейшей истории – как в виде записи интервью вручную (до 1994 г.) так и в форме аудиозаписей (более 1000 аудиокассет продолжительностью около 1500 часов; более 100 часов цифровой записи и около 100 часов видеосюжетов).

Накопленный опыт практической работы позволил лаборатории исторического краеведения инициировать проведение всероссийского семинара по устной истории¹. Его главной целью являлась организация встречи российских исследователей, работающих в области устной истории, для обсуждения теоретических проблем устной истории и практических результатов. Последняя конференция по устной истории, организованная Всероссийским обществом устной истории, прошла в 1992 г. в Калининграде.

За последние годы в России появились новые центры устной истории, выросло число исследователей, практикующих методы устной истории (*oral history*). Формирование устных фондов, альтернативных государственным архивам, приобретает массовый характер. Немаловажное значение для организации семинара имел тот факт, что устная история нашла широкое применение в школьном краеведческом движении. Обращение к информационному пространству населенных пунктов с материальными следами прошлого и мыслительными конструктами этносоциальных групп является жизненно необходимым, особенно для сельских учителей в отсутствие полноценных библиотечных и архивных фондов. Наконец, сформировавшийся современный разрыв между поколениями отцов (советские люди) и детей (постперестроечное поколение) делает ак-

¹ Проведен при финансовой поддержке РГНФ-Регион (проект 06-01-60182 Г/Т.

туальными социальные функции истории. Устная история открывает благоприятные возможности для диалога этих групп населения.

Поставленные задачи обусловили состав участников и формы работы семинара (25–27 сентября 2006 г., БГПУ), в рамках которого прошли научная конференция «Устная история (oral history) в отечественной практике: метод, источник, научная интерпретация», два мастер-класса «Устная история и документалистика: из опыта работы государственных архивов» и «Проведение устно-исторических исследований: методические рекомендации на основе отечественного и зарубежного опыта», семинар молодых исследователей по устной истории, а также круглый стол «Интервью в социогуманитарных исследованиях». Участниками семинара являлись ведущие специалисты в области устной истории, учителя, преподаватели вузов, архивисты, работники музеев.

На пленарном заседании конференции состоялась презентация российских центров устной истории и индивидуальных программ. Сотрудник Центра устной истории Европейского университета (г. Санкт-Петербург) канд. ист. наук Т. Ю. Воронина познакомила с программами петербургских историков и на примере одной из них («Блокада Ленинграда») рассмотрела конструирование образа событий в памяти жителей и историческом сознании общества. Член научного совета Центра устной истории и биографии международного общества «Мемориал» (г. Москва) И. С. Островская при анализе проекта работы «Мемориала» «Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших оstarбайтеров» продемонстрировала подход комплексного использования документов личного происхождения, рассказала о методах глубокого интервьюирования. Преимущества, формы и способы длительного контактирования с информантами показала в своем выступлении «Советская семья. Способы выживания: травматический опыт семейной истории в устных свидетельствах» руководитель архива «История ГУЛАГ» общества «Мемориал» А. Г. Козлова. Российско-белорусский научно-исследовательский проект центра устной истории (г. Петрозаводск) «Предвоенное и послевоенное десятилетия: трансформация культуры сквозь призму повседневных адаптивных практик (БССР, КФССР)» охарактеризовал научный сотрудник А. Ю. Осипов. Об использовании устной истории в изучении социокультурной истории Байкальской Сибири в исторической памяти народа рассказала канд. ист. наук, доцент Л. М. Салахова (г. Братск). С презентацией направлений и форм работы сектора этнографии и устной истории лаборатории исторического краеведения БГПУ выступила д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова. Проблемам устной истории и перспективам изучения русского крестьянства было посвящено выступление основате-

ля Всероссийского общества устной истории, д-ра ист. наук, проф. В. А. Бердинских (г. Киров, ВятГУ). Теоретические проблемы устоисторических исследований рассматривались в докладе канд. ист. наук, доц. М. Л. Бережновой «Неустные формы устной истории» (ОмГУ, г. Омск). В ходе выступлений был сделан вывод о том, что устная история в России прошла накопительный этап, завершившийся формированием коллекций устных исторических источников, сформировался значительный опыт применения методов устной истории и освоения зарубежных методик. На повестку дня встали вопросы интерпретации устных исторических источников и включения их в научные исторические повествования.

Обсуждению характера устных исторических источников, их достоверности, репрезентативности, междисциплинарных возможностей устной истории, введение устных исторических источников в исследовательскую практику была посвящена работа секций. Часть докладов касалась признания устных исторических источников академической наукой. В частности, в докладах «История устная и письменная на материалах Алтая» д-ра ист. наук, профессора И. В. Октябрьской и научного сотрудника ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) Е. Савушкиной «Мифологизация истории» показана надуманность «оппозиции письма и устности». Д-р ист. наук, проф. В. А. Зверев (НГПУ), имеющий значительный опыт в создании и использовании коллекции историко-биографических материалов, остановился на природе устного исторического источника, канд. ист. наук Е. И. Косякова обобщила изучение городской повседневности межвоенных лет глазами очевидцев и сравнила специфику письменных и устных источников. Большой интерес вызвало выступление Е. К. Лейбовой (НГПУ) о методике сбора и изучения устных исторических источников старшеклассниками в ходе изучения новейшей истории России. Применение методов устной истории в изучении конкретных тем и особенности работы с отдельными этносоциальными группами нашли отражение в выступлениях канд. ист. наук И. В. Куприяновой (АлтГАКИ, г. Барнул), канд. ист. наук А. Ю. Охотникова и М. В. Блошицкой (г. Новосибирск), Е. А. Болотовой и С. А. Соловьевой (г. Бийск), канд. ист. наук К. В. Фадеева (г. Томск), Н. Н. Страту и А. С. Фетисова (г. Горно-Алтайск) и др.

Междисциплинарные возможности устной истории на конференции обсуждали лингвисты, музеологи, социологи, филологи. Среди поднятых вопросов были перспективы взаимодействия лингвистики и устной истории, характеристика письма как лингвоисторического источника, методы сбора и первичного описания обыденных текстов и др. Конкрет-

Рис. 1. Семинар «Устная история: теория и практика». Слева направо: Т. К. Щеглова, Т. Ю. Воронина, И. С. Островская

ный опыт работы по сбору воспоминаний старожилов и их источниковое значение для изучения региональной языковой системмы обобщен в выступлении д-ра филол. наук, проф. (АлтГУ) Л. М. Дмитриевой. Использованию метода устной истории в музеологии посвящено выступление д-ра ист. наук, проф. О. Н. Труевцевой (БГПУ, г. Барнаул).

На семинаре молодых исследователей по устной истории выступили студенты, магистранты, аспиранты Барнаульского государственного педагогического университета. Они презентовали результаты своего участия в реализации программ лаборатории исторического краеведения. Основным лейтмотивом их выступлений являлся анализ интерпретаций исторических событий советской истории «безмоловствующим большинством российского общества» и источникovedческие проблемы. Среди обсуждаемых сюжетов «народной истории» были насилиственные переселения в 1940–1950-е гг., социальная дистанция в алтайской деревне (на примере воспоминаний колхозников, рабочих совхозов, МТС, леспромхозов), воровство в колхозах в годы войны в толкованиях очевидцев, народные служители православия в алтайской деревне 1940–1970-х гг. в устной семейной истории, организация системы хранения архива устных исторических источников ЛИК БГПУ, место устных исторических источников в отечественных классификациях источников и т. д.

В мастер-классе, проведенном на базе Управления архивного дела администрации Алтайского края, специалисты отдела спецдокументации и Центра хранения архивных фондов Алтайского края представили результаты сбора воспоминаний и формирования коллекций документов репрессированных жителей Алтайского края, затронули проблемы ком-

плектации архивных учреждений аудиовизуальной документацией и практики работы с ними, на примере воспоминаний членов Барнаульской организации РСДРП о событиях 1905 г. показали приемы работы с устными источниками. В мастер-классе по организации устно-исторических исследований, проведенном специалистами Барнаула, Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска демонстрировались типы интервью, методы работы с респондентами, отрабатывались методические рекомендации на основе отечественного и зарубежного опыта.

Проведенный в завершение работы семинара круглый стол вызвал жаркие дискуссии, которые позволили обсудить многие спорные проблемы. По многим из них не удалось достичь консенсуса. Так, исследователи не пришли к единому определению устного исторического источника. Разногласия вызвали и способы применения зарубежного опыта: от предложения прямых заимствований, например, американских устных историков, до существенной адаптации зарубежного опыта к исторической специфике России и ментальности российского общества. В русле этого спора были поставлены, например, вопросы об этичности ссылок в публикациях на данные об информантах, об этичности использования скрытого микрофона, о влиянии интервьюера на респондента и т. д. Оживление вызвали и вопросы презентации этих источников, когда исследователи потребовали при публикации устных исторических источников сохранения полной их информативности, которая может потребовать введения знаковой системы, отражающей эмоциональную реакцию рассказчика (настороженность, страх, улыбку), фиксацию обыденной речи, диалектных особенностей и т. д.

В заключение участники семинара приняли резолюцию, в которой отразилась своевременность и актуальность прошедшего форума. В резолюции отмечается необходимость дальнейшей консолидации всех центров устной истории и устных историков России, активизации их работы через организацию совместных проектов, конференций, семинаров, внедрение устноисторической практики в исследовательскую практику образовательных учреждений. Для этого было предложено активизировать деятельность Всероссийского общества устной истории, координатором работы которого была избрана д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова. Следующую конференцию решено провести в 2007 г. на базе Братского государственного университета; ее центральной темой может стать проблема методологии интерпретации устных исторических источников.

Проведение всероссийского семинара определили и усиление устноисторических исследований в летней историко-этнографической экспедиции 2006 г. на территории Тогульского района. В ней наряду со студен-

тами, магистрантами и аспирантами БГПУ участвовали аспиранты Бийского педуниверситета и Института археологии и этнографии СО РАН. Территория Тогульского района по природно-географическим условиям представляет собой притаежную предгорную, всхолмленную равнину Присалаирья, расчлененную балками с развитой речной сетью. Наиболее крупные реки – Тогул и Уксунай. Природные условия определяли уклад и образ жизни местного населения, которое приспосабливалось под «кормящий ландшафт». Развитая речная сеть определила долинно-приречный тип заселения местности. Наличие притаежных и таежных лесных массивов обусловило развитие срубной крестьянской архитектуры. Ландшафтные условия местности способствовали развитию животноводческого, лесозаготовительного направления в сельском хозяйстве и кустарных промыслов среди местного населения. В советское время активно развивались лесозаготовки, льноводство, племенное животноводство. Это позволило сделать упор на таких темах, как социальная дифференциация в советском обществе: в государственном и колхозно-кооперативном секторе, промышленном и сельском хозяйстве, между разными группами сельского общества. Вследствие окраинного положения района, слабого развития транспортной инфраструктуры, неблагоприятных для земледельческого труда условий на его территории в постсоветский период наблюдается интенсивное разрушение поселенческой инфраструктуры, стагнация экономики и неблагоприятная демографическая ситуация. Этим было обусловлено и увеличение объемов устноисторических исследований постсоветской истории. Малыми выездными группами были проведены этнографическое исследование и массовый сбор устных исторических источников на территории Верх-Коптельского сельсовета (с. Верх-Коптелка) 5–8 июля 2006 г., Уксунайского сельсовета (с. Уксунай) 5–8 июля 2006 г., Старотогульского сельсовета (с. Старый Тогул, 5–8 июля 2006 г., Антипинского сельсовета (с. Антипино, с. Бураново, с. Колонково) 10–15 июля 2006 г., Новоушинского сельсовета (с. Новоушино) 10–14 июля 2006 г., Топтушенского сельсовета (с. Топтушка) 10–14 июля 2006 г., Шумихинского сельсовета (с. Шумиха) 11–15 июля 2006 г., Тогульского сельсовета (с. Тогул, пос. Льнозавод) 5–15 июля 2006 г.

Лагерь экспедиции располагался вблизи с. Тогул на берегу р. Уксунай (приток р. Чумыш). Исследовательская работа в экспедиции была построена по принципу формирования малых групп (4–6 человек) для работы в селах одного сельского совета. Работа в Тогульском сельсовете велась группой студентов, проживавших в лагере. Выездные группы на время работы размещались администрацией сельских советов в цен-

трах сельских администраций (в гостиницах, интернатах, школах и др.). Главной задачей являлось формирование источниковой базы по истории района и этнографии народов, проживающих в исследуемых селах, для пополнения архива лаборатории исторического краеведения БГПУ устными источниками, фото- и видеоматериалами и сбор этнографического материала для этнографической коллекции историко-краеведческого музея БГПУ.

К работе в полевых условиях были изданы методические пособия¹. В соответствии с программой исследования были подготовлены необходимые бланки: «Аннотация к фотопленке», «Аннотация к фотографии предмета», «Акт передачи в собственность музея», «Аннотация-паспорт предмета», «Паспорт жилого дома», «Застроочно-архитектурный облик села», «Застроочно-планировочная структура поселения» и анкеты: «Переселения и миграции на рубеже ХХ–XXI вв. из Средней Азии и Казахстана», «Этническое самосознание и современная этническая культура народов Алтайского края», «Православие в современной крестьянской среде» и т. д. Важнейшими направлениями исследований в ходе экспедиции стали новейшая история алтайской деревни и интерпретации очевидцев и участников событий через биографические, тематические и автобиографические интервью.

Всего было проведено более 179 интервью (зафиксированных на аудиокассетах и цифровых носителях) с представителями различных этнических групп (русских, немцев, мордвы, чувашей и др.) и этнографических групп русских (основу составляли потомки старожилов). Возраст респондентов не был ограничен, поскольку в спектр изучаемых исторических проблем мы включили и современность: это были люди от 1920–1930-х до 1960-х гг. р.

Всего было обследовано 11 населенных пунктов района. Выявлены исчезнувшие населенные пункты, составлены схемы планировки сельских населенных пунктов района на 2005 г., получены данные по современному развитию сел района, составлены паспорта на жилые дома, представляющие интерес как образцы крестьянской архитектуры конца XIX – первой половины XX в. (зафиксированы двухэтажные дома конца XIX – первой половины XX в.), из памятников культовой архитектуры зафиксировано и сфотографировано здание часовни в с. Тогул. Проведено анкете-

¹ Историческое и культурное наследие алтайской деревни: Материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: Метод пособие / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: БГПУ, 2006 (Серия «Этнография и устная история»); Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: Метод. пособие. Вып. 2. Изд. 3-е, испр. Барнаул: БГПУ, 2006 (Серия «Этнография и устная история»).

Рис. 2. Круглый стол в администрации г. Барнаула «Состояние и перспектива сотрудничества администрации г. Барнаула, АНКО и научного общества по сохранению и развитию национально-культурных традиций». Слева направо: И. Хасаев, Ю. А. Гончаров, Т. К. Щеглова, Г. В. Королев, П. Д. Фризен, Е. Г. Буянкина

тирование: анкета «Этническое самосознание и современная этническая культура народов Алтайского края»: русские – 35 шт., немцы – 2 шт., чуваши – 1 шт., мордва – 1 шт.; «Переселения из Средней Азии и Казахстана» – 3 шт., «Православие в современной крестьянской среде» – 20 шт., «Этническое самосознание русских» – 8 шт. и др. Осужденщен сбор документальных источников и вещественных материалов по традиционной культуре народов, проживающих на территории Тогульского района. На основе материалов Тогульской экспедиции в рамках всероссийского семинара прошла секция молодых исследователей по устной истории. Участники выступили с темами «Лесосплав и лесозаготовки в Тогульском районе в 1930–1950-е гг.», «Совхозы и колхозы в алтайской деревне в устной интерпретации», «Женский труд в годы войны: гендерный фактор в устной истории», «Воровство в колхозах в годы войны», «Женский труд в колхозах в 1930–1950-е гг. в алтайской деревне», «Повседневный быт в годы войны», «Дети войны: использование устных источников в военно-антропологических исследованиях» и т. д.

Продолжалась работа по сбору материала в рамках программ «Этническая мозаика Барнаула» и «Народы Алтая: история и культура». Собранные материалы использовались при проведении многих краевых и городских мероприятий. 16 июня 2006 г. в администрации г. Барнаула был про-

веден круглый стол «Состояние и перспективы сотрудничества администрации г. Барнаула, Ассоциации национально-культурных объединений и научной общественности по сохранению и развитию национально-культурных традиций, формированию этнической толерантности». В его работе приняли участие заместитель главы администрации, руководитель аппарата П. Д. Фризен, который в том числе выразил благодарность исследователям, «чья кропотливая работа по изучению исторических корней разных народов, проживающих в Барнауле, позволяет выстраивать национальную политику». Начальник отдела по связям с общественностью администрации Барнаула Г. В. Королев рассказал о процессах этнической консолидации, работе более 20 национальных общественных объединений и перспективах сотрудничества администрации с общественностью и учеными. С докладом «Этническая мозаика Барнаула в прошлом и настоящем» выступила зав. кафедрой отечественной истории, д-р ист. наук Т. К. Щеглова. О деятельности Ассоциации национально-культурных объединений (АНКО) рассказала ее президент канд. пед. наук Е. Г. Буянкина.

В обсуждении приняли участие руководитель национально-культурной автономии вайнахов Иса Хасаев, армянской диаспоры Мхитар Рашидович Ароян, Национально-культурной автономии Азербайджана Мурат Мухамедалиевич Зейналов, председатель центра казахской культуры «Ата-Мура» Хайржан Сабитович Досумбеков и др. В конце работы «круглого стола» была принята резолюция, включавшая предложения по дальнейшему развитию содружества администрации г. Барнаула с общественными организациями и научными центрами с целью укрепления этнической толерантности. Участники одобрили ряд предложений: продолжить работу по созданию Дома дружбы как центра межэтнического диалога культур; рекомендовать администрации г. Барнаула выделить целевое финансирование работы научно-исследовательского кол-

Рис. 3. Семинар «Россия –Башкирия: 450 лет вместе». Справа –имам-хатыб хазрат Ф. М. Ахметгалиев. Выступает В. Я. Ильиных

Рис. 4. Председатель центра казахской культуры Ата-Мура Хаиржан Сабитович Досумбеков

ции В. В. Путина о праздновании юбилейного события в 2007 г. на всех территориях Российской Федерации планируется проведение мероприятий. В Барнауле инициативу проявил Башкирский культурный центр «Курай» (председатель Марьям Касимовна Сафиуллина). Всего в Барнауле зарегистрировано 23 национально-культурных объединения. ЛИК БГПУ работает со всеми по изучению этнической истории и традиционной культуры народов Барнаула. Проводится интервьюирование и анкетирование, изучаются семейные архивы. БГПУ проводил семинар совместно с башкирским центром культуры «Курай», Башкирским госпедуниверситетом, АНКО, отделом по связям с общественностью и информационной политикой администрации Барнаула и краевой администрацией. В мероприятии приняли участие представители всех культурных автономий – татарской, еврейской, казахской, азербайджанской, немецкой, алтайской, чеченской и др. Из Башкортостана выступали зав. сектором межрегиональных и международных связей Исполкома Всемирного Курутгая башкир (г. Уфа) Р. З. Гайфуллина и декан факультета башкирской филологии Башкирского ГПУ, доктор исторических наук, профессор

коллектива ученых БГПУ и АлтГУ для подготовки и издания информационно-справочных материалов «Этническая мозаика Барнаула в прошлом и настоящем». По итогам круглого стола было заключено трехстороннее соглашение о сотрудничестве администрации города Барнаула, БГПУ и АНКО в области изучения и сохранения историко-культурного наследия.

23 ноября 2006 г. в БГПУ был проведен научно-практический семинар «Россия – Башкирия: 450 лет вместе», приуроченный к 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. На основании приказа Президента Рос-

К. К. Каримов. Они подарили женский и мужской башкирские костюмы ручной работы, вручили грамоты за большой вклад в организацию изучения и популяризации историко-культурного наследия башкир. В выступлениях участвовали также начальник отдела по взаимодействию с общественными и религиозными объединениями краевой администрации В. Я. Ильных, имам-хатыб хазрат Ф. М. Ахметгалиев, президент Ассоциации национально-культурных объединений Е. Г. Буянкина, председатель Алтайской башкирской культуры М. К. Сафиуллина, председатель Автономии башкир г. Новосибирска Р. Н. Тагирова и др.

На семинаре обсуждались значение добровольного вхождения башкирского народа в состав Российской государства, вопросы этнической истории и традиционной культуры башкир, формирования башкирских диаспор Алтая и Сибири. Сотрудники ЛИК подняли проблемы сохранения и популяризации историко-культурного наследия народов Алтайского края и формирования этнической толерантности и веротерпимости в поликультурном сообществе Алтайского края, ответили на вопросы о происхождении башкир, о взаимодействии культур тюркских народов. Такие мероприятия являются оптимальной формой сотрудничества ученых-этнографов и историков, с одной стороны, и представителей этнических культур и административно-управленческих структур, с другой стороны, и способствуют оздоровлению общественного климата поликультурного сообщества Барнаула и Алтайского края. Таким образом, сформировалась устойчивая тенденция проведения полевых и стационарных исследований по устной истории и этнографии с практическим использованием их в научной, просветительской и общественной работе, в чем, собственно, и состоит социальная миссия исторической науки.

Рис. 5. Женский и мужской башкирские костюмы

Л. А. Явнова

Полевые исследования в г. Бийске 2006 г. (по материалам изучения поляков города)

Среди многих задач, стоящих перед отечественной этнографией, безусловно, важной является проблема исследования этнических групп, особенностей проявления национальной культуры в условиях города [1, с. 45]. Изучение этнокультурной мозаики г. Бийска предлагалось рассматривать в контексте истории микрорайонов, конкретных зон города.

В 2006 г. факультетом истории и права БГПУ им. В. М. Шукшина при сотрудничестве краеведческого музея им. В. В. Бианки и молодежного центра «Родина» осуществлялась реализация проекта «Этнокультурная карта г. Бийска XX в.». На первом этапе внимание исследователей было сосредоточено на изучении традиций национальных групп Бийска: русских, татар, кумандинцев, немцев, поляков и других этнических общностей, которые сложились в городе ко второй половине XX в.

Основными направлениями исследовательских групп явилось изучение семьи, календарных праздников, этикета общения, взаимовлияния этнокультурных традиций, деятельности национальных обществ в городе. Основными методами исследования в условиях города стали беседа, анкетирование, интервьюирование, включенное наблюдение с использованием видеосъемки.

Данная работа основана на материалах полевых исследований, проведенных автором и группой студентов в течение 2006 г., и посвящена функционированию польского общества «Белый Орел» и особенностям культуры поляков Бийска.

Поляки г. Бийска. По данным переписи 1989 г., в Бийске проживало 90 поляков, из них мужчин – 46, из которых родным языком владеют 5, женщин – 44, из которых родным языком владеют 5 (Распределение населения и родному языку г. Бийск, 1989). По данным переписи 2002 г., поляков в городе насчитывается 79, из них 39 мужчин, 40 женщин (Всесоюзная перепись населения 2002 г.). Хотя, по замечанию представителей польского общества, данные переписей довольно приблизительные. Примечательна география расселения поляков на территории Бийска. По данным архива и ЗАГСа поляки, евреи, татары предпочитали селиться в «старой» и заречной частях города – на «окраинах» (ул. Иркутская, Казанская, Сенная, Болотная, Л. Толстого, Куйбышева, Пожарная). В качестве примера приведем сведения из документа. Мазурек Здислава Филипповна – полька, 1930 г. р., проживает по ул. Сенная, 137, Квалинская Елена Ивановна – полька, 1893 г. р., проживает по ул. Больничной, 10, Рынгель Абрам Нусимович – еврей, 1921 г. р., проживает по ул. Пожарная, 30 (Списки граж-

дан, проживавших в г. Бийске, возбудивших ходатайство о выходе из Советского гражданства 1945 г. Архивный отдел администрации г. Бийска. Ф. 135, оп. 1, д. 15, л. 1–2; Ф. 144, оп. 3, д. 11). В настоящее время четкой локализации проживания поляков в городе нами не обнаружено.

На подготовительном этапе исследования осуществлялось активное взаимодействие с польским обществом, собирались материалы по устной истории поляков Бийска. Основная часть поляков в городе – это потомки ссыльных, переселенцев из Тернопольской, Ивано-Франковской, Львовской областей.

Польская община Бийска имеет свою историю. В 1840 г. в Бийск из Вильнюсской губернии был сослан католический священник ксендз Антоний Шишко. Он открыл первую в городе частную школу. После трех лет деятельности школа была закрыта. В 1905 г. 29 католических семей подписались под просьбой о разрешении на строительство католической часовни на собранные средства. Живы свидетели, которые еще в 1930-х гг. видели ее на католическом кладбище (по ул. Краснооктябрьской, в заречной части города). Как утверждают свидетели, церковь была разрушена, а кладбище сровняли с землей в 1937 г. Во время Второй мировой войны в Бийск были направлены эшелоны сосланных поляков и литовцев, первые – в 1940 г. В этом отношении очень показательна история семьи В. Ярузельского. С начала войны семья Ярузельских выехала в Литву. 14 июня 1941 г. его мать и сестру депортировали в Сибирь, в Алтайский край. Отец был арестован отдельно и сослан в Красноярский край, лагерь Решеты. И только в июле 1941 г. отец приехал в Бийск. Как вспоминает Войцех Ярузельский, «его трудно было узнать. Передо мной стоял скелет. Он после лагеря сильно истощен. Еще работал два месяца конюхом. Но вскоре умер и был похоронен на кладбище в Бийске. Мои мама и сестра вернулась в Польшу в 1946 г». В Бийске Войцех Ярузельский проживал до июня 1943 г. [2, с. 15–16].

Только в 1993 г. из Новосибирска начал приезжать в Бийск отец Анджей Грачык, а после него – отец Роман Цалы. Католическая община Бийска была зарегистрирована в 1997 г., а через год создан новый приход и назначен настоятель – отец Анджей Обуховский. «Первую святую мессу я отслужил 23 апреля, в день памяти святого Войцеха, миссионера Пруссии. Во время службы самый молодой прихожанин, поднятый своим дедушкой, повесил на стене католический крест. С этого момента здесь звучат с алтаря евхаристические „Господь с вами“, – рассказал отец Анджей.

Изучение поляков города представляется актуальным, так как долгое время поляки свою этничность предпочитали не афишировать. По словам руководителя польского общества «Белый Орел» г. Бийска Вальдемара

ра Мечиславовича Ковальского, «боялись... сказать, что ты поляк – табу в семье. Существовал ряд ограничений при приеме на работу, в учебе. Дети репрессированных меняли фамилию и национальность» (ПМА 2006).

Беседуя с отцом Анджеем, ксендзом Бийской часовни, и другими членами польского общества, удалось выяснить, что при определении своей этничности поляки указывают на влияние религиозного фактора. При непосредственной работе с респондентами выяснилось, что католическая месса и польское общество в целом играют большую роль в жизни поляков Бийска. Большинство поляков сейчас говорит на русском языке, но возрождается интерес к польскому языку. На базе часовни действует воскресная школа по изучению родного языка для разных возрастных категорий. Ежегодно в городе проводятся «Дни польской культуры», в которых активное участие принимают дети и молодежь. Общество активно ведет кропотливую работу по восстановлению родословных поляков (этим вопросом в обществе занимается Э. В. Грязина), но большая часть информации потеряна или забыта. Огромное внимание уделяется семейному воспитанию. Особенно это проявляется в посещении мессы молодыми семьями с маленькими детьми. Духовное воспитание подрастающего поколения, по мнению поляков, состоит в следующем:

- религиозное воспитание детей и молодежи (подрастающее поколение активно включается в жизнь общества);
- изучение родного языка;
- сохранение этнического самосознания в полиэтничной среде.

В обществе с огромным уважением относятся к самым пожилым представителям поляков в городе. Одной из них является пани Мария – Мария Николаевна Легачева (Заблоцкая), 1924 г. р. Ее воспоминания легли в основу изучения быта и духовной культуры поляков. Но самые драматичные эпизоды жизни касались войны.

«Война меня застала в Тернопольской области, в селе Баврово. С 1939–1940 забрали в армию всех мужчин в семье. Как немцы пришли, то украинцы начали угрожать нам. Потому что раньше эта земля была польской, я же все помню: когда украинцам надо сделать свою вечеринку, они повязывали красные ленточки и брали разрешение у польских властей. До войны все было спокойно, мирно: поляки женились на украинках, украинцы брали в жены полек. А потом, как почуяли немецкую власть, они (украинцы) захотели „самостийную Украину“. А нам говорили: „Уезжайте к себе в Польшу, а то убьем“. К 1944 г. забрали все: дом, хозяйство. Все забрали (очень яростно высказывается). Меня мама прятала в погребе от полицаев, чтобы не угнали в Германию... Придут немцы и спрашивают, где дочь, а она им по-немецки говорит: а что ей делать со

мной? Уехала куда-то, мне ничего не сказала. А я в погребе сижу, мама мне суп спускала в яму; немцы ходят, а я в яме живу, долго пряталась. Но чью вылезу — никто не ходит, молока напьюсь, умоюсь, подышу, похожу. К утру лезу опять в яму. Вот такая была жизнь. В 1944 г., когда Украина и Тернополь были освобождены от немцев, меня призвали в армию Войска Польского, которое объединилось со Вторым украинским фронтом. Была телефонисткой. Вместе с 33-м пехотным полком седьмой дивизии Войска Польского я прошла половину войны (показывает документы и военные фото). Всю войну под гимнастеркой хранила бабушкин молитвенник (показывает), он меня от пули спас. Мама меня учила молиться с шести лет... На фронте познакомилась со своим будущим мужем (этническим поляком), в чине майора. В 1947 г. приехали по распределению мужа в Иркутск, потом в Красноярск, а в 1953 г. в с. Лебяжье Алтайского края, где у мужа жили родители (прадед мужа был сослан в Сибирь). Осенью 1954 г. переехали в Бийск. Здесь меня никто не обижал, что я полька. Но старики рассказывали, что были такие случаи: „Вас оттуда выгнали, вы сюда приехали“ [АМПП, № 32. С. 5–6]. В Бийске я уже 30 лет.

Когда Вы сюда приехали, общались с поляками? На польском или на русском языке?

«Да, общались, на польском, но они давно померли, были уже в преклонном возрасте. Мне люди показали, что „за рекой“ есть часовня католическая, там познакомишься со своими. Я и поехала, сейчас старше меня никого не осталось».

Огромная роль в передаче традиций возлагается на женщин общества. Пожилые и молодые польки любят проводить конкурсы национальной польской кухни. Любимым национальным блюдом является бигус (отбивные с картошкой, огурцом и квашеной капустой). Для бигуса используются различные виды мяса: соленое, вареное, колбасы. Несколько раз перемешивается, добавляются специи. Из свинины делается «бочек» с гороховым супом. На Пасху обязательно готовят холодец, разные «печенишки», выпечку. На наш вопрос: «А есть ли у поляков фирменное блюдо?» — отец Анджей ответил: «Есть (смеется) заливная рыба. На Рождество традиция — карп в разных формах. Моя тетя готовила на Рождество 12 блюд и никогда не повторялась. В Бийске используют разную рыбу. На праздник „Толстый“ или „Жирненький“ (аналог русской Масленки) всегда едят пончики с маслом... На свадьбу обязательно делают студень, запекают курицу, свинину с хреном» [ПМА 2006].

По нашим наблюдениям, как правило, после мессы поляки пьют чай или кофе с печеньем и общаются. Католическую мессу стараются посещать поляки из близлежащих сел Смоленского и Целинского районов.

В настоящее время удалось выявить, что в польском обществе Бийска пытаются восстановить утраченную связь поколений и поддержать национальную культуру.

Обозначения

ПМА – полевые материалы автора, 2006 г.

АМПП – архив материалов полевой практики ФИиП 2006.

Литература

1. Томилов Н. А. Культура городов в России и проблемы изучения народной городской культуры // Городская культура Сибири: история и современность: Сб. науч. тр. Омск. 1997. С. 40–51.
2. Леончик С., Фомин Н. Была общая борьба и общая победа (интервью с В. Ярузельским) // Соотечественники. № 2. Абакан, 2005. С. 14–16.

Приложение. Предлагаемые вопросы для беседы.

1. Ваши фамилия, имя и отчество, возраст.
2. Кто из Ваших родственников был этническим поляком?
3. Насколько хорошо Вы знаете свою родословную?
4. Как давно Вы проживаете в Бийске? (Откуда Вы приехали, с точным указанием населенного пункта).
5. В какой период времени, по какой причине?
6. Как складывались/складываются взаимоотношения с представителями других национальностей (русских, украинцев и лиц кавказской национальности)?
7. Чувствовали ли Вы дискриминацию когда-либо со стороны властей?
8. Считаете ли Вы себя поляком? Почему?
9. Либо Вам ближе стал русский этнос?
10. Как Вы относитесь к межэтническим бракам?
11. Соблюдаете ли Вы традиции, праздники, обычаи польской культуры? Откуда Вы их узнали?
12. Считаете ли Вы, что поляк – это прежде всего католик?
13. Кто из членов Вашей семьи еще верующий? (Какая религия)?
14. Возникали ли в семье конфликты на этой почве (при условии, что брак межэтнический)?
15. Передаете ли Вы своим детям польскую культуру?
16. Знаете ли Вы польский язык?
17. Кто Вас научил ему?
18. Учили/учите ли Вы своих детей польскому языку?
19. Поддерживаете ли Вы связь с поляками, живущими в городе?
20. Вы регулярно посещаете католическую мессу?
21. Принимаете ли Вы участие в работе польского общества? Ваши функции.
22. Поддерживаете ли Вы связь с родственниками, живущими в Польше?

Биографическое повествование как устный источник

В. П. Андреев

Два года в укрепленном районе: армия глазами офицера-двухгодичника

В последнее время наряду с воспоминаниями участников Великой Отечественной войны начинают появляться воспоминания участников локальных войн в Афганистане и Чечне. Такого рода публикации исключительно важны, нам еще долго предстоит размышлять над этими трагическими событиями.

В связи с нынешней военной реформой и призывом на службу выпускников военных кафедр гражданских вузов актуально обращение к опыту организации и прохождения службы офицерами-двухгодичниками в 1960–1970-е гг. Материалы по этой теме остаются закрытыми. Вследствие ошибочных решений советского руководства времен Н. С. Хрущева было ликвидировано значительное число военных училищ сухопутного профиля, в результате в армии возник дефицит мотострелков, танкистов, артиллеристов. Их подготовка была спешно развернута на военных кафедрах ряда гражданских вузов. Например, в ТГУ наряду с ракетчиками стали готовить и мотострелков. С 1968 г. выпускников вузов, прошедших обучение на военной кафедре, стали брать на двухгодичную службу. В следующем году я и многие мои сокурсники оказались по окончании вуза командирами взводов в Дальневосточном военном округе.

Среди моих однополчан – М. Кальяк (единственный, кто связал жизнь с армией, ныне майор запаса), выпускники Алтайского сельскохозяйственного института В. Ермолов и А. Самсонов. Первый из них остался в Приморье и через некоторое время стал директором совхоза «Глуховский», другой после увольнения пошел в ОБХСС и сделал исключительно удачную карьеру. Со всеми мне довелось встречаться, вспоминать о годах службы на Дальнем Востоке. Некоторые эпизоды армейской службы как-то забылись, но коллективная память позволяет восстановить основную канву событий. Сразу хочу сказать, что никаких героических событий за время службы не было: обычная армейская рутина. Китайцев видели только в бинокли, когда выходили в район обороны, да в ресторане железнодорожной станции «Гродеково», где был специальный зал для китайцев-таможенников. Помню первых преподавателей: майоры Шипунов и Курдаченко (говорили, что он был военным советником в одной из африканских стран). Затем появился капитан Яков-

лев. С ним у историков сложились хорошие отношения на занятиях, позднее – на военных сборах. Заочно он окончил юридический факультет ТГУ, после увольнения в запас работал в Волгограде юрисконсультом. В 1987 г. я был у него в гостях, полдня сидели, вспоминали Томск, военную кафедру, знакомых преподавателей и тогдашних студентов. Занятия на военной кафедре ТГУ начались с февраля 1966 г.

Отношение студентов к военной кафедре – известное. Никто тогда не думал, что придется служить в армии, правда, тройка по «военке» за семестр – угроза неполучения стипендии – заставила меня скорректировать отношение к военной подготовке, но отличником я так и не стал. После окончания 3-го курса мы оказались на сборах в учебном центре Бийской дивизии. Занятия проходили достаточно организованно, вплоть до последнего дня сборов, они совпали с вводом наших войск в Чехословакию (о чем нам, естественно, не сообщили). Все войска в СССР тем вечером были подняты по тревоге, а нам устроилиочные учения. Лишь через сутки нам объявили о вводе войск в Чехословакию.

После сборов двое выпускников ИФФ были призваны в качестве командиров мотострелковых взводов, а нас, четверокурсников, направили на медкомиссию. Практически все оказались годными, после защиты дипломов – в распоряжение командующего СибВО. «Косить» от службы в армии тогда не было принято, из полутора десятков призывавшихся историков такой нашелся лишь один (не буду называть его фамилию, он давно в Москве). Поступление в аспирантуру не освобождало от обязанности двухгодичной службы – это сегодня апробированный прием «уклонения от прохождения воинской службы методом имитации научной деятельности». Кстати, в гарнизоне, где я начинал службу, зампотеху одного из батальонов дали отпуск... для защиты кандидатской диссертации. Дослуживал кандидатом технических наук. Такое время было.

Распределение мы не проходили, 3 июля 1969 г. вместе с дипломом получили военный билет и предписание явиться в распоряжение командующего Дальневосточным военным округом. В связи с событиями на о. Даманском поехали служить на Дальний Восток.

Хабаровск, штаб КДВО – «Как долго возвращаться обратно! Эту шутливую расшифровку аббревиатуры я услышал в отделе кадров округа, где было настоящее столпотворение, офицеры-двуходичники со всего Союза – с Украины, из Белоруссии, Сибири, с Урала, из Средней Азии. Окончивших военные училища было немного. Вместе с десятком выпускников Алтайского сельхозинститута я был направлен в Уссурийск, в 5-ю общевойсковую армию. Вечером – на поезд; ни купейных, ни плацкартных билетов не было, еле втолкнулись в общий вагон. Уссурийск понра-

вился, все мои попутчики решили, что «здесь можно служить»! Однако капитан из отдела кадров наше пожелание отверг: «Будете служить командирами пулеметных взводов, в/ч 28560, в Новогеоргиевке». «Таких по штату у мотосрелков нет», — заметил я. «У мотострелков нет, в укрепрайоне есть», — последовал ответ. Напряг память: «линия Мажино, линия Маннергейма». «Вот, вот, а эту оборонительную линию строил генерал Карбышев», — заметил капитан. К обеду уже были в расположении части.

Нас быстро обмундировали, выдали подъемные, распределили по подразделениям. Я вместе с сокурсником М. Кальяком оказался в роте, которая только приняла присягу.

Служба началась с того, что я пошел дублером начальника караула — 11 караульных поста и 4 сторожевых. Начальник караула младший лейтенант Андрей Жидович (после действительной службы прошел десятимесячные курсы, стал офицером) все мне показал, ночью с разводящими ходили проверять часовых, под утро он спал, согласно уставу, а я ходил, проверял несение службы. Утром начкар пошел встречать начальника строевой службы подполковника Васина. Его уважали в части: фронтовик, закончил войну старшиной. Без образования дослужился до подполковника. Он почти постоянно был в расположении части, предметом его особого внимания была гауптвахта. С арестованными он постоянно занимался строевой подготовкой, а этим ранним утром, взяв группу нарушителей, пошел с ними строить плац. Под бдительным оком подполковника Васина «губари» вкалывали, гауптвахта была серьезным наказанием.

Позднее много раз приходилось быть начальником караула, дежурным по части, но больше запомнилось первое дежурство, когда был дублером.

Обстановка на границе оставалась напряженной: участились нарушения границ, на офицерских совещаниях рефреном звучало: «Китайцы проверили наши рубежи у Имана, ожидается провокация на юге Приморья». А тут еще краевое радио постоянно вело передачи на патриотические военные темы, звучали и соответствующие песни. Одна из них звучала особенно часто «Дальневосточная, опора прочная...». Заполнился привес:

Стоим на страже всегда, всегда,
Но если скажет страна труда:
«Прицелом точным врагу в упор!» —
Дальневосточная! Даешь отпор!

Началась передислокация подразделений в районы обороны, занятие своих дотов, их обустройством. Наша 3-я рота тоже оказалась на границе. Знакомясь с районом обороны нашего и соседнего батальонов, оцени-

ли инженерный гений генерала Карбышева – как разумно расположены пулеметные доты и артиллерийские полукапониры! Если все огневые точки будут на позициях, то практически нет «мертвых зон»! Но все это надо было привести в боевое состояние, доты заброшены, те, которые расположены рядом с деревнями, использовались предпримчивыми селянами в качестве погребов, связь выведена из строя – население, где можно, выдрало кабели, сдавая цветмет. Возникли вопросы: почему мы вторично «наступили на те же грабли»? Забросили систему УРОв в 1939 г. на западных рубежах, а в 1950-е гг. – на дальневосточных? Где кадровые офицеры? Почему командиры взводов, начальники служб не только в нашем, но и в остальных батальонах нашего укрепрайона (позднее выяснилось и в других укрепленных районах Приморья) – офицеры-профсоюзники, «поплавки», так нас называли? Командиры рот, как наш В. Цыганков, имеют стаж службы один год. Размышлять особенно некогда было, да и небезопасно: как убедились позже, особый отдел работал! Даром хлеб не ел!

Первое время работы велись исключительно напряженно, ставили новые станки к пулеметам ПК (прежние станки под пулеметы «максим» не годились) восстанавливали старые окопы, тянули связь, рубили деревья в секторах обстрела амбразур, косили траву, оборудовали позиции для гранатометов, ячейки для автоматчиков, растягивали колючую проволоку. Под руководством сапера-двуходичника Ю. Плавича в нескольких местах соорудили «спотыкач». Это не украинская наливка, а колючая проволока на низких столбиках, Несколько раз приезжал начальник близлежащей погранзаставы «Золотая», надо было протянуть хотя бы временную связь, организовать взаимодействие. В один из дней приехал офицер из штаба бригады, рассказал о провокации на Жаланашколе и результатах нашей успешной операции в далеком Казахстане. Напряжение спало, комроты на своем мотоцикле сгонял в ближайшую деревню, в Фадеевку, и привез бутылку спирта. Офицеры вечером нескользко расслабились.

Инженерные работы в районе обороны продолжались, но все несколько повеселели, возникла идея проведения футбольного турнира, в котором участвовали 3 взвода и отделение связи, которое и стало победителем, получив несколько банок тушеники. Появилась возможность просто походить по сопкам, знакомясь с районом обороны батальона, полюбоваться красотой окружающей местности, половить рыбу на р. Суйфуне. Как-то раз заблудились, пригодились познания в военной топографии. С М. Кальяком вспомнили преподавателя военной топографии майора Степанова и его слова: «Учитесь, ребята, войны все равно будет. Если не

завтра, то послезавтра или в пятницу»! («военка» у нас была по вторникам).

Вскоре все двухгодичники отправились на сборы. Мы оказались в 13-м укрепрайоне, в Пади Песчаной, где встретились с бывшими сокурсниками – В. Булгаковым, В. Нижегородцевым, В. Демешкиным, Г. Кругловым, В. Марковым. На сборах была представлена вся география тогдашнего Союза – двухгодичники от Норильска до Термеза, от Одессы до Благовещенска. Первоначально занятия шли строго по расписанию, но после убытия на формирование своего батальона подполковника Худницкого с двумя командирами рот занятия практически прекратились. Я отпросился в Уссурийск за очками и не удержался от соблазна съездить на день во Владивосток. Объявились собственные барды «менестрели», среди которых особо блеснул историк, выпускник Пермского университета Ф. Зубков. Его песня не оставила никого равнодушным, стала своего рода брэндом наших военных сборов (впрочем, слова «брэнд» тогда мы не знали).

Томичи выделялись исполнением песен бардов, прежде всего за счет голоса «капеллана» В. Демешкина. Под руководством Ф. Зубкова в пос. Байкал, в писхольнице, была создана агитбригада, которая дала несколько концертов в Пограничном районе и выступила на районном смотре художественной самодеятельности. Жаль, что наши сборы были завершены раньше установленного срока.

В первый год служба свелось к строительным работам, оборудованию района обороны, строительству военного городка, он был начат с нуля. К моменту нашего возвращения со сборов возвели лишь одну «сборнощелевую» казарму, в которой разместилась рота военных строителей, а личный состав нашего батальона до нового года жил в палатках. Самое удивительное, что никто не болел, умываться ходили на ручей. В таких условиях обитали не только мы, всего в КДВО строилось около 60 военных городков. Стойматериалов не хватало, часть солдат 3-й роты была направлена в один из леспромхозов Анучинского района (на лесозаготовках не хватало рабочих рук). За это мы получили (по бартеру) недостающие стройматериалы, завершили строительство казарм, столовой, началось возведение двухэтажных брусовых домов для офицерских семей. Занятий не было. С утра личный состав разводили по строительным объектам, солдаты шутили, что каждый стал «механик-водитель БСЛ-110». Со временем они начали стонать: «Когда же начнется боевая учеба»? Когда же она началась, дружно заявили: «Лучше заниматься строительством»!

Проверок первый год не сдавали, зато, как вся страна готовилась отмечать столетие со дня рождения В. И. Ленина, сдавали ленинский за-

чет, конспектировали ленинские произведения. В феврале 1970 г. я был избран освобожденным секретарем комсомольской организации батальона, в промежутках между нарядами, поездками, старшим машины проводил комсомольские собрания, организовывал конспектирование работ типа «Берегитесь шпионов». Признаться честно, диктовал, а солдаты записывали! Офицеров обязали законспектировать книгу В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Наш комбат, майор Рагимов, старый «уровец», всю жизнь провел в укрепрайонах Закавказья, дал мне приказ: законспектировать «ренегата Каутского! На это дело я выторговал 5 дней. Мой конспект был перепечатан на пишущей машинке. Но я его не проверил, подставил отцов-командиров! Когда я увидел машинописный конспект этого злополучного «Каутского», то ужаснулся! У проверяющих машинописный текст вызвал исключительное оживление, они затребовали автора. Пришлось идти на беседу с двумя майорами из политуправления округа. Моим конспектом они оказались довольны. Досталось старшим офицерам батальона за «формальное отношение к изучению работ Ленина!» Майор Рагимов был вне себя, ругался на смеси русского и азербайджанского. Получалось забавно: «Я тебя кверх нога поставлю». Обещал меня отправить на гауптвахту. Комбат был горяч, но отходчив. Тем более, что вскоре начались большие учения. Батальон вышел в район обороны, продолжив его обустройство.

Посредники (проверяющие) до нас не доехали. Я по распоряжению замполита находился в 1-й роте, на КП 1-го взвода. Как-то раз подъехала машина начальника штаба укрепрайона подполковника Лукьянова. Поскольку командира взвода не было, я доложил как полагается. И сразу получил «вводную». Команды пулеметчикам и расчету СПГ-9 я подавал четко, но что-то не понравилось начальнику штаба; уезжая, он сказал: «Хотя вы политработник, но в боевой обстановке должны полностью заменить командира взвода! Ваше дело – не только выпуск боевых листков!».

Этот визит спутал мои намерения сходить к моим друзьям – Демешкину, Круглову, Маркову. Район обороны их батальона был на стыке с нашим. Они потом рассказывали, как ревились, подавая команды на поражение противника: «Лейтенант Пакин! Американская подводная лодка вошла в воды речки Золотая! Ваши действия?» «Выдвигаю расчет СПГ-9 на ударную позицию и открываю беглый огонь!» – следовал ответ.

После учений продолжение строительства. Завершено возведение клуба, теплых боксов для автомобилей, домов для офицеров. В городке появились женщины и дети. Осеню выделили автобус – возить детей в школу. На 7 Ноября жены офицеров организовали великолепный вечер,

но все разговоры поначалу были о службе. Такая вот особенность господ офицеров: на службе – о бабах, в праздничной компании – о службе. Меня попросили спеть песню про разведчика-азербайджанца. Все развеселились, даже комбат не обиделся.

Кстати, в батальоне был полный интернационал! Комбат – азербайджанец, замполит – татарин Иванов, начальник штаба – Трофимович (белорус), еще один белорус – секретарь парторганизации Махвееня, два командира рот и начальник продовольственной службы – украинцы. Одна из рот была полностью укомплектована западноукраинцами, в другой, где я начинал служить, – треть кубанцы, треть – дагестанцы, треть – сибиряки. Столкновений на этнической основе не было, дедовщина была, но не такая как теперь. Реакция офицеров была различной, двухгодичники стремились пресекать, для кадровых офицеров главное, чтоб дедовщина не переходила определенные рамки. Понятно, что обо всех фактах мы не знали. По неписанным армейским правилам обмундирование новобранцев изымалось дембелями, наряд вне очереди по кухне старослужащему исполнялся молодыми. Это я знал, и когда вновь стал командиром взвода, объявив наряд вне очереди старослужащему, вместе с ним отправлялся на кухню. Только так можно было добиться выполнения своего распоряжения.

Последние месяцы перед увольнением тянулись долго, а тут еще всякого рода слухи, что в связи со сложной обстановкой на границе задержат увольнение. Обычным делом в те времена была посылка солдат-шоферов на уборку урожая в Казахстан, на Алтай. От родной партии и правительства все можно было ожидать. В марте 1970 г. прошли учения, к которым тщательно готовились. После объявления тревоги нашей роте дали «вводную» – китайский десант захватил автопарк, до района обороны добираться пешком. Представилась возможность проверить общесоциальную подготовку личного состава. Марш-бросок не удался, рота растянулась. Тогда ротный, капитан Капустин, распорядился выделить группы более подготовленных с тем, чтобы, одолев перевал, в установленное время занять свои доты. Так и сделали. Отставшие тянулись около часа. Желая, видно, реабилитировать себя, через некоторое время со второго дота позвонили: «Товарищ лейтенант, приходите на блины!» Пшел с желанием дать нагоняй. Смотрю, печка растоплена, заведена квашня! Желание ругаться пропало, спрашиваю: «Откуда растительное масло и мука?» Воины доходчиво объяснили непреложную воинскую истину: «Надо быть подальше от начальства и поближе к кухне!»

Первые ночи в железобетонном доте зимой кошмарные, только на 4-е сутки наш ДБС прогрелся. Появилось наконец-то и полевое заполнение

ние — один из полков 40-й мотострелковой дивизии. Они по расчету должны прийти к исходу первых суток, появились лишь на пятые. Если б китайцы начали наступать, то нас бы уже и не было. Пришлось отогревать пехотинцев в доте, большинство из которых были узбеками. Они еле шевелили губами: «Нога замерз, рука замерз, сама замерз!» Молодой лейтенант в растерянности. Началась военная игра, посыпались команды на отражение атак условного противника, а полевое заполнение отогревается в доте! Хорошо, что проверяющие остались на КП батальона, подавая «вводные» по телефону, а я с лейтенантом бодрыми голосами подавали команды на отражение. Потом достали свои «тревожные чемоданы» и выпили по доброй кружке. Соседние ОПУЛАБЫ завершали учение боевой стрельбой, мы же ближе всех находились к границе, мой дот находился в пятистах метрах от контрольно-следовой полосы. Стрелять было нельзя, иначе последуют протесты с китайской стороны.

Мотострелки ушли, нам почему-то не давали отбой и прекратили кормить. Съестных запасов уже не было, воины роптали: «Войнавойной, а обед по распорядку!». Наконец-то все завершилось, но менее чем через месяц мы опять оказались в районе обороны, продолжились инженерные работы. По очереди ездили в наряд. Буквально за 3–4 дня до увольнения я и Миша Кальяк вернулись в городок. Мы ранее всех были призваны и увольнялись первыми. Естественно, что по такому случаю положено было устроить пиршество. Такова неписаная традиция — отъезжающий в отпуск, тем более увольняющийся, устраивает угощениеА закончить хотелось бы песней Ф. Зубкова:

Спасибо вам, товарищ военком,
За то, что в армию зажгли мне свет зеленый!
А за две звезды, красу моих погон,
Благодарю министра обороны!
Бродить я буду уссурийскою тайгой,
Послали вы меня в край этот дальний,
Чтоб я своею редкой бородой
Страх наводил на желтых цзаофаней!
Попасть сюда я с детства так мечтал,
И если б мамка за штанишки не держала,
Ей-богу, я бы сам сюда удрал,
Охотиться на тигров да маралов!
Дадите мне шинель до самых пят,
Вооружите длинным карабином!
Благодарю вас за такой наряд,
В нем испугаю я любого хунвейбина!
Дорогу узкоглазым преградим!

Наладим им в зады большие клизмы!
А мерзопакостному Мао не дадим
Проституировать теорию марксизма!
Спокойно спите, все родные и друзья,
Ведь на границе я стою в дозоре!
И если не побреют тут меня,
Могу заверить вас, граница на запоре!

К. В. Фадеев

Трагические страницы в истории моей семьи по воспоминаниям деда

История – наука, повествующая о событиях прошлого. Но без имен и судеб она превращается в монотонный перечень фактов. События, а значит, и саму историю, создают люди своей повседневной жизнью и своими обыденными делами. Они живут, совершая поступки, радуясь или страдая, стремясь к прекрасному или разрушая мир вокруг себя. Именно поэтому в последнее время все чаще раздаются призывы к персонализации истории.

В советские времена в прессе и со страниц учебников рассказывалось о росте производственных мощностей, об увеличении добычи полезных ископаемых и об увеличении выплавки чугуна. На всю страну гремели имена передовиков, «стахановцев» и ударников производства (в тени оставались коллективы, напряженным трудом которых и были в основном подготовлены эти прорывы). Нам известны биографии вождей и правителей, министров и выдающихся деятелей, руководителей крупных предприятий, организаций и учреждений. Мы знаем об их партийной карьере и вкладе в развитие государства. В тоже время почти ничего не известно о простых людях, на чьи плечи легли основные тяготы по развитию народного хозяйства и социально-бытовой инфраструктуры. Поэтому в условиях гуманизации исторических знаний целесообразно обратиться к опыту изучения и введения в историю голосов рядовых участников. Для этого были использованы методы устной истории (oral history) [10].

В работе мы обращаемся к истории нашей семьи. Не зная, чем жили наши предшественники, о чем они думали и о чем мечтали, с какими трудностями сталкивались, как воспринимали жизнь и себя в ней, мы никогда не постигнем историю нашего народа. Не зная себя, своих корней и истоков, какое будущее мы можем построить?

Эта статья посвящается моему дедушке Прешер Петру Антоновичу, 1931 года рождения. Он не является уроженцем Кузбасса, но, приехав в область, связал с ней свою жизнь. Жизненный путь Петра Антонови-

ча – это целая эпоха. Он помнит депортацию и трудармию, пережил презрение окружающих по этническому признаку и принимал участие в развитии народного хозяйства. На его глазах маленький шахтерский городок Киселевск разрастался, застраивался каменными зданиями, застипался асфальтированными дорогами и тротуарами, в жизнь людей входили водопровод и канализация. Более 40 лет проработал он на шахте и застал введение новых способов добычи угля и внедрение более совершенного оборудования.

Сколько таких рядовых тружеников, несмотря на лишения, не жалея себя, трудились на благо Родины и людей. Его поколение посвятило себя Кузбассу и стране. Они не думали о подвигах, не ждали славы, а просто добросовестно выполняли свою работу. Именно эти люди день за днем поднимали страну, улучшая нашу жизнь.

Кузбасс – традиционный ресурсодобывающий регион с приоритетным развитием отраслей тяжелой промышленности. Его бурное экономическое освоение и заселение началось с индустриализации, когда многие рабочие поселки строились с нуля вокруг промышленных объектов, предопределив отставание социальной сферы Кузбасса от общесоюзных показателей [6, с. 20]. Большой интерес представляет вклад в развитие Кузбасса работников спецконтингента. Они жили в тех же условиях, что и шахтеры или рабочие промышленности, но были лишены их льгот [5, с. 191]. Но семья Прешер еще не попала в Кузбасс, она еще проживала в Поволжье, поэтому начнем повествование с тех мест.

28 августа 1941 г. когда для проведения операции по выселению немцев из Саратовской области и АССР немцев Поволжья было направлено 1 450 человек сотрудников НКВД, 3 тыс. работников милиции и 9 650 красноармейцев [9, с. 84]. Операцией руководил один из заместителей Л. П. Берии И. А. Серов. Отправка эшелонов с немцами-спецпереселенцами была назначена на 3 сентября 1941 г.

Но так как в свое время не все население немецкой национальности было учтено местным НКВД, во время отправки не хватило вагонов и 8 тыс. 200 человек было отправлено водным транспортом. 28 октября 1941 г. с Поволжья рапортовали о завершении переселения, в действительности же этот процесс затянулся. В ходе операции из бывшей Республики немцев Поволжья было отправлено 447 168 немцев [1, с. 173].

Процедура выселения была крайне упрощена. Переселению подлежало все немецкое население, в том числе и смешанные семьи, где главой семьи был немец. Жены могли избежать их участия при условии развода. Не выселялись женщины-немки, чьи мужья были не немецкой национальности. Не делалось исключений и для членов ВКП(б) и ВЛКСМ. Де-

портируемый получал повестку из местного НКВД, где на сборы отводилось 24 часа. Разрешалось брать с собой до 200 кг имущества и продовольствия.

Как вспоминают переселенцы, многие не могли поверить, что подобное возможно, говорили, что, видимо, решили припугнуть как следует, довезут до железнодорожной станции и отпустят. Как жестоко ошиблись те, кто так думал. Отправляясь в дорогу, они почти ничего с собой не взяли. Практически все имущество, дома, домашняя утварь были конфискованы: брать с собой разрешалось только то, что могли унести в руках. Даже при желании много и не увезли бы – каждой семье выделили только по одной подводе. Брали с собой самое необходимое – одежду, постель, еду. В итоге переселенцы не были готовы к жизни в суровых условиях, испытывали неимоверные материальные затруднения.

Здесь я хочу привести выдержку из воспоминаний моего деда, свидетеля и участника тех событий, Прешер Петра Антоновича. В то время ему было 10 лет: «Родился я в большом и красивом селе Кейлер Довринского района на 750 дворов, окруженном со всех сторон садами. А до войны мы жили в селе Матышево Руднянского района. В селе у нас смешанно проживали и немецкие, и русские семьи, а на той стороне Волги и калмыки жили. Примерно где-то через месяц после начала войны нас стали высыплять. Это случилось неожиданно. Рано утром отец (Антон Антонович, 1889 г. р. – К. Ф.) пошел управляться со скотиной, вышел во двор, а там уже солдаты с винтовками стоят. На сборы дали всего 3 часа и с собой ничего брать не велели. Хорошо, тогда у всех в домах было по мешку сухарей „на черный день“. Вот его взяли, кое-что из одежды и сколько могли с собой унести зарубили кур и гусей. Остальное все бросили и даже дом. А за корову нам лишь расписку выдали. Пока собирались мать (Барбара Георг, в девичестве Штремель, 1897 г. р. – К. Ф.) через забор соседям-русским какие-то вещи отдавала и домашнюю птицу говорила, чтоб себе забрали» [2].

Чтобы переселение проходило «без сучка и задоринки» и укладывалось в сроки, сотрудникам НКВД совместно с советско-партийным активом рекомендовалось провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств ответственность за них будет нести глава семьи, а остальные члены будут репрессированы. А поскольку немцы всегда отличались законопослушанием, то эксцессов не было.

Колонны переселяемых под конвоем войск НКВД направлялись на железнодорожные станции, грузились в пульмановские (скотные) вагоны, и потянулась долгая и трудная дорога. Типичный эшелон состоял из

50–60 вагонов, сопровождался конвоем, фельдшером и медсестрой. Многие не доехали до места назначения – не выдержали тяжелых условий в пути. Страшная скученность, антисанитария, недостаток качественной питьевой воды, продовольствия – все это вело к болезням, гибели людей. Первыми в этом списке были дети и старики. А «счастливчиков» ждали уже на местах, куда еще в августе было отправлено письмо за подписью наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, где указывалось, что постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) немцы Поволжья выселяются в районы Сибири и Казахстана. Указывалось, что «городских» надо расселить в городах, «сельских» – в колхозы и совхозы по несколько семей. Таким образом, государство проводило политику изолирования и разобщения русских немцев.

Но, как выяснилось, к приему переселенцев были не готовы – не хватало жилья, одежды, обуви... На местах многим прибывшим пришлось зимовать в наскоро сбитых дощатых бараках, землянках, а то и в палатах. Были случаи, что людей выгружали из эшелонов в голую степь.

«...На подводах, под охраной солдат, к обеду привезли нас в районный центр Рудный. Помню еще, что пока поезд ждали на станции туда собаки прибежали, оставленные в селе. Затем погрузили нас в товарные вагоны и довезли до города Камышина, а там пересадили на пароход до Астрахани. Потом нас на настоящий пароход посадили и поплыли через Каспийское море до города Гурьева, а там снова в поезд посадили и почти через всю Среднюю Азию везли. Целый месяц нас везли в таких вагонах, в которых раньше скот перевозили.

Выгрузили нас на станции Сукбулак Чарского района Семипалатинской области. Вот так и попали в Казахстан. Поселили в деревне Громовка, которая была недалеко от станции. Здесь были какие-то не достроенные бараки, в которые нас и заселили. Помню, что осенью приехали, так как здесь уже хлеб убирали...

...Повезло тем, кого переселили в Омскую область и Алтайский край. Там земли были плодородные, а здесь одни пески...

...В соседней с нами деревне Котловке барак был на 15 человек. Мы возле него в мусоре копались. Зимой дело было. В одну из ночей они все умерли от холода и голода. Там старики записывали все, чтобы узнали правду, что тут творилось. Но ничего не сохранилось».

Всех немцев-переселенцев строго учитывали и в короткий срок провели паспортизацию немецкого населения. Райисполкомы и горисполкомы обязаны были давать своевременную информацию о количестве, экономическом состоянии семей спецпереселенцев, массово-политической работе среди них и наличии антисоветского настроения.

Спецпереселенцы, как гласило постановление СНК СССР, могли пользоваться всеми правами граждан, за исключением установленных ограничениями, которые, в сущности, и лишали этих самых прав. Они не имели права без разрешения спецкомендатуры выезжать за пределы колхоза, совхоза или города, обязаны были в 3-дневный срок сообщить об изменениях, произошедших в семье, строго соблюдать дисциплину и порядок в местах расселения, за нарушение режима подвергались административному наказанию и пр. Всеми вопросами о спецпереселенцах занимался отдел спецпереселенцев в спецкомендатуре (ОСП).

Немецкие переселенцы находились еще на пути в Сибирь, когда ГКО СССР издал постановление от 7 октября 1941 г. о трудовой мобилизации немецкого населения. В постановлении ГКО № 1123 с/с от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывающего возраста от 17 до 50 лет» эта мера конкретизируется. Все мобилизованные, мужчины и женщины, распределялись по предприятиям, переводились на казарменное положение. Питание и обмундирование соответствовало нормам, установленным для ГУЛАГа НКВД СССР, следовательно, положение труда мейцев мало чем отличалось от положения заключенных.

14 февраля 1942 г. вышло совершенно секретное постановление ГКО за № 1281 с/с «О мобилизации немцев – мужчин призывающего возраста от 17 до 50 лет». Всех годных к физическому труду мобилизовали в рабочие колонны на все времена войны и передавали НКВД СССР для использования на строительстве железных дорог. Мобилизация должна была закончиться к 25 марта 1942 г. Но, несмотря на все постановления, рабочей силы не хватало. Правительство в поисках трудовых ресурсов раздвинуло возрастные рамки подлежащих мобилизации. Так, приказом ГКО № 2383 с/с от 7 октября 1942 г. была объявлена дополнительная мобилизация в рабочие колонны немцев в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет. Исключение делалось лишь для беременных женщин и тех, у кого были дети до трех лет. При себе мобилизованные должны были иметь зимнюю одежду, постельные принадлежности, а также продуктов питания на 10 дней [7].

«...Почти сразу же в 1941 г. всех мужчин с нового места жительства отправили в Соликамск на строительство эвакуированных заводов. Их все под землей располагали, а сверху, для маскировки, березки садили. Туда же и мой отец попал.

...Зимой 1942 г. отец вернулся, а уже в мае его снова мобилизовали и отправили в трудармию в Кузбасс. Вместе с ним и старшую сестру Раю забрали. Вот только в Новосибирске вагон перецепили, и она попала на сплав леса в Уфу (Башкирия). Больше мы ее никогда не видели. После войны разыскивали, и запросы делали, но не смогли найти. Она еще и

неграмотной была. Осенью 1943 г. мы как раз сено в стога метали, когда еще одну сестру, Марусю, 1927 г. р., забрали. Ей как раз тогда 16 лет исполнилось, и отправили на Анжерскую шахту в Кузбассе. Уже после войны, когда комендатуру сняли, отец за ней ездил и привез домой».

В то же время с фронта в срочном порядке все военнослужащие немецкой национальности были демобилизованы и направлены в трудармию – 33 516 человек, в том числе 1 609 офицеров, 4 292 сержанта, 27 724 рядового состава [1, с 174].

«...Перед войной старшего брата Ивана 1921 г. р. призвали в армию, и двоюродные братья тоже служили. Нас уже в вагонах везли в Казахстан, когда похоронки с фронта пришли на двоюродных братьев Егора и Оську Ленникер. И во многие семьи так похоронки приходили.

...А брата Ивана уже с фронта отзывали и направили в трудармию в Соликамск. Он там сначала вагоны разгружал, а потом до 1956 г. работал дежурным по станции. Когда комендатуру сняли, то приехал к нам в Киселевск».

Трудармейцы в основном имели гражданские специальности, часто высокую квалификацию, а использовались, как правило, на тяжелой, малоквалифицированной работе – строительстве, химическом производстве, в шахтах. По данным на февраль 1943 г., только на предприятиях треста «Прокопьевскуголь» работало 2 356 немцев. Вообще же на предприятиях Кемеровской области в апреле 1944 г. трудилось 16 028 немцев, причем значительная их часть – 14,5 тыс. человек – в угольной промышленности [4].

Положение о трудармии разбрасывало немецких мужчин по территории России, отрывая их на долгие годы от семей. Многие трудармейцы обзаводились новыми семьями на местах вынужденного жительства. Кому посчастливилось выжить, возвращались к прежним семьям.

«...В конце 1943 г. перевезли нас в деревню Талбинка, где известье пережигали. Там мать и умерла 4 февраля 1944 г. Казахи ее в рогожу завернули и в степь отвезли. В Казахстане еще и две младшие сестренки близняшки Катя и Мотя от голода умерли. Нам вместо отобранный дома коровы уже здесь выдали трех ягнят, а мы их за две недели съели.

Нас троих – меня (1931 г. р.), Клаву (1933 г. р.) и Яшу (1941 г. р.) – отвезли на станцию Сукбулак, где мы жили в комнатенке при здании. Сразу же была послана телеграмма отцу, чтобы забрал нас. Я тогда был маленького роста и худенький, а Яша и вовсе не мог даже головку держать. Это я уже в Кузбассе вытянулся, высокого роста стал. Так на станции милостыню кто подаст, а когда и на поездах до Чарска и обратно ездил. Солдаты подкармливали. Вот этим и питались. Несколько раз меня

ловили и хотели отправить в детский дом, но я всегда убегал. А в конце февраля отец приехал и забрал нас к себе в город Киселевск, станция Акчурла Новосибирской области».

Условия существования переселенцев были крайне неблагоприятными. Люди жили в антисанитарных условиях (на конных дворах в соседстве с лошадьми, в гнивших бараках и землянках), на человека приходилось по 1,1 кв. м. Среди спецпоселенцев отсутствовала какая-либо культурно-просветительная и идеологическая работа. Многие руководители не скрывали своего отрицательного отношения к переселенцам. Когда начальник областного управления МВД Губин, выступая на партзаседании, утверждал, что поселенцы как рабочие являются полноценными гражданами и они должны пользоваться одинаковыми правами (культурно-бытовые условия) с остальными, глава области, председатель обисполкома подал реплику: «Насчет полноценности... спецконтингента мы сомневаемся». Начальник шахты 3/3-бис г. Прокопьевска, критикуемый за упущения в работе со спецконтингентом, заявил: «Я ничего делать не буду, у меня нет времени заниматься всякой вашей швалью...» [3, с. 215].

Подобные ксенофобные проявления не были единичными. Областное партийное бюро при обсуждении постановления ЦК «О мерах по усилению массово-политической работы среди переселенцев» констатировало, что указанные в документе недостатки «полностью имеют место в городах и районах Кемеровской области», органы власти «необоснованно выражают политическое недоверие... не представляют к наградам...», существует «неправильный и вредный взгляд, что спецпоселенцы являются людьми второго сорта...» [3, с. 215–216].

Несмотря на то, что немцы не являлись лагерным контингентом, согласно инструкции, изданной под грифом «совершенно секретно», их организовывали в рабочие колонны, размещали в казармах и бараках – зонах. Эти лагерные пункты обносились проволочным заграждением и охранялись. На работу и с работы выводили строем. Строго регламентировался и внутренний распорядок зоны.

«...Тогда городок (Киселевск. – К. Ф.) был небольшим, но на его территории находилось три лагеря: в районе Зеленої Казанки, под горой у шахты «1–2» и в Афонино ниже кирпичного завода. Отец работал на шахте «Капитальная-1», которую затем переименовали в шахту им. В. В. Вахрушева. Он имел 2-ю группу инвалидности, поэтому в шахту не лазил, а на конном дворе шорником был (хомуты чинил). Нас там же и поселил на конном дворе, отгородив угол, а уже летом построил дом-засыпушку.

Трудармейцы жили в двухэтажных бараках (здание в районе Зеленой Казанки сохранилось до сих пор, и в нем даже располагается сейчас профессиональное училище № 71), территории которых была обнесена колючей проволокой. На работу водили колонной и также обратно. Рабочих снабжали робой и кормили в общей столовой. Первое время отец ночевал в бараке (бывало, и с нами ночевал), а уже с конца (зимы) 1945 г. стал жить с нами.

Рядом с шахтой «Капитальная-1» была еще и «Штольная», уголь с которой добывали для завода им. Чкалова в Новосибирске. Так погрузка и разгрузка вагонов происходила почти в нашем огороде. Отец по ночам ходил туда лес разгружать. За это давали спирт, который он потом менял на хлеб. Чтобы с голоду не умереть, мы шахтовые отвалы раскапывали и картошкой засаживали».

Трудармейцы использовались вплоть до конца 1945 г. Затем зоны ликвидировались, и трудармейцы передавались в постоянные кадры промышленности и переводились на положение спецпоселенцев до середины 50-х годов. В частности, в Кузбассе на июль 1955 г. их было 42 660 чел. [4] Постановлением от 21 декабря 1951 г. определялось их проживание на спецпоселении.

Несмотря на то, что всю войну советские немцы своим самоотверженным трудом укрепляли обороноспособность страны, вместе с другими советскими гражданами ковали ее победу, и после 1945 г. они остались «врагами». По отношению к переселенцам продолжалась политика дискриминации. Так, в указе от 26 ноября 1948 г. утверждалось, что немцы переселены навечно и выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами сроком на 20 лет. Лишь в декабре 1955 г. на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР были сняты ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении. Но права возвращения на места, откуда они были выселены, немцы по-прежнему были лишены. В документе подчеркивалось, что это «не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении». И только в 1964 г. с советских немцев были сняты обвинения. Они освобождались из-под административного надзора. В указе говорилось: «Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола...» [8]. В 1972 г. советским немцам было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в места их довоенного проживания. Но АССР немцев Поволжья так и не была восстановлена.

«...Комендатура была почти до 1957 г. Каждый день ходили отмечаться к своему десятнику. Если опаздывают часа на 3, то и в карцер сажали. Су-

ществовала также и «черта оседлости», за пределы которой нельзя было выходить. А я везде ходил и ездил даже до Сталинска. Я был первым здесь из мальчишек (другие из трудармейцев свои семьи позже привезли), и меня под конвоем не привозили, а сам приехал, поэтому считал себя свободным. Когда комендатуру сняли, то уехали только десятники – немцы, что изdevались, выслуживаясь перед русскими, а остальные все остались».

Самые страшные последствия депортации заключались в физической гибели людей. Точное число погибших до сих пор не установлено, но статистика спрогнозировала, что это третья всего народа. Также с началом репрессий был наложен запрет на пользование родным языком, а родной язык – это основа основ любой этнической группы. Далее, российские немцы с ликвидацией Республики немцев Поволжья потеряли всю материальную и социальную базу культурной жизни: лишились своих школ, театров, храмов, газет, издательств. И самое главное в том, что этнос оказался распыленным. Разорвались этнические, экономические, культурные и даже семейные связи. Ситуация усугублялась тем, что мужчины и женщины детородного возраста были разделены по половому признаку на протяжении более 10 лет, это нарушило процесс нормального воспроизведения этноса, образовав брешь между поколениями. Но, несмотря ни на что, мой дедушка выдержал все испытания, выпавшие на его долю.

Литература

1. Бугай Н. Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 172–180.
2. Воспоминания моего деда Прешер Петра Антоновича. 29.09.2004 г. // Личный архив автора.
3. Горбатов А. В. Религиозные объединения немцев в Кузбассе в послевоенное пятнадцатилетие (в аспекте церковно-государственных отношений) // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2002. С. 215–221.
4. Констанц Е. Трудоармейцы. Это была не трудовая армия, а концентрационный лагерь // Губернские ведомости (Новокузнецк). 2001, 25 января.
5. Переведенцев. В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966.
6. Превращение Кузбасса в индустриальный регион (1927–1937 гг.). Кемерово, 1995.
7. См.: <http://www.med2000.ru/komitet/dreysner3.htm>.
8. См.: <http://rusdeu.narod.ru/change/history/deport.htm>.
9. Фукс В. Роковые дороги поволжских немцев 1763–1993 гг. Красноярск, 1993.
10. Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников. Барнаул, 1992.

Сокращения

АлтГАКИ – Алтайская государственная академия культуры и искусств
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
ИАЭТ СО РАН – Институт ... Сибирского отделения Российской акаде-
мии наук

ИИГСО НГПУ –

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
РГИА – Российский государственный исторический архив

РГАДА – Российский государственный архив ...

ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>В. И. Соёнов, С. В. Трифанова</i>	
Полевые археологические исследования Горно-Алтайского госуниверситета в 2006 г.	8
<i>Ю. Ф. Кирюшин, П. В. Волков, К. Ю. Кирюшин, Ю. В. Кирюшина, В. П. Семибратов</i>	
Работы по созданию археологического парка «Перекресток миров» в 2006 г.	10
<i>Ю. И. Гельмель, А. Л. Кунгурев</i>	
Палеолитическое местонахождение на Бурлинском озере (Кулунда)	16
<i>Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгурев, В. П. Семибратов, К. Ю. Кирюшин, А. В. Шмидт</i>	
Раскопки 2006 г. неолитического комплекса поселения Тыткескень-6	21
<i>Ю. Ф. Кирюшин, Г. Е. Иванов, А. Б. Шамшин, Д. В. Папин, А. С. Федорук, А. А. Редников</i>	
Некоторые итоги исследования поселения Калиновка-2	26
<i>С. С. Запрудский</i>	
Накосные украшения федоровской культуры (по материалам могильника Чекановский Лог-10).....	33
<i>В. К. Мерц, Е. С. Казизов, И. В. Мерц</i>	
Новые исследования могильника Кенжеколь-1 в Павлодарском Прииртышье ..	36
<i>А. С. Федорук</i>	
Исследования в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края в 2006 г.	40
<i>Ю. И. Гельмель</i>	
Новые материалы из Славгородского района	44
<i>Я. В. Фролов, С. М. Ситников</i>	
Новые случайные находки изделий эпохи металла из Бурлинского района Алтайского края	47
<i>А. Н. Телегин</i>	
Новые некрополи в окрестностях курганной группы Объездное-1	50
<i>Р. В. Белоусов, И. Е. Кадничанский</i>	
Археологическая разведка в окрестностях г. Камня-на-Оби осенью 2006 г.	53

K. Ю. Кирюшин, В. В. Горбунов, О. В. Даньшин	
Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края)	57
A. П. Бородовский, Т. В. Шаламай	
Обследование предустьевой долины реки Чичкешин	59
T. А. Вдовина	
Обследование остатков ирригационных систем Горного Алтая в 2006 г.	62
P. В. Белоусов, Ю. Н. Кулагина	
Из археологических собраний Каменского краеведческого музея	65
A. П. Бородовский, С. В. Горохов	
Реконструкция печи приказной избы Умревинского острога.....	69
Л. П. Замятин	
Учебная экспериментальная археологическая экспедиция	73
B. Б. Бородаев	
Воскресенский Чупоршневский рудник — один из первых источников алтайского серебра	77

ЭТНОГРАФИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

A. Арчибасова	
Крестьянское жилище: строительство и внутреннее убранство» (по материалам Краснощековского района)	82
Д. О. Афонькин	
Лесосплав и лесозаготовки в Тогульском районе в 30–50-е гг. XX в. (по полевым материалам 2006 г.)	85
E. А. Бельгибаев, И. И. Назаров	
Этнографические экспедиции АлтГУ 2000–2005 гг.: из опыта полевой работы ...	90
E. А. Болотова	
Образ русской женщины рубежа эпох в воспоминаниях современников (по материалам Шемонаихинского краеведческого музея)	95
A. П. Бородовский	
Сборы шаманской атрибутики и мифологии в Горном Алтае	97
Д. Воржаков	
Лексика сенокоса на Алтае в XX–XXI вв. (на примере с. Зудилово Первомайского района)	102
О. Ган	
Игры и игрушки Краснощековского района	111
Л. М. Дмитриева, Е. В. Прокофьева	
Диалектная личность и история региона.....	113

H. M. Екеева, H. B. Екеев	
Полевые этнографические экспедиции института алтайстики им. С. С. Суразакова в 2004–2006 гг.	116
I. B. Куприянова	
Фольклорные традиции Краснощековского района: исполнители и репертуар.....	120
O. B. Малышкина	
Использование традиционных жилищ народов Сибири в современных экспедиционных условиях	123
O. C. Мамонтова, И. В. Попова	
Материалы комплексной экспедиции Алтайского государственного краеведческого музея в Краснощековский район. 2006 г.	126
H. Некрасова	
Научная историко-этнографическая экспедиция Музея истории Алтайской государственной академии культуры и искусства.....	130
M. A. Овчарова	
Развитие сети национальных школ в Алтайской губернии (в конце XIX – начале XX в) на примере чувашей и башкир	132
O. B. Ремизова	
Межэтнические отношения в Тогульском районе Алтайского края (по материалам ИЭЭ 2006 г.)	140
E. Савченко	
Влияние переселенцев на русскую языковую систему на примере Романовского района.....	143
E. Соколова	
Календарная обрядность Краснощековского района	150
C. A. Соловьева	
Гончарный промысел в Тогульском и Ельцовском районах Алтайского края ...	153
H. N. Столярова	
Спецификация в речевых действиях алтайских немцев немецкого дискурса... .	156
H. A. Тадина, T. C. Ябыштаев	
О методике сбора этнографического материала на языке изучаемого этноса ..	159
M. O. Фефелова	
Методы описания предметов материальной культуры в полевых условиях	163
T. Ю. Шишмакова	
Православные традиции: проблемы, направления, методы (по материалам ИЭЭ 2006 г. в Тогульский район)	166

T. K. Щеглова

- Этнографические и устноисторические исследования полевого сезона 2006 г.
БГПУ 168

Л. А. Явнова

- Полевые исследования в г. Бийске 2006 г. (по материалам изучения поляков
города) 180

Биографическое повествование как устный источник**B. P. Андреев**

- Два года в укрепленном районе: армия глазами офицера-двуходичника 185

K. B. Фадеев

- Трагические страницы в истории моей семьи по воспоминаниям деда 193
Сокращения 203

**Полевые исследования
в Верхнем Приобье и на Алтае.
2006 г.**

Археология, этнография, устная история
Выпуск 3

Материалы III региональной
научно-практической конференции
6–8 декабря 2006 г.

Формат 60 90/16. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ № 66.
Отпечатано в ООО «Полиграфсервис». Барнаул, ул. Космонавтов, 65а.